

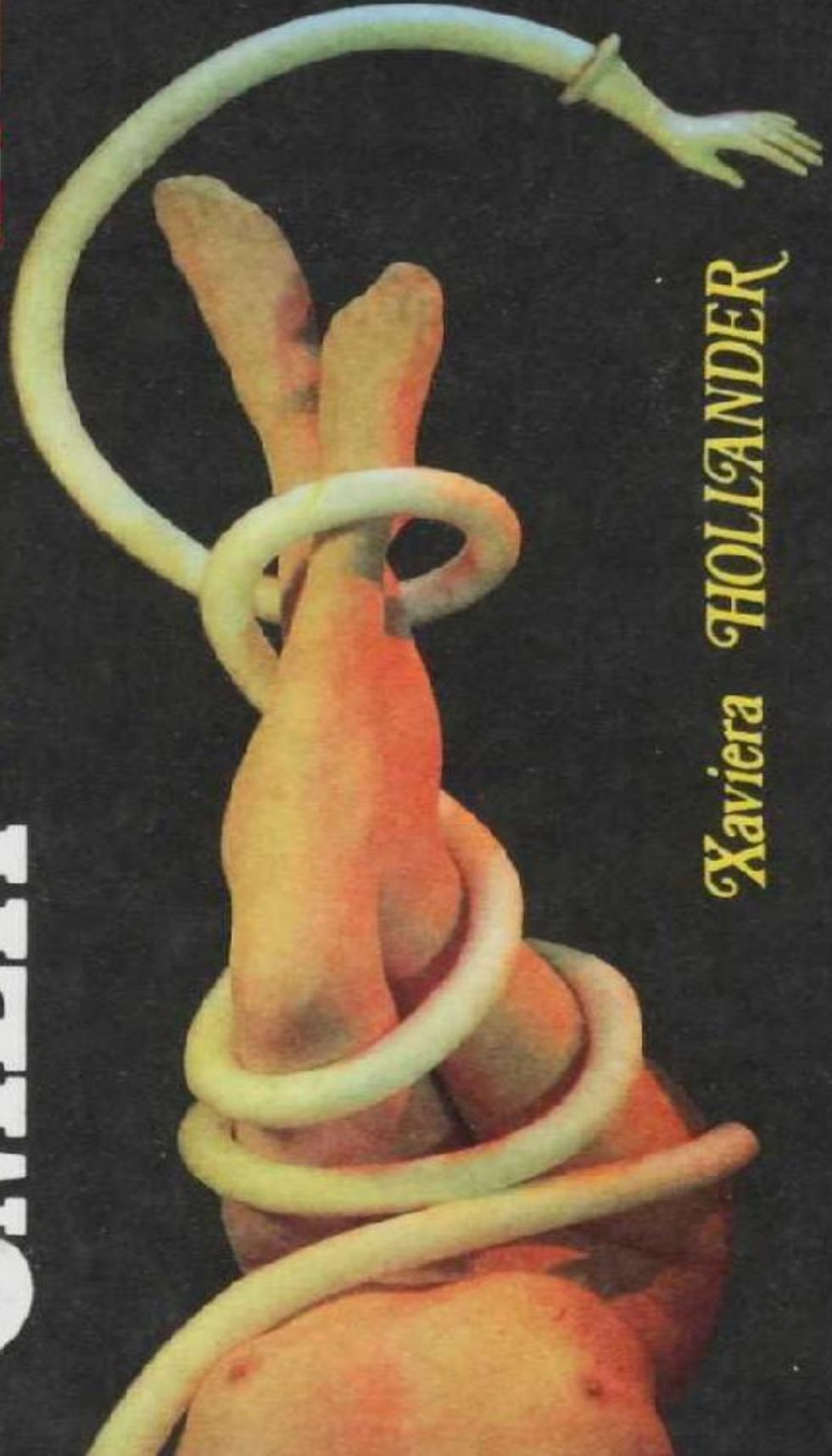
ПОЩЕЛУЙ ЗМЕИ

Ксавьера
ХОЛЛАНДЕР

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА

THE KISS OF THE
SERPENT

Xavier HOLLANDER

Эстрадная певица Сандра, знакомая нашим читателям по роману Ксавьера Холландер «Осирис», привозит похищенный «золотой фаллос» древнеегипетского бога плодородия в Европу. Вслед за нею в надежде завладеть бесценной реликвией устремляются свергнутый диктатор одной из африканских стран Ази Мориба, его любовница авантюристка Анна, профессор-египтолог Халефи и другие герои. Влечет их не только блеск золота, но и магическая сила, скрытая в находке известного археолога... События, которые разворачиваются вокруг столь необычной находки, и составляют сюжетную основу романа «Поцелуй змеи». В книгу включен популярный роман Джеки Коллинз «Мир полон разведенных женщин». * * * Этот роман — о любви. О любви чувственной, страстной, одержимой. О любви, сметающей на своем пути все преграды. «Секс — это не разновидность гимнастики, а волшебство, несущее в себе мощный духовный заряд, — утверждает писательница. — Это белая магия, помогающая влюбленным ощутить себя небожителями». Жестокая борьба за овладение «золотым фаллосом» Осириса, составляющая содержание романа, — это борьба за полноценную жизнь, увенчанную любовью и красотой. Так может писать только Ксавьера Холландер — действительно сексуально, предельно откровенно и всегда увлекательно, как и в уже знакомых нашим читателям книгах «МАДАМ», «МАДАМ ПОСОЛЬША», «ОСИРИС».

- [Ксавьера Холландер](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
- [Джеки Коллинз](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Глава сорок вторая](#)
 - [Глава сорок третья](#)
 - [Глава сорок четвертая](#)
 -
-

Ксавьера Холландер

Поцелуй змеи

Глава первая

Змея Священного Нила

Яхта, зашуршав днищем по песку, стала на якорь. Единственным встретившим их в свежем предрассветном сумраке звуком был шум пенящегося прибоя на еще сонном пляже. Из темноты вынырнули две рослые темнокожие фигуры с мрачными, непроницаемыми физиономиями. Трое пассажиров осторожно спустились с яхты и медленно двинулись по мелководу. В мерцании звезд и фосфорическом блеске луны отчетливо вырисовывались контуры окружающей их местности с изрезанными расселинами утесов, покрытых тропическим лесом.

Свирепые проводники были молчаливы. Узкая тропинка змеилась вдоль золотистого пляжа и терялась в лесу, куда и направилась эта странная группа. С берега этого крошечного, затерянного в Индийском океане островка можно было рассмотреть едва различимые, смутные очертания видневшегося вдаль знаменитого острова Бали. Клео Дженис, бойкая блондинка лет тридцати, жительница Лос-Анджелеса, продюсер концертов многих звезд эстрады и фестивалей в разных уголках планеты, была единственной женщиной в этой компании. Рядом с ней шел Эндрю Друммонд, шотландский врач, владелец процветающего дома моделей в Лондоне. Крупный, атлетического сложения мужчина с седыми волосами и холодными голубыми глазами за очками в тяжелой оправе, он разменял полвека и, несмотря на свой довольно неряшливый костюм, производил внушительное впечатление. За ним тяжело ступал маленький, толстый, лысый, обрюзгший мужчина того же возраста. Это был Йозеф Прунвальд, директор одного из крупнейших банков в Цюрихе. Вся его жизнь прошла за массивным канцелярским столом, что, естественно, никак не способствовало сохранению спортивной формы.

Минут десять сосредоточенного штурма уходящей круто вверх тропинки, и внезапно слева открылся зияющий черной пустотой просторный грот. Молчаливые проводники растворились в его мраке, и Дженис и ее спутники были вынуждены двигаться дальше едва ли не на ощупь: в глубине пещеры на скалистых стенах еле мерцали редкие факелы. Только звуки шагов нарушали царившую здесь, казалось, вечную, суровую и властную тишину. Ход постепенно сужался и наконец уперся в серую каменную стену с маленькой, узкой дверью, через которую они с трудом протиснулись по одиночке. Вдруг они замерли, ошеломленные открывшимся величественным зрелищем. Огромный храм с круглыми, густо покрытыми цветными иероглифами колоннами будто вырастал из скалы. По обеим сторонам храма торжественно возвышались две статуи, одна из которых изображала человека с головой собаки.

— Боже мой, да ведь это же Анубис! — воскликнул Эндрю Друммонд.

Один из сопровождавших злоеще прошипел:

— Тише! Ни слова, пока не заговорит жрица Исиды!

Причудливые лампы из цветного стекла слабо освещали храм. Светильники принадлежали явно к более поздней эпохе и были привезены сюда, вероятно, из Багдада или Дамаска, где служили украшением мечетей. И тем не менее они прекрасно гармонировали с архитектурой этой таинственной пещеры. На высеченных в скале скамьях и карнизах лежали многочисленные редкие и дорогие предметы: золотой амулет с топазами, причудливо изогнутый змеевидный скипетр, манускрипт из папируса, украшенный поразительной

красоты рисунками — египетская Книга Мертвых... В противоположной стене святилища виднелась дверь, ведущая, вероятно, во внутреннее помещение. Из нее вышли восемь мужчин в простых полотняных одеяниях жрецов и причудливых головных уборах. Они остановились перед деревянной скульптурой богини Исиды. Ее корона символизировала власть над Верхним и Нижним Египтом. В левой руке она держала царскую плеть, а на шее сверкал рубин величиной с голубиное яйцо в форме жука-скарабея.

Но вот передняя часть статуи пришла в движение, и гости поняли, что это гробница мумии. Медленно открылась дверь, и перед ними предстала женщина в одеянии, подобном покрову статуи богини Исиды. Она была высокого роста, стройная. Ее блестящие черные волосы и полные тайны миндалевидные глаза с темными обводами действовали магически: будто и впрямь сама богиня! В ее взгляде чувствовалась не просто всепобеждающая властная сила, но какая-то странная отрешенность, создававшая впечатление безграничной сексуальности. Каждый, кто хоть раз встретился с этим взглядом, не мог не попасть под власть волшебных чар. Восемь жрецов склонились перед ней, и гости, подталкиваемые своими мрачными проводниками, тоже опустили на колени.

— Будь благословенна, жрица Исиды! — произнес один из жрецов.

Наступила томительная пауза, а затем заговорила Исида. Голос ее был глубоким и суровым, слова произносились нараспев, будто она читала древнюю формулу, подчинявшую слушающих своей власти.

— Чужестранцы, известно ли вам, что мне дана сила великой богини Исиды? Я — ее жрица! Но когда я начинаю говорить, я становлюсь богиней! Никто не в силах противостоять моей воле, и мои слуги, рассеянные по всему свету, служат и повинуются богине, которая возвратилась из Царства Теней, чтобы вновь ожить в моем теле. И вы тоже принадлежите к числу тех, кто избран служить ей. Вы посвящаетесь в тайны сексуальной власти, дающей всем мужчинам и женщинам волшебную силу, способную заставить любого восхищаться вами и подчиняться вам, как вы теперь подчинились мне.

То, что я сообщу сейчас, вам надлежит узнать еще перед первой фазой ритуала посвящения. Великого бога Осириса, супруга Исиды, заманил в ловушку его младший брат Сет — Злой Бог. Он убил его и разрубил тело моего господина на тринадцать частей, которые закопал затем в разных местах. Однако его жена Исида ходила по всем странам, отыскивая части тела божественного Осириса. Она сшила их и вдохнула в Осириса жизненную силу. Когда Осирис снова стал повелителем обоих Царств Египта, сын Исиды, могучий Гор, убил злого Сета. Однако Осирис был собран не полностью. Он не мог наслаждаться любовью с Исидой, так как отсутствовала одна из частей его тела, закопанная глубоко в землю. Исиде не удалось найти его божественный фаллос. И тем не менее фаллос Осириса доказывает свою мощь и в теле земли, оплодотворяя ее. И земля из года в год дает обильные урожаи.

Для вас все это — легенда. Но тот, кто служит Исиде, знает гораздо больше. В те далекие времена, когда тело Осириса разбросали по земле, была изготовлена золотая статуя — точная его копия. Ее разделили на тринадцать частей, которые затем тоже тайно зарыли. Благодаря волшебной силе этой статуи, богиня смогла разгадать места захоронения подлинного тела своего возлюбленного. Мы, ее приверженцы, поклялись отыскать и собрать все недостающие части золотой статуи — в знак преклонения перед богиней и волшебной силой телесной любви. Если вы готовы служить Исиде и поклоняться культу любви, то вместе с нами будьте готовы к поискам. Следуйте за мной!

Исида бесшумно повернулась. Слуги и гости последовали за ней. Маленькое округлое помещение, стены которого были сплошь задрапированы темно-красным бархатом, встретило их тусклым светом золотых светильников и жутковатыми пятнами теней. Воздух источал сладкий экзотический аромат, возбуждавший у всех странное чувство волнения, предощущения чего-то фантастического. Лишь низкие роскошные восточные диваны с деревянными спинками, украшенными изображениями египетских богов с соколиными головами и извивающимися змеями, действовали умиротворяюще. Клео Дженис предложили средний диван, ее спутники уселись на диваны справа и слева. Исида стояла перед ними, ее руки бережно держали старинный, видимо, времен фараонов, папирусный свиток, текст которого она начала нараспев читать.

Позже никто не смог объяснить, что с ними произошло. Голос Исиды действовал странно — убаюкивал и одновременно возбуждал. Сквозь монотонное пение смысл произносимых слов не доходил совершенно. Клео впилась взглядом в Исиду, и все вокруг нее куда-то провалилось, исчезло. Жрица как будто заскользила к ней, отдавая ее своим горячим дыханием. Клео невольно протянула руки навстречу. Близость теплого тела и легкое соприкосновение с нежной, как лепестки розы, прозрачной, как тонкий фарфор, кожей Исиды возбудили в ней сладостное томление. Лицо Исиды оставалось непроницаемым, но губы продолжали что-то говорить. Клео ощутила такое невыразимое наслаждение, какое не испытывала до этого никогда в жизни. Каждая клеточка ее тела стремилась к этой чарующей женщине.

Она не могла вспомнить, как и когда они разделись, но ее взгляд уже был прикован к обнаженной фигуре жрицы. Клео еще никогда не видела такого женского совершенства и с благоговением обняла ее тело, прикоснувшись к нему губами. Исида терпеливо сносила ее объятия. Пальцы Клео ощупывали тело, небольшие упругие груди и соблазнительные бедра. Однако жрица оставалась неподвижной, и это еще сильнее разжигало страсть Клео. Ей казалось, что она теряет рассудок. Ее глаза сомкнулись, она задыхалась, полностью подчиняясь власти этой удивительной женщины из другого мира и другого времени. Когда ее насытившаяся страсть стала ослабевать, Клео открыла глаза и с удивлением обнаружила, что сидит на своем диване, одетая, а Исида продолжает читать вслух папирус. Эндрю Друммонд и не подозревал, что произошло с Клео. Он прислушивался к монотонному голосу Исиды и понимал все без особого напряжения. В ее повествовании сообщалось, что время — это не огромный океан, а просто крошечная лужица, через которую он может без труда перепрыгнуть. И он шагал через бездны прошлого. Он видел себя Осирисом. Злой Сет был уже мертв, а он сам торжествовал, он был царем, который хотел любить свою супругу. Его тело было телом вечно молодого бога, упругое и полное сил. Царица Исида с удивлением заметила его напряженно пульсирующий фаллос.

— О Боги! — прошептала она. — У тебя же все части тела целы, ты не искалечен! Это подействовала моя любовь!

Он порывисто обхватил ее, почувствовал ее гибкое тело и, ощутив в себе силу, понял, что снова мужчина. Он знал, что это была его миссия — оплодотворить Исиду, чтобы она стала такой же плодородной, как Нил. Он, только он мог наполнить ее тело жизнью! Он взял ее, и она покорила ему! И какое блаженство он ощутил, когда вдыхал ее аромат и наслаждался теплом ее тела. Когда они сплелись в любовном трепете, земля заплясала от восторга. Он ощутил себя Львом, хозяином Африки, она была Змеей, олицетворением мудрости и силы волшебства, а вместе они выражали божественный восторг, управляющий

миром. И в тот момент, когда он одарил ее своим драгоценным семенем, показалось, что Луна раскололась на тысячу частей.

Казалось, прошла вечность, но Эндрю Друммонд все еще сидел на своем диване и страстно взирал на фигуру Исиды, читавшей папирус. Был ли это сон или просто мгновение, выходящее за рамки его представлений? Но одно было несомненно — он пережил оргазм.

А что же происходило с Йозефом Грунвальдом? Он тоже попал во власть божественных чар. Голос Исиды окутал его, до странности притупил чувства и разрушил все мыслимые границы, определявшие до сих пор его жизнь.

Он почему-то стал поглаживать деревянную змею на спинке дивана, и внезапно от его прикосновения она пришла в движение! В то же время он не отрывал взгляда от жрицы. Он ясно осязал своими пальцами нежную, шелковистую ее кожу. Его лихорадило, в жилах бешено пульсировала кровь. Как тяжело дышать!..

Но эти странные ощущения отступали и подавлялись обликом Исиды. Она стояла перед ним, стройная, надменная, холодная и неприступная. Йозеф упал к ее ногам и стал тихо молить дать ему знак, что она готова его выслушать. Переполненный член невыносимо болел. О, если бы хоть немного ее сочувствия, какое это было бы для него облегчение! Он снова устремил свой взгляд на нее и вдруг увидел, что Исида повернулась к нему спиной, сбросив свое белое одеяние. Встав на колени, он с благодарностью обхватил ее зад. Его возбуждение достигло предела, объятия стали крепче, и он закрыл глаза, чтобы полностью отдаться своим ощущениям.

Йозеф очнулся от собственного крика. Что случилось? Неужели грезы довели его до оргазма? Он пытался подняться с пыльного каменного пола, совершенно потеряв ощущение времени. И уже гораздо позже он вдруг осознал себя сидящим на диване, а все еще читавшая жрица в белом одеянии стояла перед ним, неподвижная и недоступная, как Луна. Были ли это галлюцинации, и он на самом деле не испытал оргазма? Но ведь он знал точно, что с ним что-то произошло! Несмотря на свою внешнюю надменность, Исида благосклонно отнеслась к его покорному виду, и это постепенно успокоило его.

Наконец Исида, завершив свое напевное, монотонное чтение, с благоговением свернула свиток и передала его одному из слуг. Однако чарующее воздействие исчезло не сразу. Скорее всего, это походило на медленное ослабление напряжения или на растворяющийся туман. Гости сидели на своих диванах и производили впечатление только что проснувшихся людей. И Исида произнесла:

— Не забывайте случившегося здесь с вами. Этот пробуждающий божественное наслаждение дар является подарком богини. Вы теперь ее слуги, и она подаст каждому из вас знак о том, что предстоит сделать ради приближения дня признания власти Исиды и Осириса над всем миром. Для этого необходимо собрать все тело Осириса, но не как смертную ткань, ибо слишком много прошло времени, а в виде большой золотой статуи.

Исида подошла к одной из ниш в скале. Двое сопровождавших ее широкоплечих, мускулистых мужчин с трудом вытянули оттуда что-то очень тяжелое и поднесли к диванам. Гости с удивлением рассматривали прекрасно отлитую из золота точную копию руки с кистью. Искусное литье пальцев свидетельствовало о высочайшем мастерстве изготовителей.

— О небо! — У Клео перехватило дыхание. — Любой в Голливуде продал бы свою душу за эту руку!

— Могу ли я к этому прикоснуться? — спросил глубоко потрясенный Йозеф

Грунвальд. — В моем банке хранится гораздо больше золота, чем в любом другом кредитном учреждении! Если у вас возникнет желание отдать нам это на хранение, позвоните, пожалуйста, по телефону. Вот вам моя визитная карточка.

— Не суетитесь! — голос Исиды прозвучал будто гром. — Мы продемонстрировали вам это как свидетельство существования божественного тела, недостающие части которого и призваны найти слуги Исиды. Замечу, что большинство из них уже хранится в наших сейфах, но, к сожалению, не все. Если мы обнаружим Золотой фаллос, статуя оживет, и в наших руках окажется невиданная власть! Теперь вы должны нас покинуть, но каждый из вас, в случае необходимости, будет оповещен или, если он посчитает это важным, сам установит с нами контакт.

Безмолвные проводники привели их к яхте, треугольные паруса которой вяло колыхались на ветру. Вскоре маленький остров исчез в утренней дымке. Никто не произнес ни слова. Новообращенных мучил только один вопрос: «Сколько времени пройдет, пока Исида призовет выполнить ее поручение?» Впрочем, им ничего больше и не оставалось, как продолжать жить своей прежней жизнью и ждать.

Глава вторая

Угрюмый мужлан

Чернокожий гигант ловко вывернулся из-за голубовато-бежевого трамвая и пересек Триумфальную площадь. Ази Мориба часто бывал в Цюрихе. Он любил этот город, где в строгих респектабельных зданиях размещаются крупнейшие банки мира. И он не уставал твердить: одно лишь сознание того, что он в окружении огромного количества денег, придает ему чувство уверенности. А тот факт, что немалая часть их принадлежит ему, действовал успокаивающе на его крутой нрав.

Это был статный мужчина, привыкший повелевать. Когда Саламба обрела независимость, Мориба возглавил полицию и за короткое время стал самым могущественным человеком в государстве. Уничтожив президента, он захватил власть, но был свергнут народным восстанием и бежал из страны. Теперь во главе правительства стоял его ненавистный соперник, анархист Милос, которого он прежде годами преследовал.

Мориба толкнул стеклянную дверь и вошел в просторный зал банка. Не удостоив взглядом сидевших у окошечек служащих, он сразу же обратился к администратору, заявив, что хочет поговорить с директором, который лично контролирует его финансы. А поскольку черных великанов не так быстро забывают, то его сразу же проводили в комнату для ожидающих. Йозеф Грунвальд проводил заседание инвестиционного комитета, когда ему доложили, что его хочет видеть Мориба. Он сразу же поручил председательство заместителю и быстро покинул зал заседаний. Но прежде чем выйти к посетителю, Грунвальд распорядился подать все выписки по счетам Морибы.

— Мой дорогой Мориба, не могу выразить словами, как я был потрясен, узнав о событиях в Саламба. Как вам только удалось вырваться из страны?

Слова Грунвальда сильно смахивали на речь профессионального плакальщика на панихиде, выражающего свое соболезнование, однако у Морибы на этот раз было хорошее настроение и он лишь рассмеялся.

— Ну, скажем так, как обычно выпутываются из петли, — ухмыльнулся он. — С помощью лжи и обмана, грабежа и нескольких убийств. В общем, это был день как и все остальные обычные дни.

— У вас всегда солнечный юмор, — Грунвальд был несколько обескуражен таким ответом. — Но сейчас вы чувствуете себя в безопасности или вас и здесь, в Европе, будут разыскивать?

— До тех пор пока я не беспокою Милоса, у него хватит ума, чтобы зря не гоняться за мной. Я его хорошо знаю. Он получил то, к чему стремился, и его совершенно не интересует, что происходит со мной за пределами Саламба, — Мориба держался самоуверенно.

— У вас есть какие-нибудь планы сейчас? — поинтересовался Грунвальд.

— Целая куча! — воскликнул Мориба. — Но для этого мне нужны деньги.

С полчаса они изучали банковские выписки, а затем Мориба распорядился снять с его счета все деньги.

— И куда вы теперь направитесь? Или вы желаете какое-то время провести в Цюрихе?

— Этот город для меня слишком чист и аккуратен. Ну просто стерильное место, — покривился Мориба. — Мне нужно нечто иное. Я подумываю о Риме.

— Рим очарователен! Удивительный центр культуры! — подхватил Грунвальд.

— Культуры?! — с презрением прокартавил Мориба. — Город целиком коррумпирован, полон спекулянтов, проституток и торговцев наркотиками. В общем, все как в Саламба. Вы представляете себе, какие там возможности для меня, с моим-то талантом и опытом?

Грунвальд едва улыбнулся.

Он всегда опасался этого огромного и мощного человека и охотно закончил бы разговор, но боялся его оскорбить. Он заверил Морибу, что, будучи по делам в Риме, даст указание о выдаче ему наличных денег и там.

— Да, вы действительно мужественный человек! — добавил Грунвальд. — Вы не скучаете по Саламба?

— Ничуть! Хотя там и есть кое-что, что я вынужден был оставить, — признался Мориба.

— И что же это?

— Член! — буркнул Мориба, сильно встряхнув головой.

— Что вы говорите? Боже мой, вы хотите сказать, что вас искалечили как мужчину? — Лицо Грунвальда исказилось от ужаса.

— Вовсе нет, — осклабился Мориба. — Уверю вас, я в полном порядке. Но как вы будете реагировать, если я вам скажу, что у меня был еще один, и его я вынужден был оставить в Саламба? — Мориба наслаждался смятением ошарашенного Грунвальда.

После паузы он добавил:

— Но это была не обычная штука, а из чистого золота. И такая огромная. — Мориба развел руки, чтобы показать размер потери. — Я с большим сожалением с ней расстался, однако не было никакой возможности вывезти ее тайно из страны.

— Вы не шутите? Вы говорите это серьезно или это просто фантастическая история, которая вам приснилась?

— Чистейшая правда. Речь идет об археологической находке, которая была обнаружена перед революцией. Представляете себе ее стоимость! Возможно, я когда-нибудь все-таки смогу вернуться в свою страну и заполучу вещицу. А пока вынужден обходиться скромной для меня суммой на моем здешнем счете да тем, что я смогу прихватить в Риме.

— Ну, я бы, допустим, не осмелился назвать ваш счет в банке скромным, — запротестовал Грунвальд. — Это солидный капитал, да и банк делает все, чтобы ваши проценты росли и вкладывались с прибылью.

Мориба засмеялся:

— У вас и вашего банка дела тоже идут неплохо, и не говорите так, будто речь идет о благотворительной организации, а то я стану вкладывать свои деньги в другом месте. Меня не беспокоят грабители, но я терпеть не могу лицемеров.

Грунвальд слишком хорошо знал Морибу, чтобы позволить себе стусеваться.

— Вы должны насладиться тем, что имеете, — выдавил он улыбку, в которой не чувствовалось и доли юмора.

— Расскажите мне поподробнее об этом необыкновенном Золотом фаллосе, который вы обнаружили в Саламба.

— Ходят слухи, что он принадлежал старой статуе, найденной на руднике, где она, очевидно, и была спрятана. Возможно, Милос, наш новый президент и бывший революционер, уже завладел им. Однако такие сексуальные штучки, вероятно, не представляют интереса для расчетливого швейцарского банкира.

— Естественно, нет, — поспешно согласился Грунвальд. — Просто меня разобрало

любопытство в связи с этой странной историей.

Но как только Мориба распрощался, Грунвальд тут же протянул руку к телефону и набрал номер на Бали. Он сидел неподвижно, пока его не соединили, а затем, опасаясь, что кто-либо может его подслушать, торопливо зашептал в трубку:

— Исида, вы узнаете, кто звонит? Отлично. То, что мы ищем, нашлось. Вы должны через неделю встретиться со мной в Саламба. Для Осириса наступает новая эра.

В Ибари через главные ворота въехал президентский «роллс-ройс». Стража отдала салют, а слуга в ливрее сбежал с лестницы, спеша открыть дверцу машины. Но из нее вышел не президент Милос, а ослепительной красоты женщина. Когда Саламба правил Мориба, Анна была его любовницей. После его падения она без колебаний отдала свою благосклонность его преемнику.

Отец Анны был шведским археологом, исколесившим всю Саламба, и при этом не упустившим случая обрюхатить одну из местных красавиц. От этого союза появилась на свет ошеломляюще экзотическая дочь с темной кожей и голубыми глазами. Анна обладала нежной прелестью тропического цветка, но, сохраняя женское обаяние, она была расчетлива, коварна и безжалостна. Это касалось и постели, в которой она тоже была беспощадной любовницей, способной оставить без сил любого мужчину.

Когда она появилась в рабочем кабинете Милоса, он диктовал секретарше какое-то служебное письмо. Закончив, он увел Анну в жилую часть дворца. Милос выглядел озабоченным, но Анна была достаточно умна, чтобы не пристать немедленно с вопросами. Она умела выжидать. В постели ей всегда удавалось выведывать тайны своих любовников. Однако на этот раз ее несколько обескураживало явное отсутствие у Милоса мужского настроения.

Они поднялись по церемониальной лестнице в спальню. Анна зашла в гардеробную, разделась и после тщательного отбора облачилась в ночную рубашку, настолько прозрачную, будто это была вовсе не ткань, а одно дуновение из кремового нейлона. Милоса это всегда возбуждало. Затем она распушила щеткой волосы, легким движением едва коснулась любимыми духами мочек ушей и вернулась в спальню. Там она позаботилась о сдержанно-мягком освещении, включила музыку, вызывающую сладкие грезы.

Ушедший в себя Милос уже лежал на просторной, округлой формы кровати. Анна опустилась рядом и начала кротко поглаживать его спину. У него была хорошая фигура и густые курчавые черные волосы. В общем это был мужчина, который возбуждал женщин, да и как любовник не пасовал. Анна не унималась с ласками, и он, сначала равнодушный, постепенно начал оттаивать. Она покусала его за ухо: он удовлетворенно заурчал. Однако когда Милос повернулся на спину, Анна, сунув руку под простыню, не обнаружила у него никаких признаков возбуждения. Что-то не ладилось, и это ее удивило. Анна еще ни одному мужчине не позволяла оставаться безразличным к ней и удвоила свои усилия. Так она еще никогда не старалась. Но Милос вел себя по-прежнему пассивно. Когда она уже собиралась признаться в поражении, он вдруг рванулся, схватил ее за волосы, приподнял и опрокинул на спину. Навалившись, без всяких церемоний вонзился в нее. Анна крепко прижала свои губы к его, но и поцелуй Милоса был жестким, будто делал все это против своей воли или хотел удержать свою чувственность. И в оргазм он вошел, не заботясь о том, что она еще даже и не приблизилась к этому состоянию. До сих пор он не был таким эгоистичным. Сегодня же он

использовал ее лишь для удовлетворения своей сексуальной потребности.

Анна ушла в ванную и стала под душ. Она чувствовала себя оскверненной. Не тем, что ее взяли, а тем, что сделали это с безразличием.

Когда она вернулась, Милос лежал, уставившись в потолок.

— Вероятно, ничего не было, — пробормотал он.

— Вероятно, ты думал о другой, — шутливо упрекнула Анна, будучи глубоко убежденной, что от Кипра до мыса Кап нет женщины, которая могла бы конкурировать с ее сексуальным излучением.

И все же она была недалеко от истины. Милос думал о другой. О девушке в самолете, который он пытался захватить. Она помогла ему бежать, когда акция обернулась провалом. И хотя общение было мимолетным, он не мог, ее забыть, его влекло к ней.

Девушка была родом из Шотландии, пела в кабаре. Вот только имя ее он никак не мог вспомнить — Сандра или что-то вроде этого. Воспоминания о ее русых локонах, улыбке, выразительных, цвета фиалки глазах были настолько глубоки и реальны, что, казалось, рядом с ним лежит она, а не Анна. Поэтому Милос ничего не ответил любовнице.

— Это место проклято, — пожаловалась она. — И я тебя предупреждала, что нечто подобное когда-нибудь случится.

— Ты это о чем? — попытался сосредоточиться Милос.

— Ты прекрасно все понимаешь, — не унималась Анна. — Я уже рассказывала тебе о фантастическом Золотом фаллосе, который нашел американский инженер-горностроитель.

— Ты имеешь в виду человека, с которым ты спала по приказу Морибы? — хмыкнул Милос.

— Он мог бы тебе многое сообщить! — без тени смущения продолжала Анна. — Как было бы замечательно, если бы Золотой фаллос хранился в нашей комнате. Каждый раз, когда мы занимались любовью, происходило бы чудо. Эта вещь обладает волшебной силой. А теперь...

Ей не удалось закончить свою мысль.

— Суеверная чепуха, — проворчал Милос.

— И вовсе не чепуха. — Анна когда-то проверила на себе возможности Золотого фаллоса, но, естественно, сообщать об этом не собиралась. — Чем ты объяснишь, например, что после похищения этой вещицы из Саламба ты стал неспособным любить меня по-настоящему?

— У меня и без того голова кругом идет, — отмахнулся Милос. — Я ведь, в конце концов, президент страны.

Презрение в глазах Анны было выразительнее всяких слов, и Милос почувствовал, как в нем закипает гнев.

— Я не думал, что ты находишься здесь из-за этой проклятой штуки, которую считаешь такой бесценной, — бросил он ей в лицо.

— Сначала действительно я думала лишь о его стоимости. — Анна перешла в контратаку. — Потом я обнаружила его сексуальную силу, но было уже поздно. Морибе удалось бежать из Саламба, прихватив находку с собой. И если сейчас ты президент, то он с нею — император! Ни одна женщина не устоит перед этой чудодейственной вещью, как, собственно, ни один мужчина тоже. Это подлинное могущество!

— Если ты так глубоко веришь в этот отросток Осириса, то можешь последовать за своим прежним любовником. Морибу найти совсем не сложно, а с твоими способностями не

составит большого труда обвести его вокруг пальца.

— Надеюсь, что ты это не всерьез? — Анна несколько опешила.

— А почему бы и нет? Но одно тебе должно быть абсолютно ясно. — Милос заговорил неожиданно резко. — Если ты заполучишь эту вещицу в свои жадные руки, то немедленно прямым ходом вернешься сюда. Причем без всяких трюков, Анна, иначе с тобой может случиться какая-нибудь неприятность! И не думай, что сможешь где-нибудь спрятать свою волшебную палочку. Мои люди везде тебя выследят, а твой божественный император Мориба никак не сможет тебя защитить.

Анна задрожала от страха. Она знала, что Милос не произносит угроз просто так.

Погода в Лондоне была намного холоднее, чем в Ибари, однако температура в спальне Сандры Митчелл и Дональда Мак-Фея была гораздо выше, чем у Анны и Милоса. Они недавно вернулись из своего богатого приключением путешествия в Саламба. Дональд, игрок шотландской национальной сборной по футболу, получил в своем клубе краткосрочный отпуск. Сандра же только что подписала контракт с элитарным ночным клубом в Лондоне, в котором уже на следующей неделе должна была выступать как певица и саксофонистка.

Дональду не было еще и двадцати, но его талант уже обеспечил ему достаточную популярность на футбольных полях. Он был небольшого роста и быстр, словно горный леопард. Выросший в маленькой сонной деревушке, он был не очень сведущ в сексуальности. Он был любовником без особых претензий, действовал прямолинейно, во всем полагаясь на партнершу. Однако, побывав в Саламба, многому научился. И лишь с содроганием вспоминал, как его там совратила Анна — ведь он преклонялся перед Сандрой.

Они целый день провели в магазинах, затем гуляли в парке и, вернувшись в гостиницу, почувствовали себя совсем усталыми. Сандра предложила перед обедом немного отдохнуть. Сделала это она не без задней мысли. Но, очутившись в спальне, поняла, что Дональду не до любовных утех. Тем не менее спросила:

— Ты не хочешь со мной немного поваляться?

— О, Сандра, у нас еще будет время, — взмолился Дональд.

— Что ж, отложим, — бодро согласилась она, хорошо зная своего друга.

Благодарный Дональд обнял, осыпая поцелуями, и неожиданно возбуждился. Ну а про Сандру и говорить было нечего. Она выскользнула из его объятий и потянула Дональда в ванную. Едва он встал под душ, как она быстро разделась и оказалась рядом. Под горячими водяными струями Сандра продолжила свою игру: намыливала ему спину, будто невзначай скользила руками по животу. Он слабо сопротивлялся, ласки подруги были приятны.

Потом они укутали друг друга купальными простынями и со смехом побежали в спальню.

В постели Дональд снова обнял Сандру. Она удовлетворенно улыбалась, ее глаза лучились, поощряя его. Дональд кончиком языка пошевелил в ее ухе. Она замурлыкала, словно кошка, но когда он готов был уже приступить к главному, Сандра попросила:

— Пожалуйста, любимый, потерпи еще чуть-чуть.

Дональд не отступал, и вскоре они слились в сладострастном порыве. Они больше не могли контролировать себя. Сандра едва подавила крик, когда оргазм пронзил все ее тело.

Теперь и Дональд оказался на пути к высшему блаженству. Подсознательно он ощутил, что Сандра готова еще раз войти в оргазм. Их тела были полностью созвучны, движения

подчинялись единому ритму. Мощный всплеск счастливой удовлетворенности они пережили одновременно.

Утомленные и опустошенные, они чувствовали, как постепенно восстанавливаются силы и возвращается действительность. Однако сладкая истома все еще растекалась по их телам.

— Неплохо бы снова принять душ, — сказал Дональд.

— В тебе нет романтики, — слегка надув губки, ответила Сандра и нежно поцеловала его в кончик носа.

Она встала и направилась в ванную. Дональд, услышав шум набегающей воды, последовал за ней.

— Знаешь, сегодня было прекрасно, как никогда раньше. — Он вздохнул.

Сандра счастливо кивнула головой.

— Не смейся надо мной, но мне кажется, что с тех пор, как эта забавная штука оказалась у нас, наша любовь попала под власть совершенно иных чар.

— И ты можешь эту часть божества называть забавной штукой? — В голосе Дональда прозвучало недовольство. — Однако я с тобой согласен в одном. Кажется, она и в самом деле обладает необыкновенными свойствами. И тем не менее, несмотря ни на что, мы обязаны вернуть эту вещь французскому археологу, ведь ему тоже удалось покинуть Саламба.

Профессор Луи Халефи был приглашен в Саламба американским горным инженером, чтобы обследовать Золотой фаллос, найденный одним из местных рабочих. Полицейские Милоса несколько раз объявляли его розыск, но в конце концов решили, что Мориба бежал из страны вместе со священной находкой. А на самом деле это сделала Сандра. Теперь она лежала на ее ночном столике в соседней комнате.

Золотой фаллос действительно окружала таинственная аура. И в самом ближайшем времени многие окажутся втянутыми в ее дьявольский водоворот.

Глава третья

Змеи в траве

В президентском дворце Анна дала волю своим эмоциям. Сидя за столом, на котором оставались еще следы завтрака, она бросала на Милоса гневные взгляды.

— Не понимаю, почему ты должен принимать этого проклятого швейцарца. В конце концов он же не посол и не папа римский. Какой-то владелец лавки в Альпах звонит твоему личному секретарю, и ты уже готов предоставить ему аудиенцию. Он наверняка хочет продать тебе часы с кукушкой. И вообще, что ты за президент?

Милос проворчал:

— Не смейся людей. Я же сказал тебе, что это директор одного из самых крупных банков мира. Я обязан его принять.

— Вечно у тебя нет времени для меня. Такое впечатление, что и спишь со мной больше по обязанности, нежели желанию. Однако в последнее время и это стало историческим событием. Почему этот тип не может прийти на прием в официальное время? И вообще, что ему нужно?

— Как я могу это узнать, не встретившись с ним? Ты соображаешь, что говоришь? Саламба одолжила миллионы во всевозможных банках, и большая часть их приходится именно на этот швейцарский банк.

— Ну, если он хочет поговорить о деньгах, то может обратиться к министру финансов.

— Мне кажется, что после нашей революции они стали нервничать и предпочитают иметь дело лично с главой государства. Хотят получить надежные гарантии, что их деньги защищены. Однако если они начнут требовать погашения кредитов, это обернется для нас катастрофой. Ибо я потерял бы свое место, да и ты тоже, — проворчал Милос.

Анну это не очень убедило, и она сказала:

— Наверное, мне лучше присутствовать при вашем разговоре.

— Это все равно, что сбросить атомную бомбу на дворец! — взорвался Милос. — Ты всерьез полагаешь, что экстравагантная любовница президента — лучший способ доказательства надежности вложения займов государства? Мы же имеем дело с консервативным европейским банкиром. Чтобы ноги твоей здесь не было! Пойди в город и купи себе новую шляпку, а то солнце высушит остатки твоих мозгов!

Взбешенная Анна выскочила за дверь. Милос еще долго не мог успокоиться, хотя принимать такого всесильного гостя, да еще неизвестно зачем прибывшего, следовало на трезвую голову.

Но когда Йозеф Грунвальд вошел в его кабинет, Милос удивился. Гостя сопровождала женщина, уже известная нам как Исида. Даже не в одежде жрицы, она производила потрясающее впечатление. Исида это знала и сейчас ни на мгновение не отрывала взгляда от Милоса.

Грунвальд сразу приступил к изложению цели своего визита:

— Господин президент, в первую очередь я хотел бы поздравить вас в вашей новой должности, а также высказать свое глубокое удовлетворение в связи с тем, что вам удалось освободить страну от Ази Морибы. Я полагаю, что выражаю мнение всех банков и говорю вам это, чувствуя, что наши деньги в руках надежного человека.

Милос, как и полагается в таких случаях, кивнул головой. Но едва он попытался

произнести ответное слово, женщина холодным взглядом остановила его.

Грунвальд продолжал:

— Однако есть некоторые обстоятельства, которые нам необходимо обсудить с величайшей деликатностью, дабы никак не омрачить наши добрые отношения, имеющие такое большое значение для вашей страны.

Замаскированная угроза заставила Милоса буквально оцепенеть.

— Я прибыл к вам неофициально, чтобы покончить с этим делом раньше, чем оно перерастет в проблему.

Грунвальд одарил при этом президента широкой улыбкой, но выражение лица Исида оставалось по-прежнему непроницаемым.

Ее взгляд парализовал Милоса.

— Я слышал, что в Саламба обнаружена бесценная старинная вещь, и наша задача, — при этих словах он повернулся к Исиде, — во имя справедливости вернуть ее законному владельцу. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь. Я говорю о Золотом фаллосе Осириса, который в целях безопасности хранится где-то здесь во дворце. Пожалуйста, распорядитесь принести его нам.

Милос отрицательно покачал головой.

Грунвальд вздохнул.

— Ну что ж, видимо, мы должны убедить вас как-то иначе.

Пока он говорил, Исида достала из шкатулки кипарисового дерева выцветший папирус и начала читать вслух. Милос слушал ее как зачарованный, хотя и не понимал ни слова. Звонкий, но монотонный голос затуманил его со знанием и сковал волю. Все вокруг преобразилось, воздух наполнился дурманящим ароматом. Ему показалось, что он находится то ли в пещере, то ли в храме. Вокруг было темно, однако он еще мог различать Исиду, фигура которой излучала фосфорический свет. Он никак не мог понять, почему она вдруг оказалась обнаженной, но осознал, что перед ним самая очаровательная женщина, которую он когда-либо встречал. У него возникло страстное желание обнять ее, обладать ею, но он не мог даже пошевелиться. Внезапно их уединение нарушилось. Мужчина, оказавшийся возле нее, был похож на Йозефа Грунвальда, а может, и нет. Этот Грунвальд, в отличие от полного лысого банкира с одутловатым лицом, был загорелый, гораздо моложе, выше ростом, атлетически сложен. Он был подобен мифическому герою, обладавшему магическим даром сверхсексуальности. Как и его таинственная партнерша, голос которой обволакивал сознание Милоса, этот идеальный Грунвальд тоже был голым и стоял перед ним с невероятно большим пенисом, представлявшимся Милосу символом мужской потенции.

Милос видел, как Грунвальд стоя сносился с Исидой. И вместе с ним переживал бурный экстаз, согласовывая свои движения с их ритмом. Но, несмотря на телесное возбуждение, их лица, подобно маскам, оставались безучастными. Милос не ощущал движения времени и поэтому не знал, как долго все это длилось. Его лишь удивляло, что по отношению друг к другу они выглядели холодными, словно статуи, хотя он сам, глядя на них, разгорячился и пережил оргазм вместе с Грунвальдом.

Его сознание все еще баюкал монотонный голос жрицы. Подчиняясь ему, он увидел себя на коленях перед этими сверхъестественными фигурами. Исида смотрела на него сверху, будто он был собакой или кошкой, которая трется о ногу своей госпожи.

Внезапно пелена спала, Милос открыл глаза. Похоже, он лежал на полу, а гости стояли

рядом одетыми и, казалось, не понимали, что с ним произошло. Они смотрели на него с обидным безразличием...

Исида аккуратно свернула папирус и спрятала его в шкатулку.

Грунвальд откашлялся.

— Мне кажется, то, что вы прочувствовали, должно убедить вас в серьезности наших намерений. Вы обязаны вернуть нам Золотой фаллос.

Милос медленно приходил в себя. Он встал и обрел способность говорить. Посмотрев на Исиду, сказал:

— Его здесь нет.

Грунвальд подозрительно уставился на Милоса, но Исида успокоила его:

— Он говорит правду. Я всегда чувствую, когда человек лжет.

Банкир поджал губы и угодливо закивал головой.

— Если не во дворце, то где же вы его спрятали? Пожалуйста, распорядитесь, чтобы его нам вернули, — мягко предложила Исида.

— Его нет в моих владениях. Похоже, Мориба захватил его с собой, когда бежал из страны.

— Этого не может быть! — воскликнул Грунвальд. — Мориба утверждает, что эта бесценная часть статуи божества находится в Саламба.

— Уверяю вас, что это не так, — возразил Милос.

Они молча стояли друг против друга. Исида, как и недавно, пристально смотрела на Милоса. Затем повернулась к Грунвальду:

— Он прав. Нужно искать в другом месте.

— Вы не единственная, кто его ищет, — заявил Милос, вспомнив об Анне. — И вообще, кто вы такая?

Исида пропустила вопрос мимо ушей.

— Если вы обнаружите Золотой фаллос, то немедленно передайте его нам, — настаивал Грунвальд.

— Почему это? — В голосе Милоса прозвучало недовольство. Он сообразил, что они безуспешно толкаются повсюду в поисках божественной реликвии, значит, далеко не так всемогущи, если даже их необычная способность воздействовать на психику людей не в состоянии им помочь. — Я считаю, что если Золотой фаллос найдется, Саламба будет заинтересована сохранить его у себя. Это же уникальная вещь, которая могла бы способствовать развитию туризма в нашей стране.

Грунвальд уже готов был возмутиться, но Исида взглядом заставила его замолчать.

— Мы не собираемся спорить с вами. Фаллос — это только часть большой золотой статуи Осириса. Мы являемся членами секты Исиды и служим этой богине. Она посвятила нас в тайны сексуальной жизни, и мы теперь можем, пользуясь ее учением, обращать мужчин и женщин в рабов, в чем, собственно говоря, и вы лично только что смогли убедиться. У нас имеются уже почти все части статуи, и мы намерены собрать ее полностью. Я хочу сделать вам предложение. Для отправления культа Исиды необходимо место, где бы статуя надежно охранялась. Почему бы это не организовать в Саламба? В Египте или в одной из западных стран ее наверняка поместят в какой-нибудь мрачный музей. А мы мечтаем о храме, где мужчины и женщины всего мира смогли бы поклоняться Исиде и Осирису, а не разглядывать пристально мертвую статую за стеклом. Вы хотите развивать туризм в своей стране, но что вы сможете показать? Подумайте, как было бы хорошо, если

бы Саламба стала центром мировой религии. И какой религии! Базирующейся на любви — и не на духовной, а телесной, в ее самом высшем выражении. Именно такой, каковой она и является! В Ибари было бы больше паломников, чем в Иерусалиме, Мекке и Риме, вместе взятых. Что вы скажете на это?

Милос задумался, а затем хитро улыбнулся.

— А почему бы и нет? Но прежде всего надо найти Золотой фаллос, и для этого следует объединить наши усилия. Давайте кое-что обдумаем. Я могу предоставить вам соответствующий храм для статуи и отправления службы, и ваша секта сможет накопить сказочное богатство. Но все это, конечно, осуществится, если и президент страны в определенной мере будет заинтересован, ведь он же будет оказывать гостеприимство.

— Против такой сделки у нас не было бы никаких возражений, — согласилась Исида.

Глаза Йозефа Грунвальда засверкали, и он с воодушевлением промолвил:

— Вот теперь вы говорите на языке, который мне понятен.

В нескольких десятках метров от улиц Кондотти и Римской с их элитарными магазинами и домами моделей есть узкий переулок, куда не заглядывают ни туристы, ни полиция. С высоких стен обветшалых домов осыпается штукатурка, окна разбиты или немыты целую вечность. Здесь целыми семьями живут в одной комнате, и на протяжении всего дня слышен детский плач. Воздух пропитан кухонными испарениями. Но есть у этого переулочка и ночная жизнь.

В одной из квартир, расположенных под самой крышей, приводила себя в порядок Эмилия Ферручи. Ей было около тридцати, но выглядела она лет на десять старше. Медно-рыжие волосы уже утратили свой натуральный блеск. Высокие скулы придавали лицу худобу, которую уже ничем нельзя было скрыть. Эмилия критически осмотрела себя в покрытом пятнами зеркале. Ее дряблые, отвисшие груди были похожи на опустевшие бурдюки. Зато ногами она осталась довольна — были они длинны и стройны. Правда, в колготках поехали петли. Но она надеялась, что дырку не заметят. Она быстро натянула свою красную, помятую мини-юбку, застиранную блузку, надела туфли на высоком тонком каблуке, схватила косметичку и по деревянной лестнице сбежала вниз.

Более ловкие, удачливые девицы имели свои районы — угол улицы вблизи ресторана или место, посещаемое туристами. Эмилия к таким не относилась. Она медленно шла по улице Кондотти, бросая на встречных мужчин зазывающие взгляды. Но это не действовало, и они проходили мимо. Она сокрушенно подумала, что ей, похоже, опять предстоит противная одинокая ночь. И в этот момент к ней подошел на редкость статный темнокожий мужчина. Эмилия растерялась. Многие девицы отказывали цветным, опасаясь их слишком развитых мужских достоинств, причинявших боль. Но Эмилия не могла себе позволить разборчивость. Свергнутый диктатор, а это был он, Мориба, одобрительно кивнул. Эмилия повернулась на каблучках и зашагала впереди него к своей квартире. Неплохо, когда мужчина не спрашивает о цене, а этот здоровенный самоуверенный мужик не произнес ни слова и молча последовал за ней. Эмилия боялась лишь одного — чтобы он не оказался садистом. Правда, Джузеппе всегда начеку и в случае необходимости сразу же придет на помощь. В конце-то концов она была и для него источником дохода.

Мужчина был хорошо одет, приехал, вероятно, из Штатов и, естественно, думалось ей, понятия не имеет, какие в Риме цены за такие услуги.

Он оглядел убого меблированную комнату, мало напоминавшую любовное гнездышко,

но ни словом не обмолвился о своих впечатлениях. Эмилия положила сумочку на стол и заговорила с ним на ломаном английском:

— О'кей, большой мальчик! Скажи, у тебя есть доллары?

Мориба ухмыльнулся и кивнул.

— За все это пятьдесят мышек, и без особых положений. Или ты хочешь чего-либо особенного?

Мориба ничего не ответил и вытащил пачку долларов. Он вынул несколько банкнотов и, не считая, бросил на стол. Эмилия схватила деньги: там было сто пятьдесят долларов. Она торопливо спрятала их, разделась и пошла в ванную.

— Всего несколько минут, — крикнула она оттуда. — Располагайся поудобнее.

Когда Эмилия вышла из ванной, то с недоумением обнаружила, что мужчина все еще был в одежде и неподвижно стоял там же, где она его оставила.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты боишься? А я думала, ты уже в постели.

Впервые с тех пор как они встретились, Мориба заговорил.

— Я не собираюсь валяться с тобой. — В его голосе звучало столько презрения, что ей показалось, будто она получила затрещину.

— Что тебе нужно? — вскипела Эмилия. — Ты не получишь свои деньги обратно, даже если ты и передумал.

— Я ничего не передумал, — засмеялся Мориба. — У меня и не было ни малейшего желания с тобой возиться.

— Чего же ты хочешь? — повторила она. В ее голосе звучала паника. В мужчине чувствовалась огромная сила, а за равнодушным тоном таилась угроза.

— Пусть придет твой парень, — приказал он.

— Что?! — Она с удивлением уставилась на него. Ну, если он так развращен, то почему же сразу не подцепил мальчика? Таких же полно.

— Твой парень, твой покровитель. — Он обращался к ней, как к умственно отсталому ребенку. — Такая старая неряха, как ты, наверняка должна иметь сутенера. Ну, позови его, я бы хотел потолковать с ним.

— Ты потерял голову! — закричала она. — Он может тебя убить.

— Этот риск я беру на себя, — насмешливо улыбнулся Мориба. — Ну, скоро он будет или я для этого должен сделать тебе больно?

Эмилия нерешительно отвела взгляд в сторону.

— Но не упрекай меня за то, что произойдет, — наконец решилась она и трижды постучала по полу.

Джузеппе как будто только и ждал сигнала. В мгновение ока он был уже в дверях, готовый броситься на Морибу. Эмилия удержала его.

— Все в порядке. Он мне ничего не сделал.

Джузеппе был широкоплечим, мускулистым бугаем, привыкшим все проблемы решать с помощью кулаков.

— Что здесь происходит? — прорычал он.

— Я должен поговорить с боссом, — спокойно ответил Мориба. — И прежде чем ты заявишь, что не понимаешь, о чем я говорю, я тебе скажу, что я знаю, что в этом районе есть человек, который контролирует всех вас. Без его разрешения вы ничего делать не можете. Отведи меня к нему.

— Послушайте, вы, — зашипел пораженный Джузеппе, — убирайтесь к черту.

— Там я уже побывал, — дружелюбно ответил Мориба, — но это все в прошлом. Я обещаю тебе, что у меня нет никаких черных мыслей. Совсем наоборот: я могу предложить кое-что выгодное.

— Что это за кое-что?

— Это я сам объясню боссу, а не прибежавшему сюда с улицы парню. И предупреждаю, — с угрозой добавил Мориба, — если ты попытаешься вытянуть из своего рукава нож, то я сломаю тебе руку.

Джузеппе с яростным ревом ринулся на Морибу, но тут же отлетел в угол, схлопотав удар в лицо. И прежде чем он пришел в себя, а Эмилия успела что-либо понять, Мориба ударил его еще раз — в промежность. Джузеппе взвыл от боли.

— Тебе срочно нужен был урок, манеры у тебя далеко не лучшие, — объяснил Мориба. — И ты должен понять в конце концов, что я говорю серьезно. Если Пино Астоли все еще шеф, то я хотел бы поговорить с ним. И ты посодействуешь этой встрече. Приходи завтра в полдень к Санта Марии, и только не опаздывай, а то в следующий раз у меня может лопнуть терпение и я побью тебя так, что ты попадешь в больницу.

Мориба вышел. Они молчали, пока на лестнице не стихли его тяжелые шаги.

— Кто этот человек и откуда он знает об Астоли? — спросила со страхом Эмилия.

Джузеппе все еще лежал на полу и стонал. Позже, когда боль несколько утихла, он выместил всю свою злость на Эмилии, изрядно поколотив ее.

Церковь святой Марии находится недалеко от Пантеона. Перед ней стоит своеобразный обелиск в форме высокой колонны, установленной на спине слона. На следующий день в двенадцать часов Мориба был уже возле этого обелиска. Вскоре к нему подошел Джузеппе. Кивком головы он позвал его за собой. По оживленным улицам добрались до какой-то таверны. В помещении было много посетителей, занявших все столики. Обойдя их, они остановились у двери, которая вела в подсобные помещения. Джузеппе показал на нее, но Мориба отрицательно покачал головой.

— Я лучше подожду здесь: среди множества людей я чувствую себя увереннее. Ты пойдешь туда и скажешь моему старому приятелю Пино, что я уже здесь.

У Джузеппе не было никакого желания снова начинать разборку с этим бешеным типом, но его выражение лица стало злобным.

— Боишься?

— Всего-навсего осторожность, — ответил Мориба. — Теперь давай, иди.

Он сел за стол в углу. Один из официантов бросился к нему и начал объяснять, что стол уже кем-то зарезервирован.

— Ну теперь он будет мой, — отрезал Мориба.

Официант пристально посмотрел на него и отошел. Мориба ждал примерно минут пять, пока не вернулся Джузеппе. Его сопровождал коренастый мужчина с бородкой и в темных очках. И тут же за его спиной выросли двое мускулистых телохранителей. Пино Астоли сначала уставился на пришельца, а затем его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Мне не верится, что это ты, — захихикал он.

Мориба холодно посмотрел на Джузеппе.

— Исчезни, — приказал он ему, — и захвати с собой этих громил.

Все трое посмотрели на Астоли, и тот нетерпеливым движением руки дал знать, чтобы они убрались, добавив:

— Этого джентльмена я хорошо знаю.

— Джентльмен, — проворчал Джузеппе с отвращением, но поспешил за приятелями.

— Так, Великий Мориба в Риме, — сказал босс подпольного мира, лишь слегка улыбнувшись. — И что же ты намерен здесь делать?

— Я бы хотел взять на себя твое дело, — без предисловия начал Мориба.

Астоли подумал, что ослышался.

— Не беспокойся, ты не будешь безработным, — заверил его Мориба. — Мне нужны девочки, много девочек. Я знаю, что ты хватаешь молоденьких, которые приезжают в Рим, чтобы сделать карьеру в кино, но вместо этого попадают на улицу. Это, дружище, бессмысленное расточительство. Я могу их продать по хорошей цене, по той, о которой ты и мечтать не мог.

— Я вполне доволен и тем, что у нас сейчас имеется, — нахмурился Астоли.

— Ну а я — нет! — подчеркнуто возразил Мориба. — Вспомни-ка, сколько платили арабы за белую девушку, прежде всего за блондинку? Саламба со всеми своими полезными ископаемыми, которые открыли там американцы, не имеет столько, сколько получила бы за одну ночь. Там мальчики платят вдвое больше, чем на Среднем Востоке.

— Очень интересно, — сказал равнодушно Астоли. — Но ты, похоже, забыл, что для Саламба ты — никто.

— Я сохранил все связи. У тебя есть девочки, а у меня клиенты. Естественно, ты будешь получать свою долю. Ты сам убедишься, какой я щедрый. Подумай-ка, ведь гораздо легче вылавливать девочек, чем находить клиентов, которые есть у меня.

Они долго смотрели друг на друга, затем Астоли встал.

— Я подумаю об этом и дам тебе знать о своем решении, — сказал он.

— Не думай слишком долго, — предупредил Мориба. — Ты найдешь меня в отеле «Хасслер».

— Я и представить себе не мог, что ты остановишься в лучшей гостинице города.

Пино Астоли собрался уже уходить, но Мориба схватил его за рукав.

— Ты все еще дружишь с красивой француженкой? Как ее звали-то? Моника Дюбуффе, не так ли? Было бы жаль, если бы с ней что-либо случилось. Ты так не думаешь?

Астоли пристально посмотрел на Морибу, и глаза его сверкнули яростью.

— Я убью тебя, если ты что-либо с ней сделаешь, ты понял?

Мориба засмеялся.

— Тогда решай поскорее.

Анна не могла понять, как это Морибе удалось обойти цензуру и тайно доставить ей письмо. Вероятно, у него в стране еще оставалось много сторонников. Письмо звало Анну срочно прибыть в Рим.

Связь с Милосом принесла ей лишь разочарования. Секс не помог сближению, а с появлением швейцарского банкира и его таинственной спутницы стало еще хуже. Милос повел себя совсем непонятно. Несмотря на все ее старания в постели, она так и не смогла у него выведать, почему эти гости не уезжают. Она даже заметила, что Милос всякий раз, когда заходила речь о Золотом фаллосе, становился непроницаемым и спешил увести разговор в сторону. Анна была убеждена, что эта необычная штука находится у Морибы. Поведение Милоса только подтверждало это. Когда она прочла письмо Морибы, то решила, что выполнит его просьбу. Но что она скажет Милосу? Если она попытается покинуть страну, не поставив его в известность, ее могут схватить на границе. Страшно даже

представить, какую месть придумает тогда Милос. Но если она сообщит ему правду, то он узнает, где находится Мориба, того выследят и ликвидируют прежде, чем она выкрадет у него Золотой фаллос.

Однако все ее проблемы решились неожиданным образом. Однажды после обеда она задумала навестить подругу. Когда приехала на ее виллу, то узнала, что та неожиданно отбыла в Стокгольм. Анна возвратилась в президентский дворец. Поднявшись к себе, открыла дверь в спальню и остолбенела.

На ее кровати лежала женщина, которую звали Исидой. Держа в руках старинный папирусный свиток, она бормотала какие-то слова. Нижняя часть ее тела была обнаженной, а у ее ног сидели на корточках Милос и Грунвальд. И хотя мужчины смотрели на появившуюся Анну, она была убеждена, что они не видели ее. А через мгновение от слов, смысл которых ей не был понятен, ее начала охватывать необычайная сонливость. Превозмогая эту странную силу, Анна юркнула за дверь. Она была взбешена. Она догадывалась, что Милос собирается отдаться этой женщине с такой страстью, какой она уже давно не чувствовала у него.

Вечером в постели Анна рассказала Милосу обо всем, что увидела в своей спальне. Но он, как ни странно, не смутился и даже не ответил на ее упрек.

— Ну, если ты затеял интрижку с этой нахалкой, то я лучше уеду на несколько дней. Я себя плохо чувствую.

— И куда же это ты нацелилась? — без особого интереса спросил Милос.

— В Европу, возможно, в Париж. Я бы хотела предоставить тебе возможность позабавляться с этой... Я тоже, может быть, найду себе приятного любовника. А затем мы вместе с тобой отправимся в отпуск.

Милос подернул плечами.

— Делай что хочешь. Только сейчас выключи свет и не мешай спать. Завтра мне нужно рано вставать.

Анна была поражена тем, что Милос так легко согласился, ее разозлило его равнодушие. Эта похотливая, но бесстрастная Исида сделала из него совсем другого мужчину, лишив сексуальной привязанности к ней, Анне. Что же, теперь она имеет все основания поменять партнера.

Через несколько дней в аэропорту Ибари Анна поднялась на борт самолета, летевшего в Париж.

Если бы она внимательно присмотрелась к пассажирам, прилетевшим из Лондона, то заметила бы старомодного мужчину с аристократической внешностью и пышную цветущую американку. Это были Клео Дженис и Эндрю Друммонд. Вместе с другими членами секты Исиды они прибыли в Ибари на встречу со своим новым покровителем. Но Анну не интересовали гости Саламба.

— Вас ждет дама, — сообщил Морибе администратор по внутреннему телефону.

Мориба удивился. Анна еще не могла прибыть, а никакой другой посетительницы он не ждал.

— Она одна?

— Да, сэр.

— Направьте ее ко мне.

Все номера в «Хасслере» имели по две двери, которые выходили в коридор. В то время

как женщина звонила в одну, Мориба слегка приоткрыл другую, чтобы узнать, кто же к нему пришел. Он не мог позволить себе рисковать. Действительно, женщина была одна. Он впустил ее.

Эмилию было не узнать. Чистое, аккуратное платье, да и своему макияжу она явно отдала много времени и труда. Хотя она и не была эффектной женщиной, но выглядела бы совсем неплохо, не будь на ее лице следов побоев. Мориба не стал тратить время на формальности.

— Что ты хочешь?

— Я пришла, чтобы предупредить вас. — Ее голос звучал сухо. — Астоли поручил Джузеппе убить вас.

Мориба зевнул.

— Естественно. Только так он и мог отреагировать. А почему ты мне говоришь об этом? Она показала на свои плохо запудренные синяки.

— Вы единственный человек, который дал мне деньги, не потребовав моих услуг. Даже гораздо большую сумму, чем я запросила, — сказала она.

— Как ты узнала о моей гостинице?

— Я слышала, когда Астоли давал приказ Джузеппе. Эти проклятые ублюдки обращаются с женщинами как с отбросами. Они думают, что я глупа, и потому говорят в моем присутствии не стесняясь, будто я часть мебели.

Мориба кивнул. Он знал, что предупреждая его, Эмилия хорошо понимала, какой опасности подвергалась. В этом поступке был не только вызов, но и месть.

— Ты можешь мне подсказать, где я смогу найти Астоли?

Эмилия знала об Астоли и его людях многое: где жили, какие бары посещали, где бывали днем и ночью.

— Больше не приходи в гостиницу, это слишком опасно, — предупредил Мориба. — Ты сможешь найти меня вот по этому адресу. — Он нацарапал печатными буквами адрес на листке и протянул ей. Эмилия несколько раз прочитала и разорвала бумажку. — Приходи завтра в десять вечера. А теперь лучше исчезни. Я бы не хотел, чтобы ты была тут, когда твой друг придет засвидетельствовать мне свое почтение. Уходи через служебный ход, вдруг они за гостиницей наблюдают.

Эмилия накинула пальто, молча кивнула ему и вышла из номера.

Лишь спустя несколько часов в гостинице появился Джузеппе. Он сообщил Морибе по внутреннему телефону, что Астоли согласен с его предложением и что на улице уже ждет машина, чтобы отвезти его к боссу.

— Я выйду в вестибюль, — сказал Мориба.

Автомобиль был припаркован неподалеку от Испанской лестницы, ведущей ко входу в гостиницу.

Трое сопровождавших Джузеппе парней слонялись поблизости, видимо, на случай, если Мориба откажется сесть в машину, в которой его поджидала экзекуционная бригада.

Мориба вышел из лифта с беззаботной улыбкой на лице.

— Ну, тебе сегодня лучше? — снисходительно обратился он к Джузеппе.

Джузеппе ответил так же дружелюбно:

— Кажется, ты особый друг босса. Он поручил мне о тебе позаботиться.

Джузеппе пошел к выходу.

Мориба вдруг остановился.

— О Боже, у меня же нет сигарет. Ты иди, я тебя нагоню.

Джузеппе не был светочем разума даже среди людей Астоли, но он был строго проинструктирован — не терять из виду Морибу. Он протянул Морибе свою пачку.

— Это итальянское дерьмо я не курю, — бросил Мориба. — Я возьму «Мальборо». За гостиницей есть газетный киоск.

Мориба уже намеревался уйти, но Джузеппе задержал его.

— Мы можем их купить по дороге. Я припарковал машину в запрещенном месте и должен поскорее убрать ее оттуда.

— Вот Астоли и заплатит штраф за эту стоянку! — усмехнулся Мориба, удаляясь по коридору.

— Я сейчас вернусь!

— Я пойду с тобой! — неуверенно крикнул ему вслед Джузеппе. — Там нет выхода! Куда ты?

— Я же тебе сказал, что киоск находится за гостиницей. Будет гораздо быстрее, если я воспользуюсь служебным выходом.

Мориба скрылся за дверью, Джузеппе поспешил за ним. Они оказались в узком заброшенном переулке. Мориба, когда его догнал Джузеппе, уже успел оглядеться по сторонам.

— Боже мой, я и не думал, что так жарко! Подержи-ка мою куртку, — и бросил ее Джузеппе.

— Я что, твой слуга? — заворчал итальянец, инстинктивно хватая куртку. Однако когда она оказалась в его руках, Мориба ударил Джузеппе кулаком прямо в лицо. Кровь залила Джузеппе глаза, ослепив его. Он закачался и отступил на шаг, но черный великан тигром бросился на него.

Друзья Джузеппе, ожидавшие у Испанской лестницы, начали нервничать: не случилось ли чего-нибудь непредвиденного? Хорошо, если негр куда-либо вышел или принимает ванну, а если что худшее?

Нижняя часть Испанской лестницы завершается широкой площадкой. Там всегда толпятся туристы, покупая в маленьких киосках сувениры и открытки, а студенты художественных учебных заведений стараются изобразить на холсте один из самых прекрасных пейзажей города. Вдруг из переулка с левой стороны донесся отчаянный вопль. Запричитали испуганные женщины, мужчины заорали, и толпа устремилась вниз по лестнице, словно ее гнала нечистая сила.

И тут показался Джузеппе. С лицом, измазанным кровью, пошатываясь как пьяный, он приближался к своей машине. Опущенные руки болтались, как у марионетки из кукольного театра, у которой порвались нити. Один из парней Астоли подскочил к нему и схватил его за плечо. Джузеппе вскрикнул:

— Он сломал мне руки!

К рубашке Джузеппе была прикреплена записка: «В следующий раз я проломлю ему голову». Изувеченного Джузеппе один из друзей повез к врачу. Остальные помчались вверх по лестнице и ворвались в «Хасслер», чтобы рассчитаться с Морибой. Администратор им сообщил:

— Синьор Мориба? Вы его чуть-чуть не застали. Примерно минут десять тому назад он оплатил счет. Сожалею, но он не оставил нового адреса.

В эту ночь Эмилию никто не трогал. Пино Астоли в своей квартире молча выслушал

доклад о происшедшем в гостинице. Он был взбешен. Он знал, что Мориба опасный, хитрый и жестокий человек, но у него было одно преимущество: он, Астоли, находится в своей стране. И это поможет ему найти убежище Морибы.

Его размышления вдруг прервал пронзительный крик, донесшийся из спальни. Моника! Астоли вскочил и помчался на второй этаж.

Возлюбленная Астоли была вне себя. В руках она держала мертвую собаку. Это был карликовый пудель, который повсюду ее сопровождал, а ночью даже спал в ее постели. К телу собаки была прикреплена записка. Астоли схватил бумажку и прочитал: «В следующий раз будет ее очередь». Пино Астоли был реалистом. Если Мориба незаметно проник в его дом, значит, у него есть в Риме сообщники. Астоли был готов убивать своих врагов, а если это было необходимо, то и друзей, но он любил Моника и ни при каких обстоятельствах не мог допустить, чтобы с ней что-либо случилось. Следовательно, он должен согласиться с Морибой, пусть даже для видимости.

На следующий день в гостиницу «Хасслер» прибыла Анна. Ей сообщили, что Мориба здесь больше не живет, но когда она назвала свою фамилию, ей передали записку, которую в это утро для нее принес какой-то человек. В ней сообщался номер телефона. Она позвонила. Трубку взяла Эмилия. Выслушав, она пригласила ее в бар в Травестере.

Это было убогое заведение. На стенах висели двухгодичной давности календарь и несколько открыток, рекламировавших уже давно и заслуженно забытые фильмы ужасов. В этом округе, который стал местом встречи художников и других представителей богемы, ресторанчик был свидетельством бедности прошлой жизни.

Угрюмый, почти ни на кого не обращающий внимания мужчина за стойкой бара с откровенным безразличием обслужил Анну. Она огляделась. Морибы не было видно. За одним из столов мужчины, судя по всему водители дальних рейсов, сняв пиджаки и оставшись в одних рубашках, играли в карты. Они пили красное вино и закусывали его ветчиной с хлебом. Появление Анны не произвело на них никакого впечатления. Рассеянно посмотрев на нее, они вновь углубились в игру.

Анна выпила стакан вина, которое бармен налил ей из бутылки, покрытой таким слоем пыли, что не осталось никаких сомнений: это был старый портвейн. Она села за столик и стала ждать.

Так как Анна наблюдала только за входом, то проглядела, как из кухни вышла Эмилия, тайком наблюдавшая за ней оттуда.

— Вас сюда пригласил рослый черный мужчина?

Анна удивленно подняла глаза. Как мог прошедший огонь, воду и медные трубы Ази Мориба, человек с безупречным, даже изысканным вкусом, связаться с этой опустившейся проституткой? Эмилия, должно быть, угадала ее мысли и поспешила объяснить:

— Ваш друг находится в опасности, и я единственный человек в городе, который ему помогает. Я уже привыкла рисковать, так что вы можете мне довериться.

— Где Мориба? — спросила Анна.

— Он недалеко отсюда. Я вас отведу к нему. Я ведь хотела сначала увидеть вас, чтобы предупредить об осторожности. Малейшая ошибка с вашей стороны может стоить ему жизни.

Эмилия рассказала Анне о встрече Морибы с Джузеппе и Астоли и, убедившись, что за ними нет слежки, повела ее к двухэтажному, неприметному снаружи дому.

Но внутри здание оказалось вполне современным и комфортабельным. Мориба, будучи диктатором Саламба, скупал недвижимость по всему миру. Считал, что на черный день, то есть в случае вынужденного бегства из страны, у него всегда должно быть пристанище. Он приветствовал Анну без особого восторга. Похоже, последние события несколько изменили его планы.

— Она обязательно должна присутствовать? — спросила Анна, бросив неприязненный взгляд на Эмилию.

— Почему бы и нет? — возразил Мориба. — В этом городе она для нас глаза и уши.

— Но бывают обстоятельства, при которых лучше быть наедине, — заметила Анна.

Мориба засмеялся.

— Нет никаких оснований стесняться. Эмилию нам нечему учить.

Анна наморщила лоб. Ей было все равно, перед кем заниматься сексом: перед Эмилией или еще перед кем-либо, кто любит подсматривать или одновременно принимать в этом участие. Но ведь ей нужно выведать у Морибы тайну Золотого фаллоса, да еще уговорить, чтобы он отдал его. Они должны остаться одни.

Эмилия сама разрешила эту проблему, заявив, что ей нужно уйти. Если друзья Джузеппе заметят, что ее долго нет, у них возникнут подозрения.

— Я позвоню, если будут новости, — пообещала она. — Если их не будет, я приду завтра.

Она чмокнула Морибу в щеку, холодно кивнула Анне и вышла.

Анна рассказала Морибе, что произошло в Саламба после его бегства. Он поделился с нею замыслом прибрать к рукам торговлю живым белым товаром и объяснил ее роль в этом деле. Подумав, добавил еще, что намерен взять в Риме в свои руки и весь прочий приносящий доход подпольный бизнес.

Лишь когда наступил вечер, Анна принялась за обольщение Морибы, с удовлетворением отметив, что ее усилия падают на благодатную почву. Мориба всегда был готов к сексу, и провал в Саламба, как оказалось, ничуть не отразился на его потенции.

Из опыта Анна знала, что Мориба был махо-монстр — не оказывал женщинам ни внимания, ни нежностей. Она взяла инициативу на себя и потащила его к кушетке. Устроившись там, начала ласкать его щеки, целовать. Эти, казалось бы, обычные движения разожгли в нем огонь, который до сего времени только тлел. Не говоря ни слова, он сорвал с нее одежду и бросил на спину, затем стащил свои брюки и, преисполненный гордости, показал ей свое могучее подергивающееся естество.

Она замороженно смотрела на его выкатившиеся глаза и оскаленные зубы и видела в нем желанного дикого зверя джунглей. Он подскочил, раздвинул ее ноги и вошел в нее со страшной силой. Ей показалось, что она сейчас взорвется. Анна пыталась приспособиться к его ритму, пытаясь смягчить раздражающую боль, но он придавил ее груди и щипал соски так, что у нее брызнули слезы. Он надрывно задышал, увеличивая темп. И лишь достигнув кульминации гортанно застонал и, обмякнув, откатился в сторону. Анна с облегчением перевела дух, радуясь, что не задохнулась под ним.

— Ты уже давно не занималась хорошим сексом, — похвалился Мориба.

Анна была достаточно умна, чтобы не возражать. Она знала, что с удовлетворившим свою сексуальную потребность Морибой можно начинать разговор и о более серьезных вещах. И хотя у нее в голове сидела только одна мысль о Золотом фаллосе, она не заикнулась о нем ни единым словом. Они обедали и одновременно любовались закатом солнца над

куполом собора святого Петра. Анна подливала ему вино, чтобы сделать его мягче, покладистее. Наконец разомлевший Мориба улегся в свою постель.

— Ну, пожалуйста, не спи! — забеспокоилась Анна.

Мориба, завернувшись в простыни, ответил на это громким зевком. Анна страстно его поцеловала и начала поглаживать между ног. Он не сразу отреагировал на ее ласки, а когда это наконец случилось, она взобралась на него, и ее упругие груди, словно сочные фрукты, закачались над его ртом. Он принял предложенное и схватил их губами.

Его мужская активность пробудилась. Но и она загорелась теперь по-настоящему и потому, опасаясь, как бы снова не оказаться неудовлетворенной, взяла инициативу на себя, определив ритм движений. Анне показалось, что на этот раз он во всем подчинился ей. Она покрыла его шею и лицо поцелуями.

— Ази, любишь ли ты меня еще? — нежно шептала она.

— Так же, как и всех остальных. — Ответ, к ее неудовольствию, прозвучал откровенно и достаточно цинично. — Не лезь ко мне со своими бабскими трюками. Я ведь знаю, как ты вертишь любовниками, у меня нет желания стать твоей очередной жертвой.

Анна ничего не ответила, ее руки сосредоточенно делали все, чтобы не ослабло его возбуждение. Она чувствовала, что он приближается к пределу, однако вынуждала его томиться, растягивая блаженство. Он напряг мускулы, его дыхание стало тяжелым и прерывистым, но все попытки положить ее на спину, под себя ему не удавались.

Анна ожидала того краткого мига перед оргазмом, когда мужчина перестает контролировать свой разум и ни в чем не может отказать женщине.

— Ази, ты же отдашь мне фаллос, не так ли? — прошептала она.

— Фаллос? Единственный действующий член в мире — между твоих ног! — Его голос сорвался.

— Золотой фаллос Осириса, Ази... Он должен принадлежать мне. Скажи, что я его получу. Скажи немедленно.

Чтобы придать своим словам больший вес, она отпрянула от него. Это помогло, и он сдался.

— Ну конечно, все, что ты хочешь! Ты получишь свою штуковину... Иди сюда, быстрее!..

Анна была довольна и быстро довела его до исступления.

После того как она приняла душ, они снова забрались в постель, чтобы наконец выспаться. Но едва Мориба собрался выключить свет, она попросила:

— Дай мне на него посмотреть, хотя бы мгновение, Ази, мой любимый!

— Что?

— Золотой фаллос! Ты же мне обещал!

Он буквально взорвался от смеха.

— Разумеется, ты можешь его взять. Но сначала ты должна найти его! У меня нет этой проклятой штуки! Я думал, что он все еще в Саламба, в руках жадного Милоса.

Анна растерялась и стала похожей на кошку, у которой внезапно из-под носа убрали блюдце с молоком. Она вдруг поняла, что Мориба, похоже, сказал правду, и в замешательстве покачала головой.

— Как же это так? Я точно знаю, что у Милоса его нет, и если и у тебя его нет, то где же он?

— Понятия не имею... Впрочем, мне это безразлично. Подумай лучше о деньгах, что

нам светят здесь, в Риме. Это намного больше, чем ты могла бы себе представить. Зачем нам тогда твой фаллос?

— Что ты в этом понимаешь? — Ей хотелось выругаться. — Дело не только в материальной ценности. Вещица обладает волшебной силой! И она должна быть моей!

— Уснешь ты наконец? — В голосе Морибы зазвучали угрожающие нотки. — Об этом мы сможем поговорить и завтра!

Но очень скоро произойдут события, которые и у Ази Морибы пробудят интерес к Золотому фаллосу.

Глава четвертая

И гусь тоже может снести золотое яйцо!

Сандра уже несколько дней томилась в ожидании известий из Саламба. Когда они с Дональдом бежали оттуда, их друзья остались под строгой охраной в поселке рудника. Солдаты Милоса, получившие право на повальные обыски, лихорадочно искали Золотой фаллос.

Луи Халефи, один из самых видных экспертов древнеегипетского искусства, жил в кемпинге, и Милос, конечно, был уверен, что он хранит находку у себя. Сандра боялась себе представить, что произойдет с французом, если Милос не поверит, что у него ее нет.

Дональд ушел на тренировку, и она собралась поработать над текстом для новой песни, которую ей предстояло исполнить вечером, но не могла сосредоточиться. Из головы не выходили мысли о Халефи. Золотой фаллос преспокойно лежал в футляре саксофона. Они не сдали его в сейф отеля. Чем меньше людей о нем знали, тем, считали, лучше.

Отбросив в сторону ноты, Сандра пошла в спальню и достала божественный предмет из тайника. И как всегда, когда она брала его в руки, ей казалось, что металл будто оживает, требует внимания. И сегодня ее пальцы машинально скользили по гладкой, потеплевшей поверхности, и она ощутила сладкий озноб. Оторвал ее от этого будоражащего занятия неожиданный телефонный звонок. Объявился Халефи.

— Сегодня утром я прибыл в Париж, — сообщал он. — Мой доверенный человек дал мне номер телефона, по которому вы просили позвонить. Все в порядке?

— Когда вы позвонили, волшебная реликвия была у меня в руке, — сказала Сандра. — И знаете, она, подобно лампе Алладина, выполняет все желания.

— Как раз наоборот, — засмеялся Халефи. — Не выполняет, а пробуждает желания.

— Ладно. Лучше расскажите мне как все прошло? Как вы все пережили? Я так беспокоилась. Были ли у вас трудности при выезде из Саламба?

— Все позади. Сначала нас бросили во вшивую тюрьму, а тем временем люди Милоса обыскивали каждый уголок кемпинга и фильтровали наш багаж. Я настаивал на своей версии о том, что вещь исчезла еще до моего прибытия. Они это «проглотили» и решили, что ее прихватил с собой Мориба. Я намекнул им на свое французское гражданство и на то, что может произойти международный скандал. Это, вероятно, их испугало, и они разрешили мне выезд.

— Вы должны как можно скорее передать мне Золотой фаллос, — предупредил профессор, — прежде чем шакалы из Ибари или какие-нибудь другие подобные им преступные типы узнают, что он у вас или вашего друга. Иначе вы подвергнете себя большой опасности.

Сандра согласилась и обещала позвонить, как только узнает, когда они с Дональдом полетят в Париж.

— Поторопитесь, — настаивал Халефи. — Мы отпразднуем встречу, да так, как это возможно только в Париже. Кроме того, у меня для вас сюрприз: вас ждет здесь подруга.

— Кто?

— Увидите, когда придете в Париж! — Он положил трубку.

Сандра рассказала Дональду о своем разговоре с Халефи. Он поцеловал ее и заметил, что она все еще гладит этот кусок золота.

— Знаешь, Дональд, даже сам его вид возбуждает меня. Давай не будем дожидаться Парижа и отметим сейчас наш праздник.

Он взял ее на руки и понес в спальню.

В одном из служебных кабинетов правительственного здания в Каире, задолго до революции в Саламба, состоялась бурная беседа. Министр внешних сношений обрушил гнев на руководителя строительной фирмы.

— Бездельник! — кричал он. — Вы обязаны во что бы то ни стало отделаться от этой нелепой фигуры. Она словно чучело портит вид улицы. Я это вам говорил еще год тому назад, а что вы предприняли? Абсолютно ничего!

Объектом его недовольства был печальный, с отсутствующим взглядом полный мужчина неопределенного возраста. Он таращил свои черные глаза, молча, в нерешительности переминался с ноги на ногу и вытирал руки, как бы надеясь этим избавиться от ответственности.

— Но, господин министр, — молил он, — что я могу поделать? Я полностью с вами согласен, что статуя гадкая, но ведь это же исторический памятник, который нельзя разрушать.

— Разрушать? — снова возвысил голос государственный деятель. — Кто сказал разрушать? Вы — болван!

— Да, господин министр, — покорно согласился человек.

— Вы должны ее убрать! Вы поняли? Переставьте эту проклятую штуку на сто метров в сторону, чтобы она не торчала на глазах!

— Но, ваша честь, — взмолился человек, — статуя весит тонн сто. Как нам ее сдвинуть?

— Это ваша проблема! Но если статуя через три месяца, а это значит до появления туристских автобусов, будет все еще стоять здесь, вы больше никогда не получите никакого заказа от правительства. Вы поняли?

Человек едва заметно кивнул.

— Идите же!

Руководителя строительной фирмы будто ветром выдуло из кабинета.

Предметом, который вызвал недовольство министра, была статуя, выполненная в гротескном стиле и изображавшая одного из последних римских императоров. Она, вероятно, была в духе величественных памятников Древнего Египта, которыми любовались миллионы туристов, а с другой стороны — подобно пробке, задерживала движение транспорта на пути к Долине фараонов. Однако дело было даже не в этом. Один американский профессор сказал министру, что этот монстр совсем не изделие старины, а подделка под нее.

Но и через три месяца строителям так и не удалось передвинуть глыбу, хотя кое-какой прогресс все-таки наметился. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Если предкам с помощью рабов удалось воздвигнуть грандиозные египетские пирамиды, то современной технике был по силам этот колосс куда меньших размеров. Страшилище подвесили с помощью тросов над низким и длинным, специально сконструированным прицепом, а улицу блокировали. Подъехавший в этот момент водитель туристского автобуса поднял скандал, требуя пропустить его. Часть туристов, полагая, что проезд освободят не скоро, вышла из автобуса и с интересом наблюдала за происходящим.

— Вы думаете, им удастся? — спросила молодая учительница у своего соседа по

салону. — Это же невероятно сложно.

Ее собеседником оказался журналист, работавший для ряда газет Нью-Йорка и Европы.

— Я уверен, они знают, что делают, — ответил он. — Однако голова создаст им проблемы. Я еще никогда не видел таких невероятных форм. Она раза в два больше, чем требуют пропорции.

— И в самом деле, она слишком велика, — согласилась женщина.

Тем временем рабочие уже стали устанавливать статую на прицеп, который заскрипел под ее тяжестью. И то ли из-за того, что они поторопились, то ли прицеп от огромного веса поклажи накренился, но статуя закачалась и со страшным грохотом рухнула вниз.

К небу взметнулось облако пыли, земля содрогнулась от удара, рабочие взволнованно закричали, перебивая друг друга. Водитель автобуса с удивлением смотрел на весь этот хаос, а потрясенный руководитель стройки безмолвно глядел на гору обломков. К счастью, ни один человек не пострадал, но статуя была разрушена. Огромная голова отломилась и рассыпалась, будто была изготовлена из песка.

— Мать честная! — воскликнул с восхищением журналист. — У нас будет несколько сногшибательных снимков.

Вместе с учительницей они расчехлили фотоаппараты и яростно защелкали затворами. И не зря. Внутри поверженного колосса оказалась вторая голова. Она медленно выкатилась на землю. Несомненно, это была голова египетского бога с классическим лицом. Высокие скулы, сильный подбородок и чеканный нос являли собой подлинное произведение искусства. И, судя по всему, она была отлита из чистого золота.

Естественно, это вызвало страшный переполох.

Руководитель стройки отнес голову в палатку, где хранился инструмент, и помчался к телефону, чтобы сообщить о случившемся в министерство. К концу дня профессор Халид из Национального музея в Каире уже изучал находку.

Наступил вечер, все автобусы уже давно разъехались. Руководитель стройки наблюдал за тем, как Халид ощупывает золотую голову.

— Что это, профессор? Это ценная вещь?

Халид укоризненно посмотрел на него.

— Самое замечательное то, что это голова легендарного Осириса, о котором я только читал. Это придает находке особую ценность. Я бы хотел услышать мнение компетентного специалиста... Ну, а пока нужно принять все необходимые меры предосторожности. Позаботьтесь об охране и о том, чтобы не было лишних разговоров. Ни одно слово не должно вылететь отсюда, пока находка не будет обследована.

В конце концов голову поместили в домик для строителей, который закрыли на ключ и у дверей поставили полицейского. Руководитель стройки поклялся, что о находке рабочие будут молчать. Но откуда ему было знать, что оказавшийся в числе туристов журналист уже настроил сообщение об удивительной находке и вместе с фотографиями передал прессе.

Халид в ту же ночь пытался дозвониться в Париж к профессору Луи Халефи, но безуспешно — связь была нарушена.

Президент Милос бушевал в своем дворце в Ибари. Орал на министров и их помощников, никого не слушал на заседаниях кабинета. При всем том он и сам не мог объяснить причину дурного расположения духа. Не Анна была тому причиной. Хотя она и была талантливой любовницей, в последние недели она его больше раздражала, нежели

возбуждала. И он даже почувствовал облегчение, когда она уехала.

Нет, Милос не потерял своего интереса к сексу. Появление Исиды вновь вернуло ему страсть к любовным утехам. Но даже и эта экзотичная женщина не смогла ему дать то, о чем он мечтал. Все чаще он ловил себя на мысли, что думает о Сандре. Он вспоминал ее походку, звук голоса, улыбку. Но самым необычным для него было то, что к ней он, как ни к одной женщине доселе, стремился каждой своей клеточкой. А добраться до нее не мог.

И сегодня, как и во все последние дни, он, уединившись, погрузился в мечты о белокурой англичанке. К действительности его вернул личный секретарь. Войдя, он осторожно напомнил, что Исида и ее сподвижники пришли на назначенное совещание по вопросу поисков утраченного Золотого фаллоса.

Члены секты Исиды вместе с Милосом выслушали сообщение полиции. Без особого труда ее агенты установили, что Дональд и Сандра побывали в кемпинге на руднике, и сделали из этого соответствующие выводы. Пока Милос присматривался к Халефи, птички упорхнули и, видимо, прихватили с собой в Лондон талисман. В посольство Саламба в Лондоне было послано секретное указание отыскать певицу и футболиста.

— Не беспокойтесь. — Грунвальд улыбнулся Милосу. — Пусть ваши дипломаты дадут нам адрес, остальное сделает Исида. Возможно, не обойдется без применения силы, но зато мы получим то, что ищем, и никто из Саламба не будет в этом замешан.

Милос испугался. Он коршуном налетел на банкира.

— С головы девушки не должен упасть ни один волос. С ее другом можете делать все, что хотите, но с ней ничего не должно случиться!

Грунвальд и Исида удивленно уставились на него, пораженные этой вспышкой.

— Мы поступим так, как сочтем нужным, — возразил Грунвальд и сбросил руку Милоса, которой тот было схватил его за галстук.

Лицо Милоса побагровело. Но прежде чем он успел что-то сказать или сделать, между ними оказалась Исида.

— Не следует спорить о том, чего еще не случилось, — погасила она назревающий конфликт. — У нас достаточно своих методов убеждения и без насилия. Я обещаю вам, что сама вступлю в контакт с девушкой. А вы, — она резко повернулась к Грунвальду, — будете точно следовать моим указаниям. Вы меня поняли?

— Все будет так, как вы пожелаете, — поспешно пообещал Грунвальд.

Это Милоса не успокоило. Хотя Исида и будет главным лицом в этой операции, он не мог отделаться от сомнений и страха за Сандру.

— Можем мы наконец продолжить? — холодно спросила Исида.

Милос обязался предоставить в их распоряжение храм, который в будущем должен стать храмом наслаждения и привлечь мужчин и женщин со всего мира. Они обсудили еще несколько практических вопросов. Поклонники культа Исиды доставят в Ибари части статуи, найденные за последние годы.

В конце заседания Исида мягко сказала Милосу:

— Мы надеемся завтра получить весть из посольства в Лондоне. А сегодня ночью Исида хотела бы выразить вам признательность за ваше гостеприимство.

Милос кивнул в знак согласия и покинул кабинет для совещаний. Исида, проводив его внимательным взглядом, покачала головой.

— Мне не нравится, что президент безумно влюблен в англичанку. Как бы он не натворил глупостей! Мы должны быть осторожны. Наша единственная задача — заполнить

Золотой фаллос. Слабые стороны Милоса не должны помешать нашим планам! Сегодня ночью Исида снова возьмет его под контроль. А все вы будете играть свои роли.

Вечером в большом соборе, освещенном многочисленными свечами, состоялся праздник Исиды. Построенные под готику своды были обтянуты красной тканью, стены украшали эротические сцены. В центральном нефе стояли массивные стулья и столы, уставленные сверкающими хрустальными графинами с вином и сервизами с самыми разнообразными яствами. В боковых нефах манили к себе кушетки с шелковыми подушками. За главным алтарем возвышалась видимая со всех мест золотая скульптура. Это была статуя Осириса, но без головы и фаллоса.

Милос и его министры были восхищены великолепной статуей, но Исида, которая на этот раз приветствовала их официально, печально промолвила:

— Прошли столетия, прежде чем были найдены торс и другие части тела. Но то, что в скульптуре недостает кое-чего, не волновало тех, кто не разделял нашего вероисповедания. Они видели в скульптуре всего лишь произведение искусства, не больше. Для нас же художественные достоинства не имеют никакого значения, пока мы не найдем все остальное. Только тогда можно будет вновь пробудить Осириса к жизни. Нам нужна его голова, чтобы быть мудрыми, и Золотой фаллос, чтобы получать наслаждение, которое даст всем новую жизнь.

Первая половина вечера была посвящена обеду. Гостей и хозяев обслуживали слуги, набранные из местных жителей. Подаваемые блюда, по словам Исиды, входили в меню жрецов и жриц богини Исиды еще тысячу лет тому назад. Милосу еду подала сама Исида на серебряной тарелке со словами:

— Угощайтесь дарами страны Древнего Нила.

Голос Исиды звучал кротко и нежно, как звук флейты, но весь ее облик действовал подавляюще на президента. Она опять облачилась в роскошные одеяния, которые были на ней на Бали, и гости взирали на женщину из давно минувшей эпохи, полные внутреннего благоговения.

Кушанье, которое она предложила Милосу, было составлено из мяса козленка, приправленного незнакомыми экзотическими пряностями и украшенного финиками, инжиром и медом. Милос осторожно попробовал его и нашел вкусным.

Вино тоже было необычным: темно-красное, тяжелое и крепкое.

Когда трапеза была закончена, Милоса отвели к кушетке возле алтаря. Остальные гости разместились на соседних кушетках. Исида и две ее служительницы торжественно встали перед статуей без головы.

Воздух был густым от сладкого аромата экзотических цветов и терпкого запаха редкостных пряностей. После обильной еды и хмельного вина Милоса одолевала сонливость. Сквозь полуопущенные веки он видел, как Исида взяла из шкатулки кипарисового дерева свиток папируса.

Сегодняшний ритуал был совершенно не похож на те, которые ему были уже знакомы. Она читала молитву с подъемом, а ее помощницы подпевали ей. Милос вдруг почувствовал себя освобожденным от всех забот и волнений. Он закрыл потяжелевшие веки, но его рассудок оставался трезвым. Исида стояла перед ним, захватывающая и манящая. Он попытался встать и пойти к ней, но ноги словно налились свинцом, и он не мог тронуться с места. Милос беспомощно уставился на искусительницу, насмешливая улыбка которой жалила его и не давала возможности сбросить оцепенение.

Другая женщина, в облегающем костюме, колготках и туфлях на высоких каблуках, стояла возле Исиды. К своему удивлению и ужасу Милос узнал в ней Сандру. Он хотел ей что-то крикнуть, позвать к себе, сказать, чтобы отошла от жрицы, но не мог произнести ни слова. Сандра оперлась на алтарь и обняла золотую статую. Исида принялась не спеша ее раздевать. Впервые Милос увидел этот заветный треугольник из нежного золотистого пуха, который он так часто себе представлял и к которому так стремился. Но ритуалом заправляла Исида, а не он. Каждое прикосновение Исиды к девушке причиняло ему адскую боль. Сандра же, казалось, жертвовала собой добровольно. Ее глаза светились, и она стонала от удовольствия под ласками Исиды.

Милос увидел, что и его окружение тоже втянуто в этот ритуал наслаждений. На всех кушетках пары занимались любовью. Только он был один. И в то время как они удовлетворялись, он был приговорен к страшному испытанию: женщина, которую он любил, совращалась Исидой.

Когда любовное возбуждение Сандры постепенно улеглось, он очнулся от оцепенения, замахал руками и закричал:

— Прекратить! Сандра, иди ко мне! Исида, проклятая колдунья, отпусти ее!

Он вскочил и на заплетающихся ногах двинулся к алтарю. Сзади слышались шорохи, это влюбленные пары разъединялись и вставали, но Милос их не замечал. Он стоял перед Исидой и двумя ее помощницами. Однако Сандра исчезла бесследно. Когда же пелена полностью спала с его глаз, он сердито потряс головой, повернулся и, ни слова не говоря, покинул храм. Члены секты засуетились вокруг Исиды, засыпали ее вопросами, пытались успокоить. Тщетно. Когда она заговорила, ее взгляд был свирепым, а тон серьезным.

— Страсть этого человека намного сильнее, чем я предполагала. Девушка представляет для нас угрозу. Мы должны выполнить намеченное как можно быстрее.

На следующий день напряжение все еще витало в воздухе: ждали сообщения из саламбийского посольства в Лондоне. Ответ прибыл только поздно вечером, с адресом гостиницы, где остановились Дональд и Сандра. Когда пришел Милос, помощники Исиды уже разрабатывали план действий.

— Прежде чем вы отправитесь, прочтите это, — буркнул Милос и громко хлопнул смятым экземпляром нью-йоркской газеты по столу.

Исида развернула ее и прочитала вслух сообщение о найденной в Египте золотой голове. Воцарилось растерянное молчание. Исида возмущенно воскликнула:

— Но ведь газета пятидневной давности!..

— Мы должны радоваться, что вообще ее получили, — прервал жрицу Милос. — С момента революции в Саламба нет прямой доставки почты из Штатов. А этот экземпляр мне прислало одно из наших посольств за океаном.

— Последняя часть! — взволнованно произнесла Исида. — Подумайте только, что это значит! Если у нас будут голова и фаллос, то Осирис снова будет целым! Вот тогда и начнется новая эра!

— Но сначала вам нужно найти и заполучить их, — не скрывая иронии, заметил Милос. Как только он ушел, Исида сказала:

— Я отправлюсь в Лондон на переговоры с девушкой и ее любовником. Я уверена, что фаллос у них. Эндрю Друммонд, вы — англичанин и будете сопровождать меня. Йозеф Грунвальд отправится в Египет. Клео Дженис и все остальные остаются здесь и не спускают глаз с Милоса!

Глава пятая

Освободитесь от комплексов!

— Минуточку, прошу вас, мисс!

Чиновник службы безопасности в лондонском аэропорту Хитроу постучал пальцами по плечу Сандры. Она послушно отошла в сторону, чтобы пропустить остальных пассажиров.

— Пожалуйста, опорожните вашу дамскую сумочку! — предложил чиновник вежливо, но достаточно настойчиво.

Вздохнув, Sandra высыпала на стол содержимое сумки. Чиновник порылся в предметах косметики. Извлек из бумажника денежную мелочь, паспорт и дорожные билеты, несколько фотографий, сделанных во время отпуска, и пачку противозачаточных таблеток. Судя по выражению его лица, он не считал это предосудительным. Зато когда развернул бумагу, в которую был завернут Золотой фаллос, просиял.

— Ну и ну, что это? — спросил он с упреком.

— Ну, разумеется, либо безопасная пилюля, либо просто бомба, не правда ли? — съехидничала Sandra.

— Я спросил не о том, чем это не является, и жду ответа по существу, молодая госпожа!

Sandra холодно посмотрела на чиновника.

— Я лучше ничего не буду говорить, — отрезала она.

Таможенник обратился к коллеге, на фуражке которого было много блестящих плетеных шнуров, что выделяло его из остальных, и пожаловался на упрямство Сандры. Тот ощупал фаллос.

— Забавная штука, — заметил он. — Ощущаешь зуд, и не только в пальцах. К тому же он, кажется, из литого золота. Но я не вижу в нем опасности.

— Но она действительно возникнет, если нанести им удар по вашей голове, — вмешался Дональд, у которого иссякло терпение.

Оба чиновника уставились на него, как будто он был тараканом, который вдруг выполз из их салата. Sandra с вызовом заявила:

— Ну, ладно, если вы чертовски любопытны, я открою вам тайну. Это — стимулятор.

— Что вы сказали? — не понял младший таможенник.

Его коллега что-то прошептал ему на ухо, и тот покраснел как вареный рак.

— Это же отвратительно! — пробормотал он с брезгливым выражением. — Мне кажется, мы должны конфисковать этот непристойный предмет.

— Но мы же его вывозим, а не ввозим! — возразил Дональд. — Если уж кто и предъявит претензии, так это французская таможня!

— Французы! — взорвался чиновник. — Все знают, какая у них мораль!

— Прежде чем вы скажете что-либо еще, о чем потом будете сожалеть, я бы хотел обратить ваше внимание вот на что. Это образец стимулятора, который должен быть доставлен за океан и который принесет Великобритании валюту. Моя сотрудница, — продолжал Дональд, указывая на Сандру, — уже выдвинута премьер-министром на королевскую премию в области промышленности.

— О небо!

Старший наряда возвратил Сандре фаллос и доброжелательно заулыбался.

— Это свидетельствует о вашей фантазии и предприимчивости. Как раз то, что нам

нужно.

— Но я по-прежнему считаю, что это скандальная вещь, — проворчал младший.

— Вы глупый, узколобый лицемер, — набросился на него начальник.

Сандра собрала свои вещи в сумочку и кивнула Дональду. Они ушли, так и не дождавшись конца спора таможенников.

В Париже Сандра и Дональд беспрепятственно прошли проверку. На выходе их уже ожидал Халефи. Он повел их к своей машине, в которой сидела миловидная девушка.

— Петра! — обрадовалась Сандра. — Что ты тут делаешь? Я думала, что ты все еще в Саламба.

— Я же говорил, что у меня для вас сюрприз, — улыбнулся Халефи. — Петра помогла бежать твоей подруге из тюрьмы Морибы, — объяснил он Дональду.

— Я боролась за свержение Морибы, — заявила Петра, — но после славной революции ничего не изменилось, за исключением президента. Милос-диктатор — это совсем другой человек, нежели Милос — борец за свободу. И я, разумеется, покинула страну.

— Она возвратилась в Париж, чтобы учиться, — улыбнулся Халефи. — Прежде чем отправиться в Африку и принять участие в борьбе в Саламба, она была моей студенткой. Я ее очень любил и хотя тогда ничего об этом не говорил, кое-что сделал, чтобы она не погибла.

— Я думаю, опасность нас сблизила, — сказала Петра и с любовью сжала руку Халефи.

— Как поживает наша реликвия? — поинтересовался ученый. — Я надеюсь, что вы обращались с ней почтительно, ведь она часть легендарного божества.

В ответ Сандра достала фаллос из сумки и протянула его Петре.

— Он чувствует себя отлично, — дала свое заключение Петра. — Одно лишь прикосновение к нему вызывает во мне страсть.

— Ну, скажем, ты и до этого не была фригидной, — засмеялся Халефи.

Затем все поехали к нему на квартиру, переоделись и направились в кафе. Ужин был превосходным, вино изысканным, а разговор увлекательным. В конце вечера профессор объявил гостям:

— Я вас могу пригласить в какой-нибудь ночной клуб или в дискотеку. Но есть и кое-что пооригинальнее, я вот только не знаю, согласитесь ли вы. Все зависит от того, как Сандра относится ко мне, а Дональд к Петре. Ну и, конечно, это зависит от тебя, любовь моя, — обратился он к Петре.

— А о чем, собственно говоря, идет речь? — подняла на него глаза Петра.

— Здесь есть клуб для избранных, к членам которого и я имею некоторое отношение, но пока как сочувствующий. Туда допускаются только пары и только при условии, что, войдя, они меняют партнеров. Я со своей стороны был бы рад иметь своей спутницей мисс Митчелл, но не знаю, как вы к этому отнесетесь?

— А что, если мы составим бесшабашную четверку? — откликнулась Сандра и изучающе, правда не без некоторой ревности, посмотрела на упругие груди Петры.

— Я думаю, что это не нарушило бы правил клуба, — поддержал ее Халефи и подмигнул. — А как вы считаете, Дональд?

Дональд задумался. Такие вещи ему при его строгом воспитании не слишком были по нраву. Он бросил вопрошающий взгляд на Сандру, которая явно потешалась над его замешательством, и решительно кивнул в знак согласия.

— Мне кажется, что Сандра тоже за, — сказала насмешливо Петра. — А на меня уже действует Золотой фаллос, лежащий в моей сумочке.

Клуб находился в красивом здании на тихой улице за Елисейскими полями. Халефи позвонил, и вскоре обнажилась небольшая решетка. Их тщательно осмотрели, затем дверь открылась, и они оказались в помещении, напоминавшем вестибюль гостиницы. Халефи засвидетельствовал свою личность у администратора, а Дональд записался как временный член клуба. Они подписали декларацию, что не являются чиновниками полиции, не занимаются проституцией и не болеют СПИДом. Потом Халефи внес необычайно высокую плату за вход, и только после этого они получили право пользоваться всем, что было в клубе. Однако прежде чем они прошли дальше, каждому на грудь прикрепили значок, на котором было выгравировано имя знаменитого вымышленного или исторического героя.

— Это у нас такая традиция, — объяснил администратор. — Ваши новые имена соответствуют каким-либо романтическим парам. Вы, мадемуазель, будете Джульеттой, — обратился он к Сандре, — а ваш друг — Ромео. Войдя в клуб, вы имеете право подарить свою благосклонность любому, но только не Ромео.

— А что случится, если мы обманем вас? — спросил Дональд.

Администратор усмехнулся.

— Но, месье, таковы задачи и правила клуба. Здесь каждый обманывает.

— Я пытаюсь себе представить, что произойдет, если Ромео и Джульетта будут застигнуты вдвоем? — спросил Дональд.

— Тогда они будут наказаны. Они должны будут поставить всем членам клуба шампанское.

— Не делай этого, — засмеялась Сандра, — я этого не стою.

Администратор протянул им ключи.

— Пройдите налево, там вы найдете комнаты, где сможете переодеться и оставить ценные вещи. В каждой комнате есть одежда, которую вы должны надеть перед тем, как войдете в помещение для игр, оно находится справа от вас. Желаю вам приятного вечера!

Когда они вышли из гардеробных, на них были одежды, похожие на кимоно, с прикрепленными к ним табличками. Ромео-Дональда и Джульетту-Сандру сопровождали Данте и Беатриче. Все вместе они прошли в крытый сад, благоухавший сладким запахом ароматных цветов. По обеим сторонам высились колонны, а за ними рядами располагались ниши. Когда они подошли поближе, то поняли, что все здесь, действительно, было высшего класса. В некоторых нишах располагались отдельные пары, в других — целые группы, и все занимались любовью. На полу лежали подушки, мягкие и влекущие. На столах были бутерброды, вазы с фруктами, сигары и сигареты, коньяк, фруктовые соки и шампанское в ведерках со льдом. Из динамиков звучала нежная музыка, а в одном из уголков демонстрировался эротический фильм. У входа в нишу Ромео-Дональд поцеловал Джульетту-Сандру в щеку.

— Желаю счастья, — сказал он и привлек к себе Беатриче-Петру.

Сандра хотела что-то сказать, но Данте-Халефи закрыл ее рот поцелуем и повел в беседку сада. Они удобно расположились на подушках. Халефи принес кое-что из еды и питья.

Сандра пригубила шампанское, затем сняла туфли, и очарованный Данте начал ласкать ее пальцы на ногах.

— Хм, это приятно. — Она сладко потянулась.

— А может, так лучше? — спросил Халефи, взял пальцы в рот и стал с удовольствием их покусывать.

— Чудесно, — промурлыкала она как кошка. — Но не лучше ли как-то проще?

Она прильнула к нему, и Луи начал гладить ее красивую, упругую грудь, поигрывая твердыми сосками.

Спустя некоторое время Сандра прошептала:

— Ты уже готов, мой дорогой?

И прежде чем он успел понять, что с ним происходит, она упала на него, прижав к подушкам. Судорожно обхватив его руками, она не оставила ему никаких шансов вырваться. Впрочем, он и не пытался. Петра с восхищением смотрела на них. Но Дональд не дал ей долго любоваться этой сценой.

Обе пары одновременно слились в порыве страсти. Полностью насладившись, они откинулись на подушки, переводя дух.

Вдруг появился администратор с ящиком шампанского.

— Это очень приятно, — удивился Халефи, — но за что?

— Премия от руководства клуба! — улыбнулся он. — Вы дали лучшее представление вечера — такого нам уже давно не предлагали.

Он показал на скрытую за цветочной вазой видеокамеру. Каждое их движение можно было видеть на всех мониторах, что повергло остальных членов клуба в восторг.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Халефи у своих гостей. — Если устали, можем отправиться домой.

— Мы не имеем права разочаровывать публику. — Дональд притянул к себе Петру.

Сандра тоже заявила, что она еще не выдохлась, и пощекотала языком мочки ушей Халефи. Последовавшая за тем сцена уже не была такой необузданной, как до этого, но зато длилась куда дольше. В конце концов они оказались в клубе последними.

— Вы знаете, — сказал Халефи, — я не так уж молод и мне, конечно, труднее доказывать свою мужскую силу, нежели Дональду. Он футболист, находится в отличной спортивной форме. Но я удивлен, как я быстро сегодня пришел в норму. У меня такое чувство, будто я могу продолжать это всю ночь.

Друзья согласились с ним, а Петра нашла этому объяснение.

— А что, если это связано с... — И, не договорив, она достала золотую вещицу из кармана своего кимоно.

— О Боже, ты принесла его с собой! — воскликнул Халефи.

— Разумеется! Ты же мне поручил не спускать с него глаз! Так что же, я должна была его оставить в гардеробной с простым замком?

А в это время профессор Халид тщетно пытался дозвониться до Халефи.

Глава шестая

Жадный бобер

После нервного припадка с Моникой, вызванного смертью ее пуделя, Астоли был готов пойти на встречу с Морибой, чтобы убить его или заключить с ним мир. Вообще-то он и понятия не имел, где теперь искать своего врага и, как говорят, ломал себе голову над этой проблемой. Но, вспомнив об изувеченных руках Джузеппе, понял, что ему нужно поговорить с Эмилией, и приказал немедленно привести ее.

Проститутку грубо втолкнули в комнату. Она хмуро взглянула на Астоли. Кивком головы он отпустил парней, а ей показал на стул.

— Мне жаль твоего друга, — сладко улыбнулся Астоли. — У тебя действительно настали тяжелые времена. Если тебе нужны деньги, то скажи мне.

Он достал из кармана пачку лир и предложил Эмилии. Она отвела его руку.

— Что тебе от меня надо? — спросила она, насторожившись.

— Я только хочу помочь тебе, — успокоил Астоли.

— Я в состоянии и сама о себе позаботиться, — возразила Эмилия.

— Неужели? — озабоченно произнес Астоли. — Ты, наверное, даже не предполагаешь, что с тобой произойдет, когда Джузеппе выздоровеет? Или даже намного раньше, если он обо всем расскажет своим братьям.

— Джузеппе мне ничего не сделает до тех пор, пока я для него зарабатываю деньги.

— И даже если узнает, что ты его выдала черному гангстеру?

— Разве выдала его я? — Хотя Эмилия и пыталась держаться смело, в ее голосе зазвучал страх.

— Но ведь больше никому, — снова расплылся в улыбке Астоли. — Ты была в комнате и все слышала. Да и как Мориба узнал, что Моника безумно любит своего пуделя? Кто же ему мог дать информацию, кроме тебя?

Эмилия пожала плечами.

— Откуда я могу это знать?

Улыбка Астоли стала совсем сердечной.

— Пойми меня правильно. Я не злюсь на тебя. У Джузеппе нет мозгов, рано или поздно он должен был получить урок. Ты знаешь, Эмилия, я уважаю тебя и мне будет очень жаль, если кто-либо скажет Джузеппе, что это сделала ты. А что, если он тогда натравит на тебя своих братьев? Они быстренько используют ножи, сначала обработают лицо, а потом другие нежные части тела. Я очень хотел бы тебе помочь.

— Так что же ты хочешь? — снова спросила она.

— Я только хочу передать Морибе сообщение. Ты же поддерживаешь, конечно, с ним контакт. Когда он впервые прибыл в Рим, он сделал мне предложение. Я его отклонил. Это было моей ошибкой: я недооценил этого человека. Скажи ему, что мы могли бы стать партнерами. Организуй мне встречу с ним, и тебе не нужно будет больше опасаться Джузеппе и его семьи.

— Ну, если я случайно его встречу, то скажу ему, — осторожно ответила Эмилия. — Ведь в Риме никогда не знаешь, кого и где можешь встретить, не правда ли?

— Ты славная девушка, — похвалил Астоли. — Я уважаю женщин, которые используют свой ум, а не только свою задницу. Имей в виду, Эмилия, если тебе что-нибудь будет нужно,

то обращайся прямо ко мне.

Через несколько часов Мориба позвонил Астоли, и они договорились о встрече на следующее утро.

Но прежде чем Астоли отправился на встречу, он вызвал своих громил и приказал:

— С Морибой я покончу сам, а вы позаботьтесь, чтобы сегодня же вечером с Эмилией произошел несчастный случай со смертельным исходом.

Для встречи с Астоли Мориба выбрал комнату в гостинице и решил, что в переговорах примет участие Анна. Она с сожалением поняла, что Мориба всю свою энергию сосредоточил на дуэли с Пино Астоли, намереваясь взять под свой контроль римское «дно», и был совершенно равнодушен к ее стремлению найти Золотой фаллос. Без большого желания она согласилась сопровождать его.

Мориба видел, как Астоли вошел в гостиницу, и убедился, что он один. Он привел его к себе в комнату, где уже была Анна. Босс гангстеров был поражен ее красотой и восхищенно стал ее разглядывать.

— Дама тоже принадлежит к нашей организации? — прошептал он Морибе.

Африканец кивнул.

— Впрочем, она не должна тебя интересовать. Из достоверных источников мне известно, что ты верен Монике.

— Это точно, — нахмурился Астоли, — даже самый маленький обыватель может быть верен своей женщине. Я же могу быть верным как Монике, так и этой кукле.

— Ну уж, конечно, ты — нечто особенное, — дружелюбно заметил Мориба. — Мы можем наконец перейти к делу?

Анна посмотрела на своего нового поклонника, презрительно сморщила нос и направилась к креслу в противоположном конце комнаты. Пока они были заняты своими делами, она включила радио, которое как раз передавало последние известия.

— Ази, послушай-ка! — возбужденно крикнула она.

Мориба подошел к приемнику. Диктор сообщил о находке золотой головы Осириса. Сообщение взволновало Анну.

— Ази, это, должно быть, часть той самой статуи. Представь себе, если бы мы завладели ею.

— Вещица наверняка стоит целое состояние! — спокойно произнес Мориба. — Правда, она в Египте...

— А что, собственно говоря, происходит? — поинтересовался Астоли.

Мориба не удостоил его ответом и продолжал разговор с Анной.

— Они только обнаружили эту голову. — И вдруг загорелся: — Теперь наша очередь действовать решительно, пока не предприняты серьезные меры предосторожности.

— О, Ази, ты не шутишь? Скажи же, что нет! — взмолилась Анна.

— А почему бы и не попробовать? — подмигнул он. — Это был бы для нас счастливый шанс.

Он обратился к растерявшемуся Астоли:

— У тебя есть в Египте связи, чтобы помочь нам повернуть одно дельце?

Лицо Астоли просветлело. Это был момент, которого он ожидал.

— Ну конечно! Что за разговор! У меня брат в Каире. Я позвоню ему. Когда вы собираетесь лететь?

— Ближайшим рейсом, — сказал Мориба. — И ты полетишь с нами, — добавил он торжественно.

— Я? Почему я должен лететь?

— Потому что, мой дорогой Пино, наша дружба еще слабо закреплена. Я знаю, что ты можешь натворить, если я тебя оставлю одного в Риме.

— Ты мне не веришь? — Гангстер сделал вид, что обиделся.

— Это точно. Ты полетишь с нами!

Пино Астоли расхохотался.

— Вы правы. Я бы сделал все наоборот. Извините, но мне нужно позвонить брату, чтобы к нашему прибытию все было подготовлено. — Он криво улыбнулся и тяжело затопал к выходу.

— Почему он не воспользовался твоим телефоном? — удивилась Анна.

— Возможно, он не захотел, чтобы мы услышали, как он договаривается с этим своим новым братом. Я тоже должен по телефону решить несколько вопросов. Если он вернется прежде чем я закончу переговоры, то ты его отвлечешь. Ты пришла к нему по вкусу, — хмыкнул Мориба. — И это при том, что он до чертиков влюблен в Монику.

— Не вовремя появилась голова Осириса! — сказала Анна с досадой. — В глубине души я всегда чувствовала свое предназначение: вернуть то, что по праву принадлежит мне.

Мориба удивленно взглянул на нее.

— Ты знаешь, что именно мой отец нашел Золотой фаллос и вывез его из Египта? — спросила Анна. — В Саламба он бежал от преследований. Но и там не нашел убежища. Его схватили, и мы о нем долго ничего не слышали. Лишь недавно узнали, что он погиб. Его убили за то, что он будто бы украл их святыню.

— Они? Кто это они? — заинтересовался Мориба.

— Мне это неизвестно. Я думаю, что это были сторонники Исиды и Осириса, что-то вроде тайной секты. Но ведь это мой отец нашел Золотой фаллос, и он должен принадлежать мне! Разумеется, я все поделю с тобой. Позаботься о том, чтобы фаллос был у меня! Пожалуйста, дорогой!

— Ты сошла с ума. — Мориба покачал головой. — Но больше ни слова. Я должен все организовать для поездки, прежде чем наш дорогой друг вернется и подслушает.

Пино Астоли пришел лишь час спустя. Он весь сиял и, несомненно, был в прекрасном настроении.

— Вы долго отсутствовали, — упрекнула Анна.

— Извините, — сказал Астоли. — Я хотел бы побыть с вами, чтобы поближе познакомиться. Да предстояло многое решить, а связь с Каиром долго не давали. Но теперь все организовано: рейс, гостиница в Каире, автомобили. Мой брат встретит нас в аэропорту вместе с несколькими друзьями. Нам нечего торопиться, ближайший самолет вылетает лишь через пять часов.

— Как раз наоборот, — вмешался в разговор Мориба. — Мы вылетим сразу же, как только прибудем в аэропорт.

Астоли удивился.

— Мы возьмем частный самолет.

— Ты не должен этого делать! — взорвался Астоли. — Это будет стоить целое состояние! Откажись и воспользуйся обычным рейсом. Я оплатил билеты.

— Ты сможешь их аннулировать, а теперь давай двигаем!

Мориба схватил маленький чемодан, в который он заранее сунул кое-что из одежды и предметы туалета. Анна тоже успела уложить необходимое, пока Астоли отсутствовал.

— Но мой брат... — не сдавался Астоли. — Дайте я ему позвоню и предупрежу.

— У нас больше нет времени. — Мориба грубо положил руку на плечо итальянца. — Ты позвонишь, когда прилетим в Каир.

В Париже было солнечное воскресное утро, и четверо друзей после бурного веселья в ночном клубе спокойно отдыхали. Дональд и Сандра взяли билеты на ночной авиарейс в Лондон, и Халефи предложил устроить на этот раз пикник на лоне природы. Он и Петра купили свежего хлеба, холодные закуски, сыр, фрукты и вино. Как только они выехали из дому, из Каира снова позвонил профессор Халид.

Халефи сначала направился по дороге на Фонтенбло.

Однако на этом пути то и дело попадались машины с туристами, жаждавшими осмотреть знаменитый замок. И он свернул на параллельное шоссе, рассекавшее густой лес, служивший когда-то для королей Франции местом охоты.

Они остановились и пошли к опушке, где под высокими соснами была густая тень. Тишина нарушалась лишь жужжанием насекомых и щебетанием птиц. Небольшой лужок среди деревьев так и манил расположиться на нем. Они расстелили скатерть и достали продукты.

— Завтра опять рабочий день, — вздохнул с грустью Халефи.

— И я обязан приступить к тренировкам, — произнес Дональд. — А Сандра будет петь в клубе, где пахнет табачным дымом и жратвой.

— Нет ли у вас более веселой темы? — вмешалась Петра. — Здесь так мило!

— Ты права, любовь моя, — засмеялся Халефи и поцеловал ее. — Наши друзья вечером улетают, давайте оставшееся время проведем в свое удовольствие.

— Вы пойдете сегодня снова в клуб? — несколько ревниво спросила Сандра.

— Ну нет, — возразил Халефи. — То, что было вчера, это что-то необыкновенное. Я убежден, что групповым сексом могут заниматься только те пары, которые очень хорошо понимают друг друга.

— Естественно, ведь мы все четверо связаны волшебной силой Золотого фаллоса, — подхватила Петра. — Как это так получается, что древний неживой предмет так сильно на нас воздействует?

— Мне кажется, это происходит только в нашем воображении, — улыбнулся Дональд. — А как ты считаешь, Сандра?

Сандра покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Когда эта штука поблизости, я чувствую себя совсем иначе, да и ты — тоже. Луи, ты — профессор! Что ты думаешь об этом?

— Секс и волшебство! — засмеялся он. — Совсем не удивительно, что между ними существует связь. Разве секс — это не разновидность магии?

После пирушки они получили новую возможность продолжить дискуссию. В отличие от прошлого вечера Дональд лежал с Сандрой, а профессор со своей студенткой.

— Луи, мой любимый, — умоляла Петра, — постарайся еще разок!

— Но только побыстрее, — согласился он. — Самолеты не ждут любвеобильных

женщин.

Дональд и Сандра были абсолютно лишены условностей и самозабвенно отдались любовным наслаждениям.

— Вчерашняя ночь была страстью, но сегодня это настоящая любовь! — шептал Дональд.

Страстный поцелуй доказал ему, что она прониклась его ощущениями. Их соединению ничто не могло помешать, их любовь была подобна огню, в котором они оба горели, достигая полного удовлетворения даже без золотой волшебной реликвии или каких-либо иных искусственных стимулирующих средств.

— Я надеюсь, вам понравилось в Париже? — спросил Халефи, прощаясь в аэропорту имени Шарля де Голля.

— Это было так чудесно, так незабываемо, — томно ответила Сандра. — Я никогда не думала, что профессора египтологии столь темпераментны.

— Береги Золотой фаллос, — напомнил Дональд профессору. — Если мы еще когда-нибудь пойдем в клуб, он пригодится нам.

Сандра и Дональд прошли проверку паспортов, обернулись и помахали своим друзьям на прощание.

Покинув аэропорт, Петра сказала Халефи:

— Прекрасный вечер, мне еще не хочется домой.

Они припарковали машину в городе на незнакомой улице и, взявшись за руки, отправились бродить по бульварам. Они разглядывали нарядные витрины, пили ароматный кофе в маленьких быстро, ужинали во вьетнамском ресторане неподалеку от «Гранд-опера».

А в это время в квартире Халефи от непрерывных звонков разрывался телефон.

Вечером они ходили в кино, и профессор Халефи подвез Петру к студенческому общежитию, где у нее была комната. Домой он вернулся далеко за полночь. Звонил телефон, но в тот момент, когда он снял трубку, абонент, видимо, положил ее. Халефи сердито потряхнул головой. Ну если что-то очень важное, то обязательно позвонят еще.

Халид дозвонился до него лишь на следующее утро.

— Я не мог с вами связаться ни днем, ни ночью. Вы уезжали на уик-энд? — досадовал египтянин.

— Я был очень занят, — уклончиво ответил Халефи. — Международная конференция. У вас, похоже, что-то срочное, раз вы меня разыскиваете?

Халид сообщил ему о находке в каменном колоссе.

— Вы должны срочно вылететь сюда и осмотреть эту вещь, — настаивал он. — Мне нужно услышать ваше мнение. Как вы знаете, есть легенда о чудесной золотой статуе Осириса, обладавшей сверхъестественной силой. Я, разумеется, считаю все это суеверием, но эта необычная голова несомненно является изображением Осириса.

— Вы уже говорили с кем-нибудь из знатоков древностей?

— Нет еще, — ответил Халид. — Я должен быть уверен, что голова действительно является тем, за что я ее принимаю. Я не могу позволить себе ошибки, иначе с моей карьерой ученого будет покончено. Поэтому-то мне и нужен ваш совет. Голова будет находиться там, где она и была найдена, под охраной, пока я не распорядюсь, чтобы ее доставили в Каир. Ибо если она попадет в Каир раньше, то мы едва ли сможем скрыть находку от общественности. Когда вы сможете прибыть?

— Я должен перенести мои лекции... Не раньше четверга.

— Было бы прекрасно, если бы чуть-чуть пораньше! — умолял Халид.

— Эта история уже попала на страницы газет, — напомнил ему Халефи. — Правда, пока только в виде маленькой заметки. Я не думаю, чтобы кто-нибудь обратил на это внимание, так что днем раньше или позже, едва ли имеет большое значение.

Но оба ученых ошибались. Пока они беседовали, самолет Морибы уже приземлялся в Каире. В здании аэропорта их встретил чиновник.

— Мистер Мориба? — спросил он. — В зале для почетных гостей вас ждут несколько господ.

Во время полета Астоли едва скрывал беспокойство, но теперь его лицо засияло.

— Отлично! — воскликнул он. — Это мой брат и его сотрудники. Он, вероятно, связался с аэропортом и узнал, что мы изменили планы. Но они должны были ожидать в автомобиле, — не очень уверенно добавил он.

— Конечно, — согласился с ним Мориба. — Пожалуй ста, передайте нашим друзьям, что мы встретимся вне здания, — попросил он чиновника.

Астоли занервничал, будто ему предстояло пройти контроль иммиграционной службы. А Мориба тянул время. Он взял пилота под руку, отвел в сторону и велел ему быть готовым в любой момент к возвращению.

— Разместитесь в гостинице. Я сообщу службе контроля аэропорта, когда мы полетим обратно.

— Ожидание — дело дорогое, — предупредил пилот.

— Неужели я похож на того, кто мелочится? — иронично спросил Мориба.

— Мы здесь долго не задержимся, — заверил пилота Астоли. — Пошли, Мориба. Мне не терпится представить тебе моего брата!

Перед входом в помещение для почетных гостей стояли два черных «мерседеса». Когда они проходили мимо машин, пара дюжих молодчиков по знаку Морибы втолкнула Астоли на заднее сиденье переднего автомобиля.

— Минуточку, что это? — запротестовал тот. — Это же не мой брат!

— И не мой! — ухмыльнулся Мориба.

Протестующий крик захлебнулся, лимузин медленно отъехал. Мориба с Анной пошли ко второму автомобилю.

— Что все это значит? — спросила она.

— Неужели непонятно? — пожал плечами Мориба. — В Египте и в других странах мира есть люди, которые помнят о том, что я когда-то для них сделал. Вместо того чтобы отдать себя в руки людей Астоли, я повернул острие копья в обратную сторону. Когда будет выкрадена ценная антикварная вещь, власти вспомнят о прибытии из Италии известного гангстера. Правда, он снова исчезнет и, вполне возможно, вместе со своими сообщниками. И мы, таким образом, получим в Риме неограниченный контроль над делом, к сожалению, погибшего Пино Астоли, который будет обвинен в воровстве золотой головы.

А в это время на другом конце африканского континента президент Милос с легкой усмешкой выслушивал Исиду, объявившую ему, что она вместе с Эндрю Друммондом полетит в Лондон, а Йозеф Грунвальд отправится в Египет.

— Сожалею, но я должен вас разочаровать. Сегодня никто из вас не покинет Саламба.

— Это что, угроза? — насмешливо спросила Исида.

— Ни в коем случае! Просто я приглашаю вас отметить вместе со мной и народом Саламба национальный праздник. В этот день будут закрыты все магазины и банки, а также аэропорты и железная дорога. Я боюсь, что вы вынуждены будете отложить ваш отъезд до завтрашнего дня.

Вечером на большом празднике в качестве гостей Милоса были и приверженцы Исиды. После торжественного банкета они вышли на воздух, где для них был сооружен подпертый деревянными столбами соломенный навес, напоминавший огромный корабль. Повсюду стояли кресла, а на полу лежали подушки. Вдали от навеса толпились тысячи местных жителей, которые возбужденно пели, танцевали, о чем-то спорили.

Солнце уже давно зашло. Везде горели воткнутые в землю факелы. Они отбрасывали огромные пляшущие тени на высокие деревья. Со всех сторон неслась монотонная дробь военных барабанов. Атмосфера становилась все напряженней, все чего-то ожидали. И вдруг на середину обширной поляны вышел худощавый человек. Он был очень высок, и это еще более подчеркивалось украшением на его голове, состоявшим из страусовых перьев, выкрашенных в красный и зеленый цвет. На нем было мало одежды, своим видом он символизировал прошлое страны. Он пел на одном из африканских диалектов песню, в которой европейцы не понимали ни слова. Милос переводил гостям его пение:

— С возникновением мира Великий Бог Мтили отправился по всем странам, от глубокого моря на юге до высоких гор на севере. Он искал самые плодородные долины, чтобы дать родину храбрейшим мужчинам. Когда он достиг Саламба, то сделал остановку, ибо понял, что это обетованная земля. Затем он кликнул к себе Ндану, свою жену, самую красивую из всех богинь, чтобы она жила с ним и заботилась о продолжении их рода. Воины Саламба должны были быть храбрыми, как львы и быстрыми, как газели. И тогда Мтили стал львом, а Ндана — газелью. Они встретились на этом месте, а плодом их любви стал народ Саламба. Наше представление сегодня реконструирует божественную брачную ночь и рождение нации.

Пение закончилось, и около сотни мужчин выскочили из-под деревьев и стали исполнять горячий эротический танец. Все они были высокими и мускулистыми. На шеях сверкали необычные желто-коричневые ожерелья. Милос объяснил, что они выполнены из волос гривы льва, которого каждый из этих воинов сразил своим копьем или задушил собственными руками. Их набедренные повязки тоже были сделаны из волос львиной гривы. В диком ритме они притопывали ногами, и это вскоре начало возбуждать и Исиду, и ее последователей. Затем танцоры ускорили темп. Он стал напряженнее и импульсивнее, и в этот момент на площадке появилась группа юных девушек. Их движения соблазняли. Без всякого смущения они выставляли свои груди. На них были юбки из травы, а на головах — венки, сплетенные из цветов гибискуса. Их рослые, восхитительные тела излучали неотразимую чувственность.

И вот обе группы начали сближаться, а танец стал еще более вихревым, сексуальным. Дробь барабанов оглушала. Исида схватилась за подлокотники своего кресла, чтобы не вскочить и не смешаться с танцующими.

Вдруг глухо зазвучали трубы. Мужчины обнажили свои поблескивающие от влаги внушительные детородные инструменты, торчавшие, словно выставленные для атаки копья. Девушки сначала остановились в ожидании, положив руки на покачивающиеся бедра, а затем сбросили свои юбки на землю. Воины упали к их ногам, и каждая из них поставила ногу на плечо своего мужчины. С диким звериным криком воины схватили в объятия

девушек, выкрикивавших непонятные слова.

— Они просят мужчин сделать им льят, — объяснил Милос, и его голос стал хриплым от сдерживаемого волнения. — Этот культ еще древнее, чем культ Осириса, — обернулся он к Исиде.

Жрица ничего не ответила. В оцепенении смотрела она, как мужчины валили на спину женщин и со свирепостью львов бросались на них сверху. Йозеф Грунвальд вскочил, задыхаясь от рвущегося из горла крика. Его взгляд стал диким, а вены на голове вздулись. Он расстегнул брюки и начал себя мастурбировать. Все мужчины и женщины вокруг него стали ему подражать. Когда молодые люди на поляне достигли оргазма, подле них появился мужчина-акушер. Он тоже включился в ритуал. Четверо воинов подвели к нему газель.

— Он — лев, Бог Мтили, — тяжело дыша, проговорил Милос.

Мужчины держали животное, которое отбивалось от них, а акушер монотонно пел с высоко поднятой головой. Потом он взревел, как будто и впрямь был львом, а один из воинов перерезал газели горло.

Праздник закончился. Зрители постепенно расходились. Милос встал. Он выглядел измученным. Он был единственным, кто не испытал от этого зрелища удовлетворения, в мыслях он был с белокурой английской девушкой.

Глава седьмая

За двумя зайцами

Министр был в ярости. Он ударил кулаком по письменному столу так, что бумаги полетели на пол.

— Свет не видел таких идиотов! — орал он на дрожавшего от страха руководителя строительной фирмы. — Я же приказывал вам передвинуть статую, а не ломать! Вы соображаете, что натворили? Вы разрушили бесценную древнюю реликвию, произведение несравненной красоты, невосполнимую часть нашего национального наследия! Туристы приезжали сюда за тысячу миль, чтобы полюбоваться ею. А теперь? — Он перевел дух, выпрямился и гневно указал из окна на кучу мусора, видневшуюся вдали. — А теперь это только пыль и щебенка!

— Это был несчастный случай, ваше превосходительство! — рыдал в отчаянии строитель.

— Несчастный случай? — снова взревел министр. — Вы что, всерьез думаете, что министерство вам это еще и оплатит?

Строитель сжался еще больше. Разрушение статуи действительно было несчастным случаем, но если он за работу не получит денег, то это вообще будет катастрофой.

— Ваше превосходительство, я должен заплатить моим рабочим. Иначе они будут голодать, их жены и дочери вынуждены будут заняться проституцией, а моя семья пойдет просить милостыню, — молил он. — Пожалейте нас!

Министр был неумолим.

— Я еще должен и оплатить это разгильдяйство? В следующий раз я лучше найму Чингисхана. Он по сравнению с вами образец заботы и внимания к окружающей среде. Хватит с вами возиться. Я не хочу вас больше видеть!

Убитый горем строитель поплелся из кабинета, глотая горькие слезы. На улице к нему подошел человек, который, как оказалось, терпеливо ожидал именно его.

— Мой друг, — сказал он, — сегодня ваш счастливый день. Я все знаю о маленькой неудаче, которая постигла вас со злополучной статуей. Но один иностранный гражданин просит оказать ему любезность, за которую он готов хорошо заплатить.

Руководитель стройки согласился отправиться в гостиницу, в которой остановился Мориба.

— Я всего лишь хотел знать, — объяснил ему Мориба, — когда будет перевозиться голова Осириса в Каир и будет ли ее охранять полиция?

В номер вошла Анна, и у незадачливого строителя при виде ее на глаза навернулись слезы. Мориба бросил ему пачку банкнотов. Аллах действительно был милосердным.

— После успешного завершения нашего дела вы получите другую половину, — сказал улыбаясь Мориба.

Благодарный египтянин бросился к телефону и дал соответствующие указания бригадиру.

В среду Луи Халефи связался по телефону со своим коллегой профессором Халидом и сообщил, что завтра прилетит в Каир. Халид обещал показать ему золотую находку. Поговорив с французом, он позвонил бригадиру на стройку.

— Завтра я заберу голову и сам отвезу в Каир. Побеспокойтесь об охране.

Мориба узнал об этом разговоре через десять минут.

Анна мрачно заметила:

— К ней уже сейчас приставлена целая команда полицейских, а когда повезут в Каир, ее будут охранять бдительнее, чем девственницу!

Мориба презрительно фыркнул.

— Немного денег, и все будет улажено. Нет, много денег и... — Он не закончил фразу и схватился за телефон.

Поздним утром в четверг профессор Халид припарковал свой зеленый «БМВ» возле деревянной строительной временки, в которой хранилась золотая голова. Она была завернута в мешковину, рабочие перенесли ее в багажник автомобиля. Одна полицейская машина поехала впереди «БМВ», другая — сзади, для прикрытия. Когда все три машины отправились, бригадир набрал номер телефона и доложил, что голову увезли.

Все произошло в жаркий полдень на безлюдном участке шоссе, проходившего по пустыне. Ехавшая впереди полицейская машина успела уйти довольно далеко от «БМВ», когда Халид заметил девушку.

Вся в пыли, в изодранном платье, она стояла на обочине. Ее автомобиль сошел с проезжей части, передние колеса завязли в песке. Когда машина Халида приблизилась, девушка опустилась на колени. Он затормозил и выскочил из машины.

— Что случилось? Вы не ранены? — воскликнул профессор, помогая ей подняться.

Несмотря на ее жалкий вид, Халид успел разглядеть, что девушка очень красива. Когда он подвел ее к своему «БМВ», появилась вторая машина полиции, но почему-то проехала мимо не останавливаясь. Халид помог девушке сесть на переднее сиденье, и тут перед ним внезапно возник неизвестно откуда появившийся черный великан.

— Спокойно! — Мориба наставил на профессора пистолет.

Анна в это время вытирала со своего лица пыль и поправляла платье.

— Что вам нужно? — спросил Халид.

Мориба не стал что-либо объяснять. Сев за руль, он направил «БМВ» в пустыню.

— Ну вот, наконец-то мы на месте, — сказал он с дружелюбной улыбкой. — Даже идя по жаре, вы через несколько часов доберетесь до главной дороги, и вас наверняка кто-нибудь подберет. Прощайте.

Халида подобрал грузовик, который вез овощи на базар. Халефи побывал за это время в его бюро и, не найдя профессора, отправился в гостиницу.

Они встретились лишь на следующее утро, и Халид рассказал, что произошло. Француз молча слушал, пока ученый описывал своих похитителей.

— Необыкновенно красивая девушка и огромный черный парень... — повторил Халефи задумчиво. — Я думаю, что я знаю, кто это. Но объясните мне, почему вы остановились, везя столь ценный груз?

— Египет — страна пустынь, — объяснил Халид. — Здесь не оставляют человека в беде. Если кто-либо бросит человека в пустыне, то впоследствии непременно и сам погибнет. А к тому же, — добавил он извиняющимся тоном, — она была очень хороша.

Халефи поставил в известность о случившемся полицию. Халид, в свою очередь, потребовал объяснений от водителя второй полицейской машины.

— Но, сэр, — сказал полицейский, — когда я увидел, что вы ведете к своей машине девушку, я счел свое вмешательство бестактным. Если профессор захотел немного

развлечься, то мы не должны портить ему удовольствие.

Халид проглотил эту пилюлю, хотя у него и было сильное сомнение, что шофер говорил правду. Подозрение усилилось еще больше, когда он увидел, как полицейские из обеих машин жадно пересчитывали деньги.

Разумеется, был объявлен розыск украденной головы. А в это время нанятый Морибой самолет совершал свой обратный рейс в Рим. В одном из ящиков находилась якобы поврежденная деталь контрольного прибора атомной электростанции, которую необходимо срочно отремонтировать.

Халефи провел еще несколько дней в ожидании, не нападет ли полиция на след преступников. Расследование шло полным ходом. Были допрошены строители, но они заявили, что не имеют ни малейшего представления о грабителях. Разрабатывались и другие версии. На одной из них и остановилась полиция.

Модно одетый криминалист, которому было поручено это дело, изложил ее Халефи и Халиду:

— Мы связались с аэропортами и узнали, что за несколько дней до этого преступления в Каир прилетел известный итальянский гангстер. Его сопровождала пара, описание которой совпадает с описанием лиц, совершивших нападение в пустыне. Эта пара уже вылетела из страны, но они были, вероятно, только сообщниками итальянца. Гангстера зовут Пино Астоли, и он все еще пребывает в Египте. Если мы его возьмем, то найдем и пропажу. Само собой разумеется, мы предпримем все, что в наших силах, но я лично считаю, что слишком много шума поднято вокруг этого забавного предмета. Музеи просто напичканы древними статуями. И разве так уж важно, будет одним экспонатом больше или меньше?

Халефи в этот же день возвратился в Париж, но перед этим еще раз встретился с Халидом. Он сказал египтянину, что абсолютно уверен в существовании полной статуи Осириса. Правда, она пока разделена, но если к нему попадет когда-либо часть, он передаст ее египетскому государству, которому она принадлежит по праву. О Золотом фаллосе он не сказал ни слова.

Глава восьмая

Пустые хлопоты

Во время перелета из Парижа назад в Лондон Дональд был молчалив, выглядел обеспокоенным.

— О чем ты думаешь? — спросила Сандра.

— Мне будет очень недоставать тебя, когда ты будешь выступать в Лондоне, а я буду играть в Глазго.

Сандра сжала его руку.

— Но, дорогой мой, Лондон же не на краю света. Мы обязательно найдем какую-нибудь возможность, чтобы почаще встречаться.

Дональд задумчиво посмотрел на нее.

— Почему мы не поженимся? — вдруг вернулся он к давнему разговору.

— Но ведь об этом мы уже говорили еще до полета в Саламба, — мягко и успокаивающе ответила Сандра. — Мы оба находимся в начале нашей карьеры, и я не хочу быть просто хорошей женой, сопровождающей всегда и повсюду своего супруга — футболиста-профессионала. Точно так же и у тебя нет большого желания сопровождать меня во время моих выступлений. Ты должен быть в Глазго, а я в Лондоне, где находятся все менеджеры и крупные фирмы грампластинок. Сокровище мое, будь благоразумным, у нас еще столько времени впереди. Мы будем принадлежать друг другу.

Объяснение не очень убедило Дональда.

— Сэнди, скажи, ты действительно меня любишь?

— Ты же знаешь! Что на тебя нашло? Ты мне не веришь?

— Я сам не знаю. Возможно, это из-за того, что я видел, как ты отдавалась Луи Халефи.

Сандра недовольно поморщилась.

— Послушай, милый Дональд, я люблю тебя и хотела бы жить вместе с тобой в собственном доме и завести ребенка, но несколько позже. Ты должен сыграть еще много международных матчей, и я тоже не хотела бы довольствоваться выступлениями только в ночных клубах Глазго и его окрестностей. А что касается моей забавы с Халефи, то мое тело принадлежит мне, и я могу с ним делать все, что захочу. Я свободная женщина и должна ею остаться. А впрочем, ты с Петрой тоже никак не выглядел скромником!

— Ну, это не совсем одно и то же, — запротестовал Дональд.

— Почему же? Только лишь из-за того, что ты мужчина? Мне кажется, ты просто ревнуешь!

Она засмеялась, но Дональд по-прежнему оставался серьезным.

— Я не могу ничего с собой поделать, мне кажется, что нам грозит опасность.

— Чепуха! Теперь, когда мы освободились от Золотого фаллоса, нам нечего опасаться. Ты просто еще не остыл от тех ужасных дней в Саламба. Выбросим это из головы, Дональд.

Когда они опять вернулись в гостиницу, настроение у Дональда несколько улучшилось. Однако Сандра чувствовала, что он все еще чем-то озабочен.

— Наша последняя ночь, — с сожалением сказал Дональд, когда они легли в постель.

— Тогда давай насладимся, — нежно прильнула к нему Сандра. — Не делай из этого драму, нас будет разделять всего лишь один час полета на самолете.

Она привлекла его к себе, играла волосами и целовала до тех пор, пока он не

возбуждился.

— Ну вот, наконец ты опять стал моим прежним Дональдом, — прошептала Сандра.

— Я думаю, ты права, — сдался Дональд.

— У тебя такие божественные волосы на груди, кудрявые и запутанные, — шептала она, продолжая забавляться ими.

Дональд закрыл ей рот страстным поцелуем. Сандра обхватила его плечи и плотно прижалась к нему. Он обнял ее твердые, округлые ягодицы, всегда возбуждавшие его. Его руки, его язык побывали на ней везде, и она позволяла ему это. Когда он лег на нее, то понял, что она готова к акту. Сандра была активной партнершей, она быстро довела его до экстаза. Может быть, из-за предстоящего расставания, но сегодня ночью их секс был отмечен чувственностью сильнее, чем когда-либо раньше.

На следующее утро они уложили свои вещи и оплатили гостиницу. Но еще за несколько дней до поездки в Париж Сандра нашла меблированную квартиру и теперь переехала в нее. Это была скромная, уютная однокомнатная квартира, расположенная на тихой окраинной улице в районе Фулхэм Руд. Дональд мог чувствовать себя здесь как дома в те короткие часы отдыха, когда он будет прилетать в Лондон. И даже если весь дом и маленькая часть сада перед их окнами не принадлежали им, все равно это пристанище казалось им роскошным. Лучше любого номера в гостинице экстра-класса. Разложив свои нехитрые пожитки, Сандра заварила чай.

— Я думаю, тебе нужно собираться в аэропорт, — сказала она.

— Еще несколько минут. У тебя есть мой адрес и номер телефона? — Он хотел сначала пожить у своего брата, имевшего большой дом в Кельвингров.

Сандра кивнула.

— Твой брат ветеринар, не правда ли? — спросила она, наливая Дональду чай.

— Мне кажется, ему больше нравится, когда его называют хирургом-ветеринаром, — улыбнулся Дональд.

— Расскажи о нем.

— Алеке? Ну... Он на десять лет старше меня и джентльмен! Кельвингров — отличный район, — шутливо подмигнул Дональд. — Он приятный парень, всегда был главой семьи, получал стипендию. Но хватит о нем. У нас мало времени. Тебе не приходит мысль, что мы должны проверить твою постель?

— Дональд Мак-Фей, я торжественно заявляю, что ты чудовищный секс-баловень, — запротестовала Сандра. Но она ничего не имела против его предложения.

Когда они снова оделись, она сказала:

— Ты заметил, что мы и без Золотого фаллоса отлично справляемся?

— Я думаю, что его таинственная волшебная сила — это скорее плод нашего воображения, — согласился Дональд. — Я рад, что мы отделались от этой проклятой штуки и что она скоро будет храниться в каком-нибудь музее, где ей и место.

Однако кое-кто насчет этого имел иное мнение. Исида и доктор Эндрю Друммонд купили билеты на ближайший авиарейс из Ибари в Лондон. Прилетев, взяли такси и помчались в гостиницу, где недавно останавливались Дональд и Сандра.

Друммонд спросил у администратора о Дональде, и ему сказали, что тот еще накануне выехал.

— Он не оставил адреса? — поинтересовался Друммонд. — У меня подарок для мистера Мак-Фея.

Администратор покачал головой.

— Нет, к сожалению, не оставил, — прозвучал ответ.

— А девушка? — включилась в разговор Исида. — Они вместе выехали?

— Я точно не могу сказать, — нехотя ответил администратор. — Мы не интересуемся частной жизнью наших гостей.

Исида отвернулась, чтобы не показать недовольства.

— Не могли бы вы нам подсказать, как связаться с мистером Мак-Феем? — взмолился Друммонд. — Это действительно важно.

Администратор предложил:

— Почему бы вам не обратиться в его клуб?

— В его клуб? — озадаченно повторил Друммонд.

— «Глазго-Рейнджерс», — объяснил администратор. — Мистер Мак-Фей играет за него. Он — знаменитость!

— Разумеется, — поспешил согласиться Друммонд. — Я это как-то выпустил из виду. Как это глупо с моей стороны!

Администратор недоверчиво покачал головой. Как можно такое забыть! Но когда Друммонд сунул ему пятифунтовый банкнот, все стало на свои места.

Они взяли билеты на скорый поезд в Глазго, чтобы до завтрака быть на месте. Во время поездки они успеют обсудить возникшую ситуацию.

— С ним ли девица? — забеспокоилась Исида.

— Это не имеет значения, — возразил Друммонд. — Если мы найдем Мак-Фея, то найдем и Золотой фаллос!

— Самое главное, чтобы он не сдал его на хранение, — опасалась Исида.

— Нет. Этот футболист ничего не знает о египтологии и тем более не является вором. Он просто случайно узнал о волшебных свойствах этой вещи и, наверное, постарается использовать ее силу. Зачем ему где-то хранить, если есть возможность пользоваться им, лежа с красивой девушкой в постель?

В Глазго они устроились в гостиницу, навели нужные справки и наняли для предстоящей операции двух крепких парней.

Дональду трудно было снова привыкать к насыщенным ежедневным тренировкам. Большой стадион с пустыми трибунами выглядел холодным и чужим. Но Дональд был очень талантливым футболистом, полным желания добиться высокого мастерства. Он знал, что через несколько недель здесь будут неистовствовать фанатичные болельщики, ожидая от него красивых финтов, точных пасов, неотразимых ударов по воротам. И он обязан сделать все, чтобы вернуть себе отличную спортивную форму.

Как-то после продолжительных занятий, когда он уходил с зеленого поля, его подозвал тренер Джимми Маккинн. Рядом с ним стоял высокий, изысканного вида мужчина в элегантном сером костюме, сшитом, судя по всему, в одном из лучших ателье Лондона. Эндрю Друммонд, а это был он, внимательно разглядывал парня.

Маккинн представил его:

— Дональд, этот джентльмен — известный врач. Группа специалистов под его руководством проводит исследования причин судорог у спортсменов.

— Судороги? — переспросил Дональд.

— Да, я понимаю, может быть, это звучит и смешно, но это серьезное дело, —

внушительно подтвердил Друммонд. — Судороги могут быть очень мучительными, но поскольку они не считаются болезнью, которую следует лечить, на них часто не обращают внимания. Судорога возникает неожиданно и может дать очень тяжелые последствия, даже со смертельным исходом. Это в первую очередь касается пловцов в открытом море, но у нас есть основания предполагать, что многие дорожные происшествия тоже случаются по этой причине — внезапно сведет у водителя ногу, и все.

— Очень любопытно, — Дональд начал уже зябнуть, — но какое отношение это имеет ко мне?

— Мой дорогой юноша, — озабоченно продолжал Эндрю Друммонд, — вы простудитесь. Давайте пройдем в раздевалку. Вы примете горячий душ, переоденетесь, а я затем все объясню.

Друммонд и тренер подождали, пока Мак-Фей примет душ. Когда тот появился, закутанный в купальное полотенце, все трое направились в раздевалку. Дональд открыл шкафчик, чтобы взять одежду, и Друммонд с любопытством заглянул в него, но ничего необычного не увидел. Повернувшись к парню, он сказал, что бригада врачей намерена протестировать ряд ведущих спортсменов и тренеров, надеясь получить более точные сведения о случающихся судорогах. Он задал множество вопросов Дональду и что-то записал в свою маленькую тетрадь. Он поблагодарил Маккинна и Мак-Фея за сотрудничество и направился к стоянке, где его в машине ждали два плотных парня.

— Что это может значить? — поинтересовался Дональд у тренера.

— Да какой-то безобидный англичанин, — беззаботно улыбнулся Маккинн. — Эти высокомерные доктора имеют кучу влиятельных друзей, поэтому я и предпочел быть с ним повежливее. А теперь, кати скорее домой, ты мне нужен завтра в самой лучшей форме!

Друммонд возвратился в гостиницу и рассказал Исиде о своей поездке на стадион.

— К сожалению, мне удалось лишь заглянуть в шкафчик Мак-Фея. Но, похоже, интересующей нас вещи там нет.

— Вы уверены, что нет?

— Не совсем, — ответил Друммонд.

— Тогда будем выполнять наш план.

Друммонд набросал схему раздевалки и показал своим помощникам, где там был шкафчик Дональда. Позже, ночью они залезли в раздевалку и перевернули все вверх дном, чтобы спортсмены подумали, будто разгром учинили хулиганы. Взломали и шкафчик Мак-Фея, однако того, что искали, не обнаружили.

— Пошарим у этого футболиста дома, — предложил Друммонд. — В газете недавно писали о Мак-Фее. Он живет у своего брата, адрес есть в телефонной книге.

Исида согласилась.

Алек Мак-Фей занимал этаж старого респектабельного дома, выстроенного в викторианском стиле, а два верхних этажа сдавал жильцам. Это давало ему определенный доход. Дональду была отведена маленькая, с окнами в сад комнатка.

Необходимые в случае неожиданного вызова лекарства и инструменты Алек держал во врачебном чемоданчике, который всегда лежал в машине, сопровождая его во всех поездках.

В субботу он одолжил машину брату, собравшемуся съездить в деревню, к матери. Уезжая, Дональд достал чемоданчик и отдал его Алеку.

— Пусть лучше останется у тебя, — сказал он. — А то еще кто-нибудь подумает, что в нем что-нибудь наркотическое, и взломает дверцу.

Едва Мак-Фей-младший выехал, как следившие за ним сообщники Друммонда дали знать об этом Исида. Прикинув все за и против, жрица решила, что в пути футболиста трогать не следует, лучше провести обыск, когда он вернется. И когда Дональд к вечеру приехал, она сказала:

— О'кей, Эндрю, пора!

Дональд находился в прихожей, когда зазвонил телефон.

— Проклятие! — выругался Алек и, выслушав абонента, пожаловался: — Из пригорода. У охотничьей собаки приступ. Просят срочно приехать, опасаются бешенства. Я быстро, а ты пока тут сообрази что-нибудь на ужин.

Он сердито хлопнул дверью, и Дональд услышал, как заурчал мотор машины. Едва Алек отъехал, как позвонили в дверь. На пороге стояла неопишуемая красавица.

— Мистер Мак-Фей? — спросила она.

— Да, но вы, наверное, к моему брату?

Исида засмеялась.

— Нет, мистер Мак-Фей, мы проделали долгое путешествие, чтобы повидать вас. Мы — из Саламба.

Упоминание об этой доставившей ему столько переживаний стране насторожило Дональда. Он хотел захлопнуть дверь, но не успел. Рядом с женщиной возникли два мускулистых типа. Они втолкнули его в дом. Вслед за ними туда вошли Исида и Эндрю Друммонд.

— Какого черта вам нужно? — взорвался Дональд.

— Вы прекрасно знаете. — Исида была сама учтивость. — Мы не собираемся вам причинить ничего плохого. Отдайте нам Золотой фаллос, и мы уйдем.

— Ничего не понимаю. — Дональд был взбешен.

Исида вздохнула.

— Вы упрямы, но это вам не поможет.

Кивком головы она велела обыскать дом. Громилы рылись в инструментах и лекарствах Алека, рассыпали по полу таблетки и пузырьки, перевернули постели, вытряхнули из шкафов одежду.

Дональд хотел было помешать им, но один из бандитов ударом в солнечное сплетение уложил его на пол.

— Будьте же благоразумны, — увещевал его Друммонд.

Не получив ответа, наемники Исиды прижали Дональда к стулу, не давая ему шелохнуться. Друммонд достал шприц, закатал рукав рубашки Мак-Фея и сделал ему укол.

— Это сделает вас покладистее, — засмеялся он.

Дональду показалось, будто его кровь превратилась в лед. В бессильном гневе посмотрел он на Друммонда, и все вокруг него словно поплыло. Он слышал слова Друммонда:

— Я думаю, что теперь он готов отдать то, что нам нужно.

Друммонд исчез, его сменила Исида. Какая-то бестелесная, меняющаяся. Она что-то сказала, и Дональд услышал ответ Друммонда:

— Нет, это не настоящее средство. И вообще не существует средства, которое могло бы заставить говорить, оно лишь ослабляет силу воли допрашиваемого. Конечно, он может обмануть, но при вашем уникальном искусстве убеждения противостоять вам не сможет. Ну, давайте примемся за дело, прежде чем его брат узнает, что телефонный звонок был уловкой.

Средство сильное, но действует недолго.

— Здесь, кажется, ничего нет, — услышал Дональд голос одного из громил, шаривших в соседней комнате.

— Ну, мой упрямый молодой друг, отдайте мне, пожалуйста, Золотой фаллос.

Голос Исида звучал спокойно, хотя была в нем слышна железная решимость.

Он попытался пошевелить головой, но не смог этого сделать. Кто-то далекий, чужой произнес:

— Нет, я не хочу, — и вдруг неожиданно понял, что это говорит он сам.

У женщины вдруг появилась в руках шкатулка, она достала из нее свернутую трубкой бумагу. Монотонным голосом произносила она что-то, по-видимому, какой-то заговор, слова смутно проникали в его сознание, и в то же время до него дошло, что он готов подчиниться этой красавице. Она стояла перед ним обнаженной. Ее груди будили в нем желание, манили к себе. Ему хотелось овладеть ею, такой обольстительной. Он просто должен взять ее! Неожиданно она закончила чтение и приказала:

— Ну что? Ты сделаешь так, как я тебе сказала, да?

— Да, — прохрипел он.

— Итак, ты отдашь мне Золотой фаллос?

— Нет.

— Что? — вскричала Исида. — Ты осмелился возражать мне?

Дональд безвольно попытался что-то ей объяснить, но смог лишь выдавить из себя:

— Я не могу. У меня его нет.

Возникла пауза. Опомнившись, Исида нежно проворковала, что фаллос ей очень нужен и она хочет знать, где можно его найти.

Алек Мак-Фей лишь в дороге обнаружил, что в спешке не захватил медицинский чемоданчик, который Дональд выгрузил, отправляясь к матери. Он пришел в ярость от разгильдяйства брата и со злостью повернул назад.

Войдя в дом, Алек крикнул:

— Дональд, у тебя крепкие нервы? — Но когда увидел весь хаос, то застыл от неожиданности. — О небо, что же здесь случилось?

Именно в этот момент Дональд собирался сказать Исиде, что он доставил Золотой фаллос Халефи в Париж. Сообщники бросились на Алека. Тот отчаянно оборонялся. Но в конце концов удалось его скрутить. Шум рассеял туман в голове Дональда. То, что он увидел, подействовало на него как холодный душ. Он бросился на одного из бандитов, но, получив очередной удар, скорчился и снова обмяк.

— Быстро, уходим отсюда, пока соседи не появились, — крикнул Друммонд. — Мы уже узнали, что нужно.

Налетчики бросились к двери. Один из них не удержался и мимоходом еще раз пнул Алека, хотя тот и так лежал без сознания в прихожей.

У Дональда болело все тело, но он потащился к Алеку и попытался ему помочь. Лишь спустя какое-то время, они смогли подняться, и Алек, с трудом переводя дыхание, сказал:

— Честно говоря, поведение твоих друзей оставляет желать лучшего. Будь так добр, пока ты здесь живешь, не приглашай их больше.

Глава девятая

Волки в овечьей шкуре

Клео Дженис в прекрасном номере гостиницы «Хилтон» в Ибари с нетерпением ожидала телефонной связи с Лос-Анджелесом. И хотя знала, что фирмой успешно управляет ее молодая компаньонка, все же хотела в этом лично убедиться. Она с тоской вспоминала о Калифорнии, о поп-звездах и студиях, о море и смоге. Но Исида велела ей оставаться в Ибари, поддерживать связь между ее группами в Великобритании и Египте и не спускать глаз с Милоса. Клео Дженис обязана была повиноваться Исиде, поэтому она, уезжая из Штатов, сказала компаньонке, что очень устала и хочет совершить кругосветное путешествие. Каждый раз, звоня ей, делала вид, будто это из нового города. Телефон ожил, когда Клео уже совсем истомилась. Она торопливо схватила трубку.

— Мисс Дженис, абонент на связи, — сообщила телефонистка.

Разговор не занял много времени. Узнав, что дома все в порядке, Клео похвалилась, что в Новой Зеландии погода чудесная, и пообещала позвонить в следующий раз с островов Фиджи. Однако уйти из номера не могла. Пришлось ждать еще минут десять, пока из Каира не позвонил Йозеф Грунвальд, занимавшийся поисками исчезнувшей головы статуи Осириса. Лишь после этого Клео позавтракала и отправилась в президентский дворец нанести визит Милосу.

Глава Саламба был задумчивее обычного. Его внутренняя мужская сила очень действовала на Клео. Ей казалось, что и она ему не совсем безразлична. Пусть она и не юная, зато достаточно эффектная женщина, которая пользуется успехом.

— Что нового от Исиды? — спросил Милос.

— Сегодня ничего не было. А вчера они в Глазго следили за Мак-Феем.

— Сандра Митчелл с ним? — В голосе Милоса чувствовалось едва прикрытое беспокойство.

— Ни Исида, ни Эндрю Друммонд не упоминали о ней, — успокоила его Клео. — Мне кажется, она осталась в Лондоне.

Милос замолчал, но Клео почувствовала, что ей не удалось полностью рассеять его тревогу. Как хотела бы она его утешить! Она ощутила вдруг страстное желание отдаться ему, отвлечь его, да и самой получить удовольствие.

— Расскажите мне немного о себе, — попросила она. — Как, вопреки всем и всему, вы стали главой саламбийского государства? В вас ведь нет африканской крови, или я ошибаюсь?

Милос засмеялся.

— Нет, я чистокровный хорват. Я учился в Загребе, а затем в Вене. Тогда мы все были революционерами, и я примкнул к анархистам. Но знаете, Клео, все они были голубоглазыми ничтожными романтиками. Они мечтали создать рай для рабочих, разряжая пистолет в какого-нибудь так называемого фашистского политика, а вообще-то чаще всего они промахивались и тогда просто подкладывали бомбы. Когда эти бомбы взрывались, то убивали и тех людей, за счастье которых они боролись. Я ничего не имею против терроризма. Я тоже пользовался террористическими методами, чтобы прийти к власти. Какой-то марксист учил: «Наноси удар противнику в его слабое место», но наши дикие анархисты знали об этом и без него. В то время как они по всей Европе гибли от рук

полицейских или попадали за решетку до конца своих дней, я осел в Африке. С моим опытом мне не было трудно стать здесь, в Саламба, вождем.

— И это все правда? — воскликнула Клео. — Я не могу поверить, что вы когда-то были настоящим революционером!

— О да, я был им, — усмехнулся Милос. — Я жил на свободе, в джунглях, был окружен настоящими товарищами, не то что здесь, во дворце, где меня роем окружают исключительно блюдолизы. Вы мне нравитесь и я скажу вам кое-что еще. Несмотря на то, что я осуществил свои самые смелые мечты, все равно в самой глубине своей души я тоскую. Мне кажется, что во мне словно что-то умерло. В моей жизни нет больше ничего, что бы меня будоражило.

— Но теперь здесь Исида, и все изменится, — произнесла Клео. — Когда мы соберем все части статуи Осириса и поместим скульптуру в нашем храме, к вам вернется прежнее воодушевление.

— Честно говоря, — покачал головой Милос, — я ни одному слову не верю во всей этой чепухе с Золотым фаллосом. Но если ваша секта задумала превратить это место в религиозный центр, то это привлечет к нам множество туристов, у которых денег больше, нежели ума, а это нам будет только на руку. Но сначала вы должны заполучить и голову, и фаллос!

— Исида наверняка это сделает.

— Что ж, позволю себе усомниться, — засмеялся Милос.

— Пока нет Исиды, мы могли бы немного развлечься. — Клео обольстительно улыбнулась.

— Я считаю, что пытаться совратить главу государства — это все равно что склонить его к измене родине, — не выбирая слов, ответил Милос. — Мне сдается, что вы могли бы и получше использовать свое время.

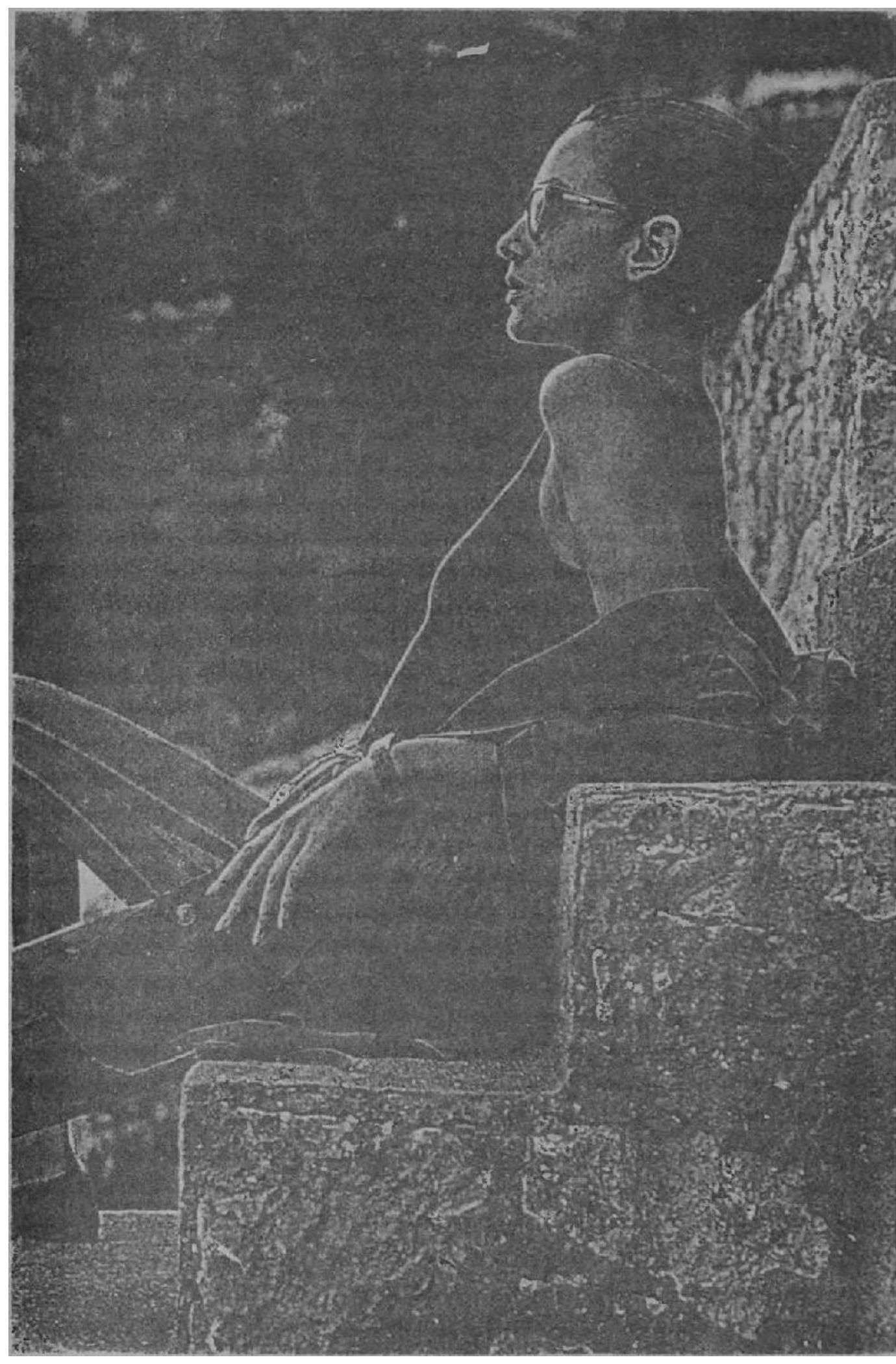
Клео покраснела. Она не привыкла, чтобы ей отказывали, и тем более так издевательски. Вскочив, сказала сердито:

— Я просто не хотела, чтобы вы скучали! Я немедленно уйду к себе в гостиницу.

— Нет, постойте! Я сожалею о своей бестактности, — извинился Милос. — Мне не по себе в последнее время. Я не могу спать, все вокруг действует мне на нервы... Сам не понимаю, что на меня нашло.

И все же он не был искренен. День ото дня воспоминания о Сандре становились все живее. Даже сама мысль о любовных утехах с Клео неприятно обожгла его сознание, не ко времени все это было. Он понимал, что ему снова нужно стать прежним. Но как?

— Может быть, вы дадите себе отпуск? Но в любом случае вам нужен хороший врач. Я знаю отличного невропатолога в Калифорнии, — с готовностью отозвалась Клео.

— Вы можете с ним договориться?

— Да, хотя это и будет нелегко!

Она подала ему хорошую идею. Милос знал одного американского врача, бывшего товарища по университету в Вене, ставшего теперь видным психиатром. Может быть, он и поможет ему избавиться от проклятого демона?

Клео провела ладонью по его лбу. Он недовольно отстранился.

— Прошу прощения, одну минутку! Я хочу послушать последние известия. Интересно, как они прокомментировали заметку американской газеты.

Он включил радио. И в этот момент диктор сообщил о краже недавно найденной части скульптуры в Египте. «Эта голова бога Осириса представляет большую ценность, и отдел археологии выражает надежду, что она вскоре будет обнаружена и возвращена истинным владельцам», — закончил он.

Клео вся сияла.

— Это же дело рук Йозефа. Я же вам сказала: Исида непобедима. Неужели и теперь вы еще сомневаетесь?

Она пришла в такой неопиcуемый восторг, что обняла Милоса и страстно его поцеловала. Его реакция была удручающей.

Вечером в своем гостиничном номере Клео ждала телефонного звонка из Каира. Ей хотелось узнать подробности о действиях Йозефа Грунвальда. Но то, что она услышала, повергло ее в отчаяние.

— Да, голова выкрадена, но не нами, — сокрушался Грунвальд. — Кто-то нас опередил.

— Боже мой! Исида вас кастрирует! — простонала она.

— Не горячись, — увещевал ее банкир. — Мы знаем, что это был итальянский гангстер по имени Астоли. У него в Риме весь подпольный мир в подчинении. Несколько дней тому назад он прилетел сюда с целой бандой, черным громилой и роскошной красавицей. Но достоверно известно, что им еще не удалось выбраться из страны. Похоже, нам придется поработать наперегонки с полицией.

— Потрудитесь выиграть это соревнование, если рассчитываете сохранить свое мужское достоинство! — пригрозила Клео.

Спустя полтора часа позвонила сама Исида. Как и пророчила Клео, нерасторопность Йозефа привела ее в ярость.

— Что вы собираетесь делать в ближайшее время? — поинтересовалась Клео.

— Следующий шаг уже очевиден, — сурово сказала Исида. — У молодого человека нужной нам вещи нет, значит, она у девицы. Мы возвращаемся в Лондон, чтобы потрясти ее. Она — певица, и у нее наверняка есть свой администратор.

— Поручите это дело мне, — предложила Клео. — В конце концов это же мой бизнес, в нем я знаю каждого.

— Вылетайте завтра же, найдете меня в гостинице «Дорчестер». И Боже упаси, ни слова Милосу о том, что мы возьмем в оборот девушку его мечты. Мы не должны допустить, чтобы он запаниковал.

Это была пятница и к тому же тринадцатое число — день, который Сандра никогда в жизни не забудет. Несчастья начались сразу же после полуночи в клубе, где она постоянно выступала. Она была еще в своей уборной, когда появилась полиция, получившая сигнал, что

клуб является местом встречи торговцев наркотиками.

Сандру вместе с группой женщин заставили сесть в длинную зеленую машину и под охраной полицейских отправили в участок, там их поставили к стенке, обыскав предварительно сумочки и кошельки. Затем каждую из них отвели в особую кабину, где они должны были раздеться догола.

Сандру охраняла строгая матрона, лет под сорок, с нескрываемым, отвращением смотревшая на нее. И пока Сандра, вся дрожа от холода, стояла в кабине, мужеподобная дама тщательно исследовала ее одежду, не обойдя своим вниманием подметок туфель и швов блузки. Она была страшно разочарована, что ничего не нашла, и приказала Сандре подойти. Девушка не подчинилась. Плоскогубая ищейка свела брови — она привыкла к повиновению задержанных. Обе женщины враждебно уставились друг на друга. В конце концов матрона не выдержала. Сердито сопя, она притопала к Сандре и, задрав ее руки вверх, закопошилась в подмышках. Натешившись, велела наклониться вперед. Сандра бросила:

— Извращенная ведьма!

— Ты, шлюха! Еще одно слово, и я привлеку тебя к ответственности за оскорбление при исполнении служебных обязанностей.

К своему изумлению, Сандра сообразила, что женщина занимается ее задницей дольше, чем это нужно, а затем переключилась на влагалище. Сандра отпрянула и возмущенно уставилась на полицейскую. Но та все делала машинально, словно в трансе. Черты ее лица стали вдруг мягче, женственнее. Вероятно, ей самой вспомнились лучшие времена, когда мужчина пытался делать с ней то, что она сейчас делала с этой девушкой, а она тогда возражала.

Энергично трянув головой, она грубо приказала:

— Одевайтесь!

Утром администратор сообщила Сандре, что в клубе были найдены наркотики и его закрывают, и, таким образом, договор с нею аннулируется.

В середине дня опечаленная Сандра получила телеграмму от Дональда, сообщавшего, что он лежит в больнице. Она была теперь безработной, поэтому, известив администратора, что будет отсутствовать несколько дней, выехала в Глазго.

Ее встретил Алек, он и рассказал о том, что случилось.

— Знаете, судя по всему, они искали наркотики. Люди всегда думают, что у ветеринаров эти препараты хранятся где-нибудь в квартире. Дональд бормотал какую-то чепуху о международной банде, но я думаю, это у него от чрезмерного увлечения криминальными фильмами.

— Как он себя чувствует? — озабоченно спросила Сандра.

— О, не беспокойтесь! Ему досталось всего несколько тумачков. Правда, один удар по колену. Возможно, повреждено сухожилие. Для футболиста — это трагедия, но как врач я могу вас заверить, что при правильном лечении все восстановится. Поэтому-то он и в больнице!

— У ваших пациентов наверняка это не так трагично, ведь у них четыре ноги! — пошутила Сандра, хотя у самой на сердце заскребли кошки.

В больницу ее отвез Алек.

Дональд был бесконечно счастлив видеть Сандру, и они сразу же прогнали любопытную медсестру.

— Меня хотят продержатъ здесь несколько дней, — объяснил он. — Все дело в колене. Остальное в порядке.

— Я надеюсь! — засмеялась Сандра, юркнув к нему под одеяло.

— Они были здесь из-за Золотого фаллоса, Санди, — озабоченно сказал Дональд. — Очевидно, нужно срочно предупредить Халефи.

— Еще немного, — бормотала она, не вслушиваясь в его слова. — И не шевели своим больным коленом, милый.

Ее предупреждение выглядело излишним, колено Дональда было крепко стянуто бандажом и блоком подтянуто вверх. Он едва мог пошевелиться, и отдаваться ему в таком положении означало для Сандры бросить интригующий вызов обстоятельствам. После того как они попробовали все мыслимые и немыслимые позы, которые смогли бы повергнуть в смятение даже создателя Камасутры, была наконец найдена единственно приемлемая в этой ситуации.

Времени для особых нежностей не было, медсестра могла ворваться в любой момент. Необычное положение вызвало у Сандры смех, но вскоре ее поцелуи стали более крепкими, словно древний волшебник был снова с ними. Она забыла о своей абсурдной позе. Грубая действительность все прервала. Приспособление для ноги лопнуло и с треском рухнуло на кровать. Дональд взвыл от боли, Сандру отбросило в сторону, и она шлепнулась на пол. На шум примчалась дежурная сестра. Поняв, что произошло, она застыла, ошеломленная.

— Я поскользнулась, — извиняясь, лепетала Сандра, — и упала на этот трос.

— Может быть, вы упали на что-то другое? — съязвила медсестра, показывая на обнаженный возбужденный член Дональда. — Прикройтесь, как вам не стыдно!

Кое-как наведя на кровати порядок, медсестра направилась было к двери, но остановилась и отчитала Сандру:

— Вы, как видно, не можете обуздать свой аппетит даже на один день! Повреждение колена у вашего возлюбленного не опасно, и в понедельник его бы выписали. Но доктор настоял на том, чтобы нога была подвешена. Все было бы нормально, не появись вы со своим цирковым трюком! Не сомневаюсь, что теперь нам потребуется несколько дней, пока мы все восстановим!

Чтобы не раздражать разъяренную медсестру, вконец расстроенная Сандра на прощание поцеловала Дональда, едва коснувшись его губ.

— Я приду завтра снова, — пообещала она.

— А я, пока вы будете здесь, ни на секунду не оставлю палату, — пообещала медсестра.

В воскресенье визит Сандры прошел вполне пристойно, и они радовались, что в понедельник утром Дональда выпишут. Только он должен быть осторожным, пока не спадет опухоль. А это означает, что пройдет еще какое-то время.

— Но и у меня тоже нет работы, — призналась Сандра, поведав братьям о том, что произошло в клубе. — Теперь у меня есть возможность некоторое время побыть здесь.

— Вы можете оставаться столько, сколько хотите, — с готовностью предложил Алек.

Сандра поблагодарила и вспомнила, что ей не мешает связаться со своим администратором.

— Как хорошо, что вы позвонили, — обрадовалась Агнес Джонсон. — Есть кое-какие новости, которые могут вас заинтересовать. Вы знаете, что через десять дней в Стонхендже состоится большой фестиваль поп-музыки?

— В газетах было, что полиция, скорее всего, запретит его проведение в этом месте.

— Сомневаюсь, однако именно из-за этого представление так великолепно разрекламировано. Сотни тысяч страстных поклонников попытаются как можно ближе познакомиться с артистами. Несмотря ни на что, они разместятся на полях вокруг Стонхенджа. Но вот Бетти Джо Вильсон, судя по всему, вынуждена будет отказаться от своего выступления. Вместо нее я могла бы заключить договор с вами. Разве это плохие новости?

— Бетти Джо? — переспросила Сандра испуганно. — Самая крупная звезда! — В ее голосе зазвучало благоговение. — Как же я смогу вместо нее выступить? Это ведь не мой стиль!

— Я знаю, — нетерпеливо перебила ее Агнес, — но сейчас снова входят в моду старые популярные, сентиментальные номера. Пластинки Эллы Фицджеральд вновь нарасхват и занимают верхнюю строчку хит-парада. Это могло бы стать шансом для вас! Вы должны немедленно включиться в работу!

— Само собой разумеется! — согласилась Сандра. — Я начну сразу же здесь, а в конце недели продолжу в Лондоне.

— Я полагаюсь на вас, — обрадованно произнесла Агнес. — Есть еще кое-что. Сегодня утром несколько человек интересовались вашим адресом. Я сказала, что вы где-то в дороге. Мне можно дать им ваш адрес?

— Нет, переговорите с ними сами, если это касается дела. Я бы не хотела, чтобы мне мешали.

— А как же со мной? — заволновался Дональд, узнав от Сандры о предложении ее администратора. — Можно ли мне иногда быть с тобой?

— Но ведь это же ты! — улыбнулась нежно Сандра.

Посетив Агнес Джонсон, Клео Дженис вынуждена была признать, что ее миссия терпит крах. А от Исиды пощады ждать не приходилось.

— Единственное оправдание вашего пребывания здесь, — пригрозила ей Исида, — это ваше утверждение, что вы хорошо ориентируетесь в сфере шоу-бизнеса. Ищите девушку! Мне безразлично, как вы это будете делать, но не советую больше попадаться мне на глаза, пока не добудете ее адреса.

Гневные искорки в глазах Исиды не обещали ничего хорошего. Жрица не принимала никаких объяснений и оправданий, и Клео позвонила Агнес Джонсон еще раз, чтобы узнать, не звонила ли ей Сандра Митчелл. Ничего не добившись, она пришла в отчаяние. Ей казалось, что нет в Лондоне человека, который мог бы помочь найти девушку. И тут ей пришла в голову остроумная идея.

Она вспомнила, что обещала позвонить в свое бюро якобы с островов Фиджи, а это можно прекрасно осуществить и из Лондона.

— Да, у нас здесь была небольшая заварушка, — доложила ей компаньонка, — но мы все уладили. Эта дура Бетти Джо Вильсон не придумала ничего лучшего, как забеременеть. Каждое утро у нее приступы, и она тогда становится еще более невыносимой, чем прежде. Расторгла ангажемент, который мы организовали ей по Англии.

— Как это она влипла? — спросила Клео.

— Она заявила, что хочет иметь ребенка! Ты не можешь себе представить, как изменилась наша Бетти. Она стала настоящей наседкой, даже вязать начала.

— А кто вместо нее в Стонхендже, — поинтересовалась Клео.

— Одна из лондонских администраторов предложила свою певицу. Какая-то

молоденькая секс-бомба, слащавое существо, но неплохо поет и играет на саксофоне. Сандра Митчелл.

Клео Дженис поспешила оборвать разговор и помчалась к Исиде. От услышанной новости жрицу будто подменили.

— Итак, вы предлагаете ее схватить в Стонхендже? — задумчиво произнесла Исиде. — При той толчее, которая там будет царить, мы не сможем даже приблизиться к ней.

— Да, но это вполне осуществимо, если мы сами будем среди выступающих! — торжественно заявила Клео.

Исиде недоверчиво посмотрела на нее.

— Что вы этим хотите сказать?

— Все очень просто. Я организую группу, будто бы прилетевшую из Лос-Анджелеса. Все будет подготовлено заранее, а выступление пройдет просто под фонограмму. Вечером мы с вами заменим на сцене двух участников ансамбля, ведь Сандра Митчелл нас не знает и ничего, следовательно, не заподозрит. Мы схватим ее сразу же после выступления.

— Но ведь шоу должно состояться уже на следующей неделе! Как вы успеете все это устроить? А участники группы? Пойдут ли они на сотрудничество?

— С этим все в порядке, — засмеялась Клео. — Я отлично знаю парней, организовавших этот фестиваль поп-музыки, ну а группа сделает все, что ей будет приказано, если они когда-либо захотят опять получить работу.

Через несколько дней организаторы фестиваля объявили, что наряду с известными в концерте примет участие новая поп-группа из Лос-Анджелеса, а вместо Бетти Джо Вильсон будет выступать восходящая звезда Сандра Митчелл.

Узнав о внезапном отъезде Клео, президент Милос встревожился. Поклонница бога Осириса воспользовалась самолетом, летевшим в Лондон. Для чего?

Перед его глазами возникло нежное лицо Сандры, обрамленное светло-золотистыми локонами. Одна только мысль, что ей может грозить серьезная опасность, повергла его в смятение. Конечно, Клео была предприимчивая и, похоже, не такая бесстыжая, как Исиде или ее приближенный — холодный и расчетливый Эндрю Друммонд, мечтавший во что бы то ни стало заполучить Золотой фаллос. Однако это мало что меняло.

Клео оставила записку, в которой сообщала, что должна срочно вылететь в Лондон, чтобы поправить допущенную ее калифорнийским бюро ошибку с ангажементом известной поп-группы. Даже если Милос и относился к этому поводу скептически, он надеялся, что Клео не станет причинять вреда Сандре. И все-таки у него осталось тревожное предчувствие, как это случается порой с влюбленными. Ему было уже за сорок. Он участвовал в партизанской войне в джунглях и у него было немало врагов. Но с ними он умел справляться. Жестокостью и хитростью ему удалось подчинить своей воле целую нацию, для которой он был чужестранцем. И вдруг какая-то маленькая девушка так вскружила ему голову! Милос, интеллект и политик, прекрасно понимал абсурдность своих чувств и тем не менее ничего поделать с собой не мог. Во время совещаний со своими министрами он делал колоссальные усилия над собой, чтобы сконцентрироваться. Для человека, обладавшего абсолютной властью, такое состояние было опасным. Милос обязан был забыть Сандру и не раз подумывал о венском психиатре, но этого не мог себе позволить. Исчезновение на несколько недель главы политически нестабильной страны привело бы к катастрофе. Если просочится информация о том, что у главы государства не в порядке психика, то в Саламба неизбежно разразится новая, еще более кровавая резня. Поэтому

мысль о лечении Милос отбросил.

И все же, когда он наткнулся на фамилию Сандры в газете, то немедленно решил действовать. Он узнал, что она будет выступать на фестивале в Стонхендже. Это была совсем иная ситуация. В своем сексуальном воображении он никогда не представлял Сандру певицей. Но, подумав о неожиданном отъезде Клео Дженис, преданной союзницы Исиды, имевшей достаточный вес в мире поп-музыки, Милос забеспокоился всерьез. Не нависла ли над Сандрой опасность, несмотря на все заверения Исиды?

Азомболо был человеком большого ума и политического таланта, поэтому он и стал правой рукой нового президента Саламба. Милос сообщил ему, что хочет съездить в Вену для консультации у врача.

— Я полагаю, мне не нужно лишний раз напоминать, что это должно быть абсолютной тайной, — предупредил он Азомболо. — Надеюсь, я могу себе позволить отсутствовать одну-две недели, не возбуждая при этом любопытства посторонних. Я верю, что в этот период ты будешь вести государственные дела, основываясь на моих принципах.

Азомболо утвердительно кивнул головой и спросил:

— Ты оставишь мне номер телефона, чтобы я в случае крайней необходимости мог тебе позвонить?

— Нет, лучше я сам позвоню тебе, это надежнее. И еще вот что, Азомболо: если станет известно о моем отъезде, то это только через тебя — а это будет стоить тебе головы!

Видимо, и ему Милос доверял не во всем.

Британские газеты были полны измышлений о возможных столкновениях между полицией и фанатичными поклонниками поп-музыки на фестивале в Стонхендже. Правительство ясно дало понять, что оно не потерпит массовых беспорядков в одном из самых святых мест Европы. Крестообразно расположенные камни доисторического периода помнили времена друидов. Это они в день Иоанна приветствовали солнце, всходящее над одним из камней, служивших некогда алтарем, на котором, если верить преданиям, приносились человеческие жертвы суровым божествам. Они привлекали авторов приключенческих романов и кинорежиссеров. Теперь людей волновало предчувствие, что в Стонхендже когда-нибудь вновь, как тысячелетия назад, может совершиться насилие. И вместе с тем оставалась надежда, что из назревавшего конфликта будет найден мирный выход. Маркиз Хэмптонский, эксцентричный наследник древней фамилии, в молодости выступавший тапером в одном из баров Нового Орлеана, предложил для проведения фестиваля свое поместье с обширными лугами.

В десяти милях от Стонхенджа расположен Солсбери, красивый город с особняками в викторианском стиле, в центре которого высится глубоко почитаемый готический собор. Здесь царил благоговейная атмосфера добропорядочных буржуа, решительно не принимавших фестиваля — сборища люмпенов и бродяг.

За несколько дней до фестиваля в элегантном отеле «Черный кабан» неизвестное лицо из Лондона забронировало шикарный номер. И когда в один прекрасный день к отелю подъехал роскошный лимузин и из него вышел доктор Эндрю Друммонд в безукоризненном сером костюме, никому и в голову не пришло, что этот человек, как и его спутницы Исида с Клео, тоже щеголявшие изысканностью туалетов, примут самое непосредственное участие в предстоящих событиях в Стонхендже.

Артисты ансамбля «Ритмы фаллоса» были размещены в скромной гостинице за

городом. Исида и Клео побывали на их репетициях, чтобы потом, во время концерта, не слишком выделяться из общей массы.

Сандра для фестиваля подготовила несколько новых номеров, так как ее прежние песни в большинстве своем посвящались безнадежной любви и не были предназначены к трансляции через мощные динамики. У нее даже не хватило времени, чтобы посмотреть город. Зато в конце концов все получилось просто отлично. Ее выступление обещало быть ярким и эмоциональным. Она уже собиралась отправиться с артистами во владения маркиза Хэмптонского, как в дверях ее комнаты возникли Дональд и Алек.

— Я подумал, что могу оказать тебе некоторую моральную поддержку, — сказал Дональд. — Тренировки мне еще запрещены, так что меня ничто не удерживало в Глазго.

— И вы тоже? — обратилась Сандра к Алеку. — Как переживут больные животные Шотландии ваше отсутствие?

— Он — самое больное животное, это я точно знаю. — Алек показал пальцем на Дональда. — За ним нужен глаз да глаз, иначе он снова влипнет в какую-нибудь историю.

— Старший брат не отпускает меня ни на шаг, — пожаловался Дональд.

Сандра достала им пропуска, и они вместе отправились в путь.

В графство Вилтшир прибыли ранним утром. Из-за интенсивного движения машина медленно продвигалась вперед. Когда они достигли Хэмптона, все вокруг уже было забито толпами людей. В небе кружил вертолет службы безопасности. У ворот, предназначенных для артистов, полицейские тщательно проверяли пропуска. Сандру с друзьями не задержали.

Узкая дорога, по которой они поехали дальше, петляла между вековых деревьев, густых зарослей кустарников. По ней они вскоре добрались до участка, предназначенного для певцов и технического персонала. Здесь уже деловито сновали рабочие, размещая прожекторы и звукоусилительную аппаратуру. Чуть поодаль были сооружены сценические подмости.

Озабоченный администратор поздоровался с Сандрой и сообщил об изменениях в программе концерта.

— Вы выступаете сразу же после группы «Ритмы фаллоса».

— Кого-кого? — изумленно переспросил Алек, шокированный названием группы.

— Они из Калифорнии, — объяснил администратор, как будто это что-то раскрывало. — Довольно известная группа. Мы хотели поставить их в конце, но они настояли на выступлении перед Сандрой Митчелл. Они, конечно, с причудами, но, вероятно, спешат на другой концерт.

Братья с Сандрой договорились, что после выступления она снимет со своей блузки микрофон, возьмет футляр с саксофоном и присоединится к ним, и смешались с толпой.

Трио Исиды покинуло гостиницу и выехало в пансионат, где размещалась группа Клео. Обе женщины переоделись в эстрадные костюмы, состоявшие из раскрашенных под леопардовую шкуру трико и зеленых париков. Они стали настолько неузнаваемыми, что даже Эндрю Друммонд, увидев их, испугался. А когда и ему предложили надеть желто-канареечные джинсы и розовую рубашку-кимоно с названием «Ритмы фаллоса», он возмутился:

— Я же не выступаю! Я не обязан натягивать на себя всякую дрянь!

— Вы не должны выделяться, черт возьми, — вспыхнула Исида. — Делайте то, что вам велят, и не дергайтесь!

— Нет, нет и нет! — заартачился Друммонд. — Ни за что!

— Это приказ! — ледяным тоном повторила Исида.

— Послушай-ка, сестра, — вмешался один из участников группы. — Почему бы вам не выпустить его таким, каков он есть? Здесь каждый одевается как ему вздумается, а в этом возвышенном костюме, который на нем, он будет производить эффект стареющего хиппи.

На Эндрю Друммонде был светский костюм, рубашка в полоску и шелковый галстук. Исида еще раз оглядела его и смилостивилась:

— Может, вы и правы. Ладно, Эндрю, оставайтесь как есть. Только ждите в машине. В этом наряде мы не можем вас подключить к артистам.

— Это я с удовольствием, — с подчеркнутой любезностью подчинился Эндрю.

Группа «Ритмы фаллоса» ехала в собственном автобусе, за которым следовала машина Исиды. Их пропускали без задержек. Друммонд бесился, так как ему пришлось исполнять роль шофера.

Как всегда на таких концертах, начало задерживалось. На этот раз случилось короткое замыкание на линии освещения. Но прекрасное настроение публики от этого не испортилось. Люди сидели на газонах, пили напитки, курили и ждали.

Стемнело.

И вот наконец на сцене одна группа артистов стала сменять другую. Фанатичные зрители становилась все возбужденнее. Когда «Ритмы фаллоса» закончили выступление, атмосфера была уже накалена до предела. Подошла очередь Сандры, и Дональд, поцеловав подругу, пожелал ей успеха и вместе с Алеком растворился в толпе перед сценой.

Сандра, взяв саксофон, вышла на площадку. Она была уже готова начать, как к ней подскочил взволнованный мужчина.

— Подождите! — крикнул он. — Мы должны еще раз перестроить аппаратуру. — И, извинившись, объяснил: — Последняя группа выступала под фонограмму, так как одна из солисток внезапно охрипла. У них на всякий случай всегда есть с собой своя фонограмма на кассете. Ну вот, теперь все в порядке. Успеха вам!

Первые две песни Сандры занимали верхние строчки хит-парадов, а последняя была специально сочинена к фестивалю. Когда вступила музыка, два прожектора выхватили из темноты гигантские, выветренные временем камни Стонхенджа.

Сандра пела превосходно, а в заключение еще и сыграла на саксофоне меланхоличную мелодию, которая в наступившей тишине достигла самых отдаленных уголков парка. Медленно гасли прожекторы, и древние камни, хранившие больше событий, чем самая совершенная человеческая память, казалось, растворились в бездне. Лишь какой-то миг продержалась мертвая тишина, а затем ее взорвали аплодисменты. Публика иступленно орала и свистела.

— Разве это не потрясающе? — прерывающимся голосом проговорил Дональд.

— Да, она фантастична! — восторженно произнес Алек. — Я только не перестаю задавать себе вопрос, что такая сильная девушка нашла в тебе?

Они, как и условились, ждали Сандру у ворот. Но она не пришла.

Сбежав со сцены, Сандра обратила внимание, что некоторые исполнители из группы «Ритмы фаллоса» были еще здесь. Это показалось ей странным. Все знали, что они торопились уйти с концерта. Однако она не стала забивать голову пустяками и направилась к воротам. Поравнявшись с зеленоволосой девушкой, она внезапно почувствовала быстрый острый укол, и сразу все вокруг погрузилось во мрак. У Сандры подкосились ноги, и она рухнула на землю. Один из служителей попытался ей помочь.

— Отойдите назад, дайте ей доступ воздуха! — требовал он от сгрудившихся зевак. — И когда эти дети перестанут наконец тянуться к наркотикам? — проворчал он, обращаясь больше к самому себе. — Может ли кто-нибудь сбегать в палатку «скорой помощи» и вызвать врача?

— В этом нет необходимости, — успокоила его Исида.

Она сняла свой зеленый парик и наклонилась над неподвижной девушкой.

— Мой брат — врач. Вот он идет!

Клео Дженис отделилась от группы и бросила в урну пустой пластиковый шприц. Толпа перед нею и Друммондом расступилась. Эндрю действовал как профессиональный врач, обследуя находившуюся в обмороке девушку.

— Здесь я ничем не могу помочь ей, — объяснил Друммонд собравшимся. — Пожалуйста, отнесите ее в мою машину. Она стоит прямо перед входом.

Несколько мужчин подняли Сандру. Они уложили девушку на заднее сиденье автомобиля. Клео и Исида сели рядом, и Друммонд запустил двигатель. Администратор, который первым пришел на помощь Сандре, крикнул ему:

— Езжайте не по главной дороге, а по ведущей к медицинской палатке.

Эндрю кивнул головой.

Глава десятая

Ягненок на жертвеннике

Палатка «скорой помощи» находилась примерно в километре от ограды. Друммонд туда не поехал.

— У нас мало времени, — предупредил Друммонд женщин. — Как только она очнется, ее нужно сразу же заставить говорить. В состоянии шока она скорее расколется.

Он остановился у полицейского поста возле входа на виллу Хэмптона и объяснил, что он врач, что в машине девушка, которая нуждается в срочной помощи в стационарных условиях, и он хотел бы знать, где можно это сделать.

— Держитесь прямо, — посоветовал полицейский. — Дорога проходит рядом со Стонхенджем. Проедете милоу и повернете у перекрестка налево. Так вы попадете в Солсбери.

Эндрю Друммонд поблагодарил, полицейский пожелал им счастливого пути.

— Куда бы ее пристроить, чтобы нам не помешали? — озабоченно сказал Эндрю.

— Это же естественно! — бросила Исида. — Здесь есть только одно-единственное место, защищенное от непрошенных гостей.

Все трое посмотрели в сторону Стонхенджа. Эндрю Друммонд свернул с шоссе и осторожно поехал по пешеходной дорожке.

Когда Сандра немного пришла в себя, то почувствовала озноб. Она была словно в тумане. Ей казалось, что если она не пробудится, то ледяной холод охватит все ее тело и дойдет до сердца. Если она хочет жить, то обязана заставить себя открыть глаза.

Она лежала на плоском камне, и над ней нависла другая массивная каменная плита, которая, вероятно, была прикреплена к звездам, неподвижно смотревшим сверху. Холодный камень под ней вызывал дрожь, и она попыталась встать, но тут же поняла, что не в силах даже пошевелиться. Откуда-то издали доносились пение и рев ликующей толпы. Из-за облака показалась луна. Может быть, она мертва, мелькнула мысль, и находится в склепе, или это вход в ад?

Два лица склонились над ней. Одно из них было необыкновенно красивым. Но оба были холодными, как и камень под нею. Она удивилась, почему у них зеленые волосы? Вероятно, это существа с другой планеты или демоны, которые хотят унести ее отсюда?

Первый демон заговорил. Ей понадобилось сделать над собой огромное усилие, чтобы разобрать слова. Она услышала что-то о Золотом фаллосе.

— И тогда мы сможем по-настоящему любить, страстно и всепоглощающе, — прозвучало из уст демона.

Мысль отозвалась в ней. Это было великолепно. Это согрело бы ее похолодевшее тело.

Теперь она сама заговорила, но ее голос звучал неестественно, искаженно, и она не понимала своих слов. Первый демон кивнул и обернулся женщиной. Она была похожа на леопарда, как, впрочем, и ее спутница, и Сандра поняла, что это хищники, которые могут разорвать ее на куски. Она чувствовала себя беспомощной и удивлялась, что леопарды-женщины почему-то говорят о любви. Ей вдруг страстно захотелось, чтобы они овладели ею. Наверное, она сказала это громко, так как первый демон, это необычайно привлекательное и одновременно страшное существо из совсем другого мира, сбросил свою леопардовую шкуру и предстал неземной красавицей. Она подошла ближе, ее белое тело серебрилось под

лунным светом.

Сандра внезапно поняла, что она лежит обнаженной на каменном алтаре, и второй демон ее ласкает. Кажется, она очень этого желала, хотя в ее голове все было запутано.

Но вот обнаженная женщина оказалась так близко, что она могла уже вдыхать исходивший от нее приятный аромат. Она почувствовала ее руки на груди. Демоны начали ласкать ее тело своими опытными пальцами, и озноб исчез.

— Ты же этого хотела, — молвил первый демон.

Взгляд Сандры упал на Эндрю Друммонда, который с опаской поглядывал на свои часы.

— Я думаю, что для тебя будет лучше, если мы дело о Золотом фаллосе завершим здесь, — прошептала Исида на ухо Сандре.

Беспомощная девушка выдавила из себя приглушенно:

— Как в клубе!

— Она не понимает, что говорит! — вырвалось у Клео.

Исида сердитым кивком остановила ее.

— А как было там? — вкрадчиво спросила она Сандру.

— Все там это делали, — шептала она.

— Где это было?

На какое-то мгновение Сандре показалось, что внутренний голос предупреждает ее не выдавать тайну этому сладострастному демону, но она произвольно промолвила:

— В Париже. С Луи.

— И с фаллосом? — Женщина-демон была настойчива.

— Да, я привезла фаллос ему, — подтвердила Сандра.

— И ты вернешь его нам, не так ли?

Они наклонились над ней и неожиданно для самих себя стали хлестать девушку руками.

— Нет, этого я не могу. Он в Париже.

— У Луи? — Глаза первого демона буквально сверлили ее. — Почему ты фаллос дала ему?

— Он понимает в искусстве Египта, — вырвалось у Сандры.

— Луи Халефи, египтолог! — радостно воскликнула Клео. — Он же был в Саламба! Это так?

Первый демон так действовал на Сандру, что ее снова начало трясти. Но Исида уже не нуждалась в ответе. Глаза Сандры выдали все, что она хотела узнать.

— Да! Это правда! Ну, а теперь смываемся! — нетерпеливо вмешался Друммонд.

— Подожди! Она потом вспомнит, что с ней случилось? — зловеще прошипела Исида.

— Конечно. Наркотик только оглушает, на память он не оказывает никакого воздействия.

— Тогда рискованно оставлять ее живой! — сурово произнесла Исида.

Обе женщины неожиданно отпустили Сандру. У Клео вырвался истерический смех.

— Да, мы обязаны ее убить! В конце концов, здесь ведь храм, и она должна быть принесена в жертву Исиде, которую она оскорбила!

— У меня есть скальпель, — зловеще осклабился Эндрю Друммонд.

Он повернулся к Сандре. Его холодные голубые глаза дико сверкнули, и Сандра в испуге вздрогнула.

— Бедный Эндрю! — подзадорила Исида. — Неужели вас не разогрели наши маленькие забавы с малышкой? Почему бы вам по-мужски не развлечься с ней, пока она еще может

что-то дать? Только поживее!

Это был риск, но Друммонд не мог противостоять искушению. Она была красива, словно свежесорванный цветок, и было бы грешно выбросить цветок, не насладившись его ароматом. Исида права! Взгляды обеих женщин, которые своими действиями возбудили перед этим девушку, распалили и его вожделение. Он почувствовал в себе неудержимую страсть, для удовлетворения которой ему, казалось, хватит и мгновения. А потом он убьет ее, чтобы никакой другой мужчина никогда больше не смог ею воспользоваться! Он выскользнул из своих брюк.

С кривой улыбкой, предвкушая наслаждение, он приблизился к неподвижно лежавшей на каменном алтаре девушке.

— Почему она не идет?

Дональд напряженно вглядывался в ворота, в которых уже давно должна была появиться Сандра.

— Наверняка заболталась с кем-нибудь, — попытался успокоить его Алек.

Заканчивался уже следующий номер, а Сандры все еще не было. Дональда охватила паника. Он потянул брата назад, к сцене, нашел администратора, который перед концертом разговаривал с Сандрой.

— Вы случайно не знаете, что произошло с Сандрой Митчелл? — спросил он его.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Чем она занимается после выступления, это ее дело.

Дональд схватил его за галстук и встряхнул.

— Лучше скажите мне, что с ней стряслось! Я ее друг. И если она ранена и вы к этому имеете какое-либо отношение, я вам все кости переломаю!

— Оставьте меня! — завопил тот. — Я только на минутку задержал ее для фоторепортера из газеты. А ваша подруга упала в обморок. К счастью, на месте оказался доктор, который и увез ее с собой!

— Доктор, здесь?! — вытаращил глаза Алек.

— Да, одна из девушек группы «Ритмы фаллоса» сказала, что доктор ее брат, и они все вместе укатили. Они, наверное, в палатке «скорой помощи». Почему бы вам не наведаться туда самому и не убедиться во всем?

У Дональда закралось подозрение.

— Скажите, — не отступал он, — а как выглядел этот врач?

— Высокого роста, лет пятидесяти с небольшим, в очках. Одет так, будто вел прием в своем кабинете в Лондоне.

— Лондон? А мне сказали, что группа прибыла из Лос-Анджелеса?

— Это верно, — ответил служащий. — Но мужчина выглядел как британец, и речь у него была как у британца.

— О Боже! — простонал Дональд. — Я уверен, что мы этого субъекта уже однажды видели. А что ты думаешь об этом, Алек?

Администратор добавил:

— Его девушка по произношению тоже не была похожа на американку. А когда она сняла парик, то оказалась на редкость красивой, такая вся смуглая и экзотичная.

— Мы должны немедленно найти Сандру! — закричал Дональд. — Если это те люди, о которых мы думаем, то... она находится не в палатке «скорой помощи»!

— Что за люди, Дональд? — встревожился и его брат.

— Банда фанатиков, принадлежащая к какой-то темной религиозной секте.

— Что-то наподобие друидов? — попытался уточнить Алек и показал в направлении Стонхенджа.

Дональд вопросительно посмотрел на него.

— Возможно, там и решение вопроса.

Без лишних объяснений он рванулся к пульта управления освещением и крикнул обслуживавшему его оператору:

— Направьте прожектор на святилище, как вы это делали во время последнего номера Сандры Митчелл!

Оператор попытался запротестовать, но отчаяние в голосе Дональда убедило его.

Яркий свет луча прожектора упал на древние руины. И они увидели на плоском каменном алтаре распростертое обнаженное тело, над которым склонились две женщины в леопардовых шкурах, а рядом стоял мужчина в пиджаке и без брюк. Эффект воздействия этой сцены был потрясающим. Примерно сто тысяч пар людских глаз были направлены на святилище, и им показалось, что там исполняется какой-то странный ритуал. Публика зашумела.

Дональд выбежал на дорогу и схватил чей-то стоявший у ворот мотоцикл. Алек бросился за ним.

Внезапный свет ослепил Эндрю Друммонда. Он испуганно отшатнулся от Сандры. Клео с криком отскочила в сторону. Первой пришла в себя Исида.

— Быстро! — крикнула она. — Нас все видели! В машину!

— А что с девкой? — приостановился Друммонд.

— О небо! — Исида была вне себя. — Вы что, обалдели? Оставьте ее! Нас тут же схватят!

Она бросилась прочь. Наконец и до Эндрю Друммонда дошло, что пора бежать. Он рванулся за женщинами, вскочил в машину. Они надеялись успеть удрать беспрепятственно. И были уже близки к цели, когда перед их машиной возник мотоцикл. Друммонд узнал Дональда, выругался и крутанул руль в сторону. Тяжелый автомобиль неуклюже запетлял по дороге. Дональд нажал на тормоз, но уклониться от столкновения не сумел. Его отбросило в кусты. На корпусе автомобиля осталась глубокая вмятина. Не останавливаясь, Эндрю помчался дальше и скрылся в ночи.

Вскоре приехала санитарная машина. Сандру, завернутую в одеяло, положили на носилки. Отыскали и Дональда, который в бессознательном состоянии лежал возле мотоцикла. Алек осмотрел брата. Слава Богу, травмы были несерьезными, лишь больное колено выглядело совсем плохо. Алека охватило отчаяние. Что, если Дональд не сможет больше играть в футбол?

Глава одиннадцатая

Наседка

— Как ты думаешь, древние египтяне пользовались им когда-нибудь?

Петра взяла в руку Золотой фаллос и бросила на своего учителя и любовника лукавый взгляд.

— Дорогая, спрячь его, пожалуйста, туда, где он был, — попросил ее Халефи. — Обнаженный, он действует мне на нервы!

— А меня он воодушевляет, — кокетничала Петра. — Будь добр, пусть он еще немного побудет здесь. Ты скоро уйдешь, и стимулятор перестанет на тебя действовать.

Они сидели в комнате Петры в студенческом общежитии. Луи Халефи обязан был, как и все посетители, уйти до полуночи.

— Я нашел тебе тему для дипломной работы. — Он поднялся и улыбнулся. — Надеюсь убедить руководство факультета в том, что журнал «Пентхаус» должен иметь иероглифический вариант издания. Иллюстрации тогда поручат тебе.

Он взял ее руку и начал по очереди целовать пальцы. А она, весело поблескивая глазами, свободной рукой забралась в его самое чувствительное место, надеясь возбудить любовника и тем самым задержать.

Несмотря на большую разницу в годах, они отлично подходили друг другу. В свое время, находясь в Саламба, Петра имела немало связей с молодыми, весьма искушенными в сексе мужчинами, и многому научилась у них. Луи не был на них похож. В нем ее подкупало иное: интеллигентность, деликатность и чувственность.

Усилия Петры не пропали даром. Смеясь, она увлекла профессора на свою узкую кровать. Секс с Луи был похож на священнодействие — все, что он делал, удовлетворяло ее абсолютно. От прикосновения его опытных рук ее сердце забилося сильнее. Ее губы искали его с такой страстью, будто это был их последний поцелуй.

Их тела переплелись, она ощущала его в себе — горячим, пульсирующим, всевластным и самозабвенным. Когда они достигли кульминации, она невольно схватилась за Золотой фаллос. В ее руках он словно наполнился теплом, и ей показалось, будто эта древность приняла участие в ее оргазме.

Через некоторое время, успокоившись, они отправились в близлежащее кафе. После ужина Петра вернулась в общежитие.

Примерно через полчаса после того как Халефи возвратился домой, ему позвонили. Это была Сандра, но совершенно не та, с которой он не так давно провел вечер в клубе, — так изменился ее голос. Всхлипывая, она рассказала о нападениях Исиды на нее и Дональда и призналась, что под пыткой назвала его, тем самым поставив под удар.

— Пожалуйста, прости меня, Луи! — молила она. — Я не могу объяснить, как это произошло. Я была бессильна. Они дали мне, вероятно, какую-то пакость. А потом хотели меня убить. Над тобой нависла большая опасность!

Халефи воспринял весть спокойнее, нежели она ожидала, и только спросил:

— Когда это случилось?

— В прошлую ночь. Я позвонила тебе сразу же, как только пришла в себя.

— А как чувствует себя Дональд?

— Он в больнице. Ему необходимо прооперировать ногу. Его будет лечить известный

специалист, француз.

— Держи меня в курсе всех дел, — попросил ее Халефи. — И спасибо тебе, Сандра, за предупреждение. Не упрекай себя. Я убежден, что ты была в безвыходном положении. А за меня не волнуйся. Я постараюсь быть осторожным.

Но, положив трубку, он помрачнел. Одно дело успокаивать Сандру и другое — ожидать встречи с Исидой и ее компанией. Как отвести угрозу, что теперь делать с Золотым фаллосом?

Британские газеты опубликовали множество материалов о поп-фестивале в Стонхендже, но о Сандре и Дональде не упомянули. Все сошлись на том, что сцена на алтаре была не чем иным, как вставным номером, рекламной шуткой. Хотя Сандра была в полубессознательном состоянии, когда ее забрала машина «скорой помощи», газетчики решили, что это просто результат перенапряжения на сцене. Дональда же посчитали жертвой обычного дорожного происшествия. Виновного в наезде водителя автомобиля не искали. Полиция признала случай не столь серьезным, чтобы поднимать шум на всю страну.

В тайной штаб-квартире Друммонда Исида готовилась к отъезду.

Телефонный разговор с Каиром принес новую информацию от Йозефа Грунвальда. Вблизи Порт-Саида прибой пригнал к берегу труп, руки и ноги которого были связаны. Полиция установила, что это был Пино Астоли.

— А золотая голова? — заволновалась Исида.

— До сих пор нет ни следа, — посетовал Грунвальд. — Версия о том, что она была выкрадена Астоли, оказалась несостоятельной.

— Я и не сомневалась, что она ложная. — Исида не могла сдержать возмущения. — Подлинный вор обвел ищек вокруг пальца, а вы были настолько глупы, что всему поверили. Я убеждена, что голову вывезли из Египта. Поэтому можете преспокойно возвращаться в Ибари, там мы с вами свяжемся. Не спускайте глаз с Милоса.

— Похоже, что этот Халефи, — задумчиво сказала Клео Исиде, закончившей разговор с Грунвальдом, — хранит у себя Золотой фаллос. А возможно, даже и голову.

Исида с раздражением отмахнулась.

— Он ученый, а кража — дело рук профессионала. Но вполне возможно, что он догадывается, кто является вором и может подсказать это нам. Кто-то из нас должен нанести визит профессору.

— Но на этот раз нельзя допустить ошибки, — предупредил Друммонд. — Мы должны сначала понаблюдать за этим Халефи и все о нем разузнать, прежде чем нагреем.

Исида согласилась:

— Мы с вами отправимся в Париж и встретимся с ним в подходящей обстановке. А вы, — обратилась она к Клео, — здесь больше не нужны. Возвращайтесь в Ибари. Что там делать — знаете.

Ази Мориба был в хорошем расположении духа. Со дня возвращения в Рим все бразды руководства сделками подпольного мира оказались у него в руках. Он беспощадно подавлял любое проявление недовольства им.

Из здания железнодорожного вокзала вышла очаровательная, небольшого роста девушка. Звали ее Беттина. Она вела себя так робко, как это случается с девушками, впервые попавшими в большой город. Но она была полна надежд. Ей же обещали, что именно здесь

она станет кинозвездой и сказочно богатой. Не случайно ее здесь радушно встретили. Синьор, назвавшийся киноагентом, посадил ее в свой автомобиль. По дороге в гостиницу он был чрезвычайно корректным, утверждал, что открыл ее случайно и с первого взгляда по достоинству оценил ее красоту. Правда, поначалу ей больших ролей не предложат. Но ведь все знаменитые артисты начинали с малого. А он постоянно будет рядом с нею, чтобы помочь, поддержать. Какая девушка устоит перед такой перспективой, особенно если она и приехала в столицу именно за этим?!

Между тем доставивший Беттину в гостиницу вербовщик знал, что ее дальнейшая судьба была в других руках. Вскоре девушка в своем лучшем выходном платье предстала перед Морибой, который был ей представлен как большой кинобосс. Его роскошный дом ослеплял ее, и девушка уже не сомневалась в том, что судьба отнеслась к ней благосклонно. Тем более что рядом с этим страшным черным великаном ее встретила Анна. Если такая красивая и уверенная в себе женщина на короткой ноге с боссом, значит, все будет в порядке.

— Итак, ты хочешь стать артисткой? — пробасил Мориба, стараясь придать голосу значительность.

— Да, синьор, я бы хотела сниматься в фильме, — сияя, промолвила она.

Мужчина величественно кивнул. Беттина стояла перед ним с той покорностью, с какой она обычно исповедовалась у своего духовного отца.

— Раздевайся! — приказал черный великан.

Беттина покраснела и посмотрела на него испуганно и смущенно.

— Неужели ты надеешься получить роль в фильме, если мы даже не знаем, как ты выглядишь? — В голосе Анны прозвучала материнская ласка.

Беттине раньше внушали, что обнажаться перед чужими — это грех. А вот теперь она поняла, что это не более чем профессиональная необходимость. В конце концов, она раздевалась и перед врачом, и в этом ничего плохого не было.

Дальнейшее произошло так неожиданно, что девушка ничего не поняла. Она попыталась закричать, но красивая женщина закрыла ей рот.

— Если ты будешь сопротивляться, — предупредила она строго, — то будет очень больно. Не будь дурочкой. Каждая кинозвезда должна через это пройти. А ты ведь хочешь стать звездой, не правда ли?

Пока женщина выговаривала Беттине, черный гигант сбросил с себя одежду и предстал перед ней во всем своем мужском великолелии. Страх парализовал волю девушки. Может, это сам черт? Она перекрестилась, а он только засмеялся. Больше Беттина не сопротивлялась.

— Скоро ты сама поймешь, что поступила правильно, — сказала ей Анна, когда все было кончено. — Тебя привезут в страну, которая называется Саламба. Там уже работает съемочная группа. Голову выше, Беттина, ты достигла своего — ты назначена на роль!

Угнетенная девушка молчала. Она чувствовала себя постаревшей за эти десять минут на пятьдесят лет. Вероятно, подсознательно она догадывалась, что то, что ее ожидало в Африке, это никакая не роль в кино, а публичный дом, откуда она больше никогда не вырвется. Но что она теперь могла изменить? Подручный Морибы через несколько дней даст Беттине фальшивый паспорт и проводит до самолета, летящего в Ибари.

Когда за ней закрылась дверь, Анна покачала головой и сказала Морибе:

— Она ведет себя плохо. Это совсем не равнозначно.

— О ком это ты? Девушка — ничего...

— О голове. Я наблюдала за ней все время, но она не оживает, не подает никаких признаков жизни. Ази, мы должны заполучить Золотой фаллос.

— Но золотая голова все же ценнее!

— При чем тут деньги? — вспыхнула Анна. — Тебе что, не понятно? Фаллос обладает магической силой!

Взбешенный Мориба вдруг залепил Анне такую оплеуху, что она отлетела к стене.

— Не командуй, иначе закончишь тем же, что и эта Беттина!

Анна помрачнела, едва сдерживая ярость.

Мориба так же быстро остыл, как и вспыхнул.

— Ладно, ладно, мы попытаемся заполучить твой золотой фетиш, а может быть, даже и все остальные части этой куклы!

— Что ты этим хочешь сказать? — Анна понимала, что ей надо смирить гордыню и сделать вид, будто ничего не произошло.

Он нетерпеливо бросил:

— Это же ясно как божий день. Если мы заполучим голову и фаллос, то придется подумать о следующем. Найдутся люди, которые захотят приобрести их, чтобы укомплектовать эту чертову статую.

— Ты считаешь, что мы должны купить фаллос?

— И не подумаю! Я уверен, что есть некто, жаждущий заплатить за золотую голову любую цену! Может быть, это тот знаменитый египтолог, которого приглашали в Саламба обследовать фаллос?

— Да, это был Луи Халефи, — вспомнила Анна и тут же добавила: — Милос приказал тогда обыскать его багаж. У него ничего не было.

— Может, это и так, — пожал плечами Мориба, — но он наверняка знает, кто его увез. Вот мы и заманим этого профессора в ловушку.

— Но ведь он узнает тогда, что это ты украл голову. Он выдаст тебя полиции!

— Честное слово, Анна, я не думал, что ты столь наивна! Я обставлю нашу встречу так, что у него не возникнет ни возможности, ни желания обратиться в полицию. И ты пойдешь со мной. В определенных обстоятельствах ты обладаешь удивительной силой убеждения. Между прочим, не исключено, что и Золотой фаллос у него. Разве это тебя не вдохновляет?

Глаза Анны заблестели. Но Морибе так и не удалось узнать, то ли от надежды, то ли от жадности.

Возвращение Йозефа Грунвальда в Ибари не вызвало у Милоса никаких эмоций, но когда он узнал, что из Лондона возвращается Клео Дженис, то приказал доставить ее во дворец прямо из аэропорта. Не терпелось узнать что-либо о Сандре. Клео, естественно, сообщила лишь о ее выступлении на фестивале поп-музыки. За время своей достаточно крутой карьеры Милос научился не очень доверять людям, если это касалось лично его. Кое-что в словах и поведении Клео показалось ему странным, и он приказал установить за ней слежку, прослушивать ее телефон. В результате вскоре он узнал о звонке Грунвальду, во время которого она рассказала швейцарскому банкиру о том, как они поступили с Сандрой, и что Золотой фаллос хранится у Луи Халефи.

Первым желанием Милоса было немедленно расправиться с Клео, но, подумав, он понял, что главную опасность представляет Исида, и поэтому в первую очередь рассчитаться нужно с ней.

Опасаясь, что Сандра вновь может попасть в беду, Милос отдал тайный приказ саламбийскому посольству в Лондоне постоянно охранять ее и информировать его о каждом ее шаге.

Через несколько дней он получил сообщение, что Сандра забронировала билеты на парижский самолет. А так как Исида теперь знала, что священная реликвия у Халефи, можно было предположить и о ее поездке в Париж. Следовательно, Сандре снова будет грозить опасность. Наступило время действовать. Милос вызвал Азомболо и сообщил ему, что немедленно летит к своему врачу в Вену. Под именем инженера Карла Бродского Милос покинул страну. По пути он трижды менял маршрут.

— Впредь ты ни в коем случае не приходи ко мне, — строго наказал Луи Халефи Петре. — Мы постоянно должны помнить, что моя квартира под наблюдением банды Исиды. Рано или поздно они нагрянут и ко мне, и я бы не хотел, чтобы ты попала в их лапы.

— Но, Луи, тебе с ними не справиться! Ты не можешь нанять телохранителя?

— Не стоит. Я думаю, что золотую голову выкрали у Халида именно эти люди. Мы должны заманить их последней частью статуи.

— Нет, — с горечью возразила Петра, — приманкой являешься ты. Луи, пожалуйста, уступи им из любви ко мне. Эта игра слишком опасна!

— Мы должны пройти через это, — решительно возразил Халефи. — Не волнуйся, любимая. Ты ведь знаешь, что я надеюсь на тебя.

Петра печально вздохнула.

— Ну-ну, перестань, все не так уж плохо, — утешал он ее. — Ты просто не должна ко мне приходить, а я найду способ навестить мою Петру в общежитии. Им никак не догадаться, что моя подруга находится среди пятидесяти других студенток. Сегодня утром звонила Сандра. На днях они с Дональдом прибудут в Париж. Он ходит сейчас на костылях и хочет попасть на прием к доктору Серейну, обещавшему его прооперировать. Разумеется, я должен забрать их из аэропорта.

Глава двенадцатая

Собаки и лисы

Рю Ахилл — узкая улочка в самом элегантном жилом массиве Парижа — всего в пяти минутах ходьбы от проспекта имени президента Кеннеди. Днем и ночью здесь царит интенсивное движение, но пышно разросшиеся платаны приглушают уличный шум. Как и на каждой парижской улице, хранящей свои традиции, тут уйма маленьких кафе, где завсегдатаи потягивают кофе с молоком, похрустывают свежими сухариками и усердно изучают «Монд» или «Фигаро».

В солнечное летнее утро Исида и Друммонд сидели за столиком перед кафе «Универс». Друммонд взглянул на наручные часы и нахмурился.

— Они давно должны быть здесь.

Исида ласково похлопала его по руке.

— Бедный Эндрю, вы так нервничаете. Они обязательно придут, все взято под контроль, расслабьтесь и наслаждайтесь вашим кофе. Мне кажется, что с тех пор как вас прервали в решающий момент в Стонхендже, вы потеряли уверенность. У вас был поистине критический момент с девчонкой. Не так ли?

Друммонд проворчал:

— Могу вам как верховной жрице культа наслаждения напомнить, что вы тоже должны действовать поумней. Мы полмира исколесили, будто заблудшие овцы, а что я получил? Иная монашка в женском монастыре живет более интенсивной сексуальной жизнью, чем я.

— Не преувеличивайте. Вспомните о Бали.

— О небо, да уже месяцы прошли с тех пор! — вскипел он. — И с тех пор вы не подпускаете меня к себе!

— Я — жрица, а не храмовая проститутка, — спокойно и с достоинством ответила Исида. — Когда мы соберем статую Осириса и этим воздадим славу богине Исиде, вы будете щедро вознаграждены. А пока почаще вспоминайте о том, что вы пережили в пещере острова Бали!

— Чисто гипнотическое внушение, — проворчал Друммонд.

— Я называю это магией, и этим тоже занимаются многие, но все дело не в названии. Ваши ученые вдолбили вам разные мудреные термины, но от этого вам вряд ли станет понятнее то, что произошло на острове.

— А что написано в том папирусе, который вы читаете вслух? — Друммонд счел подходящим момент, чтобы выяснить то, к чему его Исида не подпускала.

— Это тайна, которую мне передала последняя жрица и которую я тоже передам моей последовательнице. Тысячелетиями она не выдавалась ни одному мужчине, и я сомневаюсь в том, что вы согласитесь подвергнуть себя изменению пола ради познания божественной тайны, — насмешливо промолвила Исида.

— Смотрите! — Друммонд сразу же забыл о своих терзаниях. — Они прибыли!

Маленькая машина по развозке товаров остановилась возле кафе. Из нее вышли двое мужчин в рабочих комбинезонах. Они вошли в соседнее respectable здание, переоборудованное в гостиницу, и остановились у окошка дежурного.

— Господин Халефи? — спросил один из них.

— Профессор Халефи, — поправил его дежурный. — Пятый этаж, но он вышел.

— Ничего, все в порядке. Просто он заказывал новый замок, гарантирующий защиту от взлома. Нам нужно только снять размеры двери и посмотреть, какой на ней сейчас запор. Это мы можем сделать не входя в номер.

— Об этом он ничего не говорил, — проворчал дежурный, но разрешил. — Воспользуйтесь грузовым лифтом.

Мужчины поднялись на пятый этаж и через десять минут вернулись. Дежурный окинул их равнодушным взглядом. Они дружески кивнули ему и вышли на улицу. Однако там не сели в свой грузовик, а направились по улице к кафе «Универс», заняли столик неподалеку от Исида и Друммонда и заказали пиво. Один из мужчин, сидевший к Друммонду спиной, прошептал:

— Замок несложный. Встретимся сегодня вечером в шесть на том же месте, где и вчера. Принесете деньги и получите ключ. Договорились?

— Я приду туда, — сказал Друммонд.

Исида и Эндрю Друммонд были не единственными, кто наблюдал за жилищем Халефи. Поблизости было еще одно кафе — «Лондре». Там за столиком у окна Анна поигрывала бокалом с «Рикардо», а Ази время от времени пригублял более крепкий напиток и успевал занести в маленький блокнотик приметы всех лиц, входивших и выходящих из гостиницы.

— Скажи, ради Бога, кого мы ждем? — Анне надоело томиться в полупустом зале.

— Я не спешу, — ушел от ответа Мориба. — Зато теперь я точно знаю, что именно здесь главный вход и очень мало посетителей. Заведение точно такое, как я и предполагал, — тихое. Когда встречусь с профессором Халефи, надеюсь, мне не будут мешать.

— Так он тебя и ждет.

— Терпение, моя любовь. Когда я буду уверен, что он один дома, я пойду к нему. А пока сиди и смотри.

— Что-то я тебя не пойму. Ты что, собираешься говорить с ним о Золотом фаллосе?

— Дался он тебе! Я предложу ему золотую голову. А если тебе так уж хочется фаллоса, то потерпи, попозже можешь на меня рассчитывать.

Анна прикусила губы, чтобы сдержать готовую вырваться из ее уст брань.

— Имей в виду, Анна, — продолжал ухмыляться Мориба, — я слежу за тобой точно так же, как и за Халефи. Ты мне так предана, что с удовольствием при первом же удобном случае перережешь глотку, а затем продашь мой труп, если, конечно, дадут хорошую цену.

— Но у тебя же нет с собой золотой головы, — попыталась смягчить ситуацию Анна.

— Еще бы, конечно, нет. Было бы большой глупостью притащить такую ценность сюда. Только ты и я знаем, где она запрятана. Я представлю профессору Халефи фотографии и точное описание головы. Он не усомнится, что она хранится у меня, и ему не останется ничего иного, как согласиться с моими условиями.

— Знаешь, Ази, я тебе не верю! — неожиданно для себя вспылила Анна. Ты просто дурачишь меня, ты заинтересован в фаллосе не меньше меня.

Мориба ехидно прищурился.

— Вот видишь, тебе выгоднее всего быть при мне, чтобы контролировать ситуацию. Но если ты попытаешься вести свою собственную игру, останешься с носом!

Воскресенье прошло спокойно. В понедельник Халефи читал, как обычно, лекции. Но

уже во вторник предпринял определенные меры предосторожности. В урочное время он вывел автомобиль из гаража под домом и отправился, но не на работу в университет, как можно было предположить, а к студенческому общежитию, где его ждала Петра. Она быстро вскочила в машину, и они по улице с интенсивным движением направились в аэропорт имени Шарля де Голля.

— На обратном пути за рулем будешь ты, — сказал Халефи Петре, когда они вышли из машины. — Дональд сядет рядом с тобой. Ему с больной ногой места нужно больше, а я не попадусь на глаза возможным наблюдателям.

— А потом? — спросила Петра.

— Пообедаем все вместе и отвезем его в больницу. Ну, а потом... Постараемся определить, не следит ли кто за нами.

— Дорогой, будь осторожен! — твердила свое Петра.

Не отвечая, Халефи поцеловал ее. И не догадывался профессор, что его передвижения не остались незамеченными. Он и Петра радостно встретили Сандру с Дональдом. После объятий и поцелуев обе пары направились к машине. Едва они отъехали, как следом за ними тронулся автомобиль инженера Карла Бродского. Правда, у него не было враждебных намерений. Более того, он должен был охранять Сандру от Исиды. На случай непредвиденных обстоятельств инженер захватил пистолет.

Друммонд и Исида, как обычно, с утра расположились на своем месте в кафе «Универс». Они видели, как Халефи уехал. Выждав полчаса на тот случай, если Халефи отлучился ненадолго за покупками, они отправились в гостиницу. Роли у них были распределены заранее: Исида отвлекала дежурного, а Эндрю тем временем должен был подняться наверх. Но предосторожности оказались излишними. Дежурная была настолько увлечена телефонным разговором, что вообще не заметила чужих, исчезнувших раньше, чем она положила трубку.

Друммонд вставил дубликат ключа в замок и повернул его. Дверь открылась. Мастера, изготовившие ключ, заверили, что охранной сигнализации в номере нет, и охотники за волшебным фаллосом спокойно прошли в апартаменты профессора. Поиски, однако, разочаровали их. В скромном жилище ничем золотым и не пахло.

— Придется подождать этого Халефи, — разочарованно сказал Друммонд.

— Ну что ж, я готова, — мрачно согласилась Исида и достала из дамской сумочки маленький пистолет.

Они скрылись в спальне, откуда, оставаясь незамеченными, можно было слышать все происходящее в соседней комнате.

Пока Исида и Друммонд обыскивали гостиничный номер Халефи, Анна и Мориба не спускали глаз с подъезда гостиницы. Ни с Исидой, ни с Друммондом они знакомы не были и поэтому не обратили на эту пару внимания. Их интересовал только сам профессор.

— Если Халефи вернется один, мы сразу же идем к нему, — процедил сквозь зубы Мориба, разозленный долгим ожиданием.

— А если с ним кто-нибудь будет? — обеспокоенно спросила Анна.

— Нам свидетели не нужны, — жестко сказал Мориба. — Я видел его с какой-то девицей. Если он ее приведет, мы подождем, пока она не уберется.

— С какой стати? Мы легко справимся с обоими.

— Ты слишком агрессивна, — оборвал ее Мориба. — Мы будем вести игру по моим правилам.

Время тянулось томительно медленно. Они пили кофе чашку за чашкой, Анна выкурила почти целую пачку сигарет, а Халефи все не было. Анна уже не могла скрыть беспокойство. Однако Мориба сидел как каменное изваяние.

— А что, если он остался у девки и проведет с ней целый день?

Мориба покачал головой.

— Не во вторник же, — проворчал он. — Думаю, вскоре вернется. Возможно, как раз в этот момент кончает возню с ней. Так что имей терпение!

Хотя ее и ждали, машина профессора появилась неожиданно. Мориба насторожился.

— Смотри! — схватил он Анну за руку.

Из остановившегося автомобиля вышли Халефи и Сандра, а затем, опираясь на костыли, с большим трудом выбрался Дональд. Втроем они направились к дому, девушка, сидевшая за рулем, уехала.

— Нужно, наверное, еще денек подождать, пока мы не застанем его одного, — раздосадованно произнесла Анна.

Мориба задумчиво покачал головой.

— Нет, теперь все меняется. Эти двое были в Саламба одновременно с Халефи. Милос, скорее всего, отдал Золотой фаллос футболисту или его сексуальной партнерше. Сейчас они все здесь, думаю, не с пустыми руками. Самое время нанести им визит!

— Но ведь они втроем! — испугалась Анна.

Мориба засмеялся:

— Молодой человек беспомощен, а уж ты-то способна совладать с Сандрой, пока я буду беседовать с ученым.

Анна взглянула на его мощную фигуру, что-то мысленно прикинула и согласилась.

— В таком случае не будем тянуть резину.

— Присядь на минуточку, — велел он. — Сейчас они втроем. Но если возникнет четвертый? Вдруг девица поставит где-нибудь машину и вернется к ним, да еще с напарником?

Прошло пять минут. Девушка не возвращалась. Мориба встал.

— Пошли!

— Проходите и располагайтесь поудобнее! — сказал Халефи Сандре и Дональду. — А я тем временем сварю кофе.

Исида с Друммондом, сидевшие в спальне, все это слышали. Что профессор не один, было ясно, но сколько человек пришло вместе с ним, определить не успели.

Вскоре из кухни вернулся хозяин.

— Кофе будет через пять минут, — объявил он и вдруг потрясенно произнес: — Вот это да! Здесь кто-то был. Я оставил рукопись на столе, а ее нет. И книги с письменного стола...

Дверь из спальни распахнулась, и в гостиную ворвались Друммонд с Исидой. Момент они выбрали удачный. Сандра и Дональд только что уселись в кресла, а Халефи склонился над письменным столом. Увидев непрошенных гостей, Дональд схватился было за костыли, но Друммонд вжал его назад в кресло. Исида, прислонившись к стене, подняла руку с пистолетом. Друммонд отобрал у Дональда костыли и отшвырнул их подальше.

— Это поможет вам удержаться от глупостей, — усмехнулся он.

— Не эти ли типы напали на вас в Стонхендже? — спросил Халефи Сандру. Несмотря на всю драматичность ситуации, он не потерял присутствия духа.

Девушка нервно кивнула головой.

— Они! Они ворвались в дом Алека в Глазго! — воскликнул Дональд, начавший приходить в себя.

— К сожалению, вы воспринимаете нас только с этой стороны, — заговорил Друммонд. — Однако мы не желаем никому из вас ничего плохого, мы только хотим забрать то, ради чего сюда пришли, то, что принадлежит нам по праву. А потом уйдем, и вы сможете выпить ваш кофе еще не остывшим.

— До сих пор вы пока не очень церемонились. — Дональд вышел из себя. — Вы что, вступили в Армию спасения?

— Закрой рот, — пригрозила Исида. — Мы и сегодня можем повторить то, что было. А станете сопротивляться, убьем.

— Ну что ж, позиции выяснены, — тем же ласковым тоном проговорил Друммонд. — Просим профессора Халефи быть любезным и извлечь Золотой фаллос из своего тайника.

— Кто вам сказал, что он у меня? — Удивление Халефи выглядело естественным. Угрозы, казалось, совсем не подействовали на него.

— Не разыгрывайте наивность, — прорычал Друммонд. — Мы знаем, что он у вас. Ваша маленькая подруга, — показал он на Сандру, — рассказала. Заметьте, в том состоянии она не могла лгать.

— Возможно, тогда так и было, — усмехнулся Халефи, — но с тех пор много воды утекло, я больше не храню дома такую ценную вещь.

— Лжете! Вчера вы послали телеграмму профессору Халиду в Каир, обещая, что когда он прибудет в Париж, передадите ему Золотой фаллос для Национального музея.

— Вы хорошо информированы, поздравляю вас, — сказал Халефи хладнокровно. — Ну, раз уж мы затронули эту тему, то как обстоят дела с головой золотой статуи Осириса, которая так таинственно исчезла в Египте?

Исида быстро спросила:

— И она у вас?

Халефи расхохотался.

— Конечно, нет! Я лишь хотел проверить, не вы ли ее стянули. Но, судя по вашей реакции, догадываюсь, что ее украл кто-то другой.

— Заткнитесь, профессор! — Добродушия у Друммонда как не бывало. — Не будем тянуть время. Мы несколько дней наблюдали за этим домом и знаем, что вы никого не принимали.

Халефи равнодушно пожал плечами. И в этот момент в квартиру позвонили.

Сандра и Дональд приободрились. Им показалось, что звонок напугал Исиду и Друммонда.

Но Эндрю быстро пришел в себя.

— Не спускайте с них глаз, — сказал он Исиде. — Я посмотрю, кто там. Возможно, какой-нибудь торговец. — И, глядя на Халефи, добавил: — Ведите себя спокойно, если хотите, чтобы с ваших английских друзей не упал ни один волос.

Он подошел к двери и осторожно приоткрыл ее. Перед ним стоял огромный негр, а за ним — экзотичная красотка.

Милосу повезло. Вообще-то по утрам на Рю Ахилл автомобили всегда стояли едва ли не прижавшись друг к другу. Однако сегодня ему сразу удалось пристроиться на стоянке перед гостиницей, в которую вошли Сандра с Дональдом. С ними был знакомый Милосу по Ибари профессор, который, как считал президент Саламба, опасности для них не представлял. И он решил подождать, пока покорившая его девушка не появится снова. Но через несколько минут он оцепенел. В гостиницу направлялись свергнутый им глава государства и их общая любовница. Он сразу же вспомнил о мечте Анны завладеть Золотым фаллосом, что, безусловно, подвергало смертельной опасности и французского профессора, и его гостей. Уж ему-то хорошо было известно, что Анна не знает угрызений совести и что Мориба может хладнокровно убить любого, кто встанет на его пути.

Милос вылез из своего автомобиля и побежал к входу, хотя еще минуту назад не собирался идти туда. Как же звали француза? Возле звонков не было фамилий. Он вошел в холл и начал изучать почтовые ящики, на которых были обозначены жильцы. Прочитав «Халефи», он тут же вспомнил, что именно так звали профессора, и обратился к дежурной:

— Какой номер у господина Халефи?

Дежурная, снова болтавшая по телефону, поманила его рукой.

— Будьте любезны, поскорее, срочное дело! — попросил он.

Дежурная не ответила и повернулась к нему спиной. Нравилось ему или нет, но Милос вынужден был ждать. Наконец она положила трубку и спокойно спросила:

— Что вы хотели?

— Какой номер у господина Халефи?

— Профессора Халефи, — поправила она его. Похоже, здесь очень ценили ученое звание своего постояльца.

— Ну, если угодно, то профессора Халефи! — взревел Милос. — Номер, пожалуйста!

— На пятом этаже он живет! — важно промолвила дежурная.

Милос не стал ждать лифта, а помчался наверх по лестнице.

Мориба обладал молниеносной реакцией.

Он ворвался в комнату, ударом ноги распахнув дверь, возле которой стоял Эндрю Друммонд. Свалив его на пол, в одно мгновение оказался подле женщины с пистолетом у окна. Исида не успела даже отреагировать, как оказалась обезоруженной. Отобрав пистолет, черный великан швырнул ее на середину комнаты. Ошеломленная Исида беспомощно распласталась у ног Сандры.

— Так-то лучше, — оскалил зубы Мориба. — Покарауль ее! — приказал он Анне, вбежавшей за ним.

— Если бы я знал, что у меня будет так много гостей, я бы снял более просторный номер, — не потерял хладнокровия Халефи. — Не сомневаюсь, что именно вы похитили у моего бедного коллеги профессора Халида голову Осириса.

— Точно, — ответила за него Анна. — А вы отдадите нам еще и Золотой фаллос!

— Я думаю, что это невозможно, — сухо заметил Халефи.

— А я думаю иначе! — Мориба, казалось, полностью овладел ситуацией. — Я убежден, что или вы, мой дорогой профессор, или кто-либо из ваших гостей — я, разумеется, имею в виду тех, кого вы сами пригласили, а не этих любителей старины, которым я помешал, — добровольно отдадите мне вещицу. Принесите его мне, или я застрелю эту юную леди! — И он направил пистолет на побледневшую Сандру. Она понимала, что Мориба не остановится

ни перед чем, и тем не менее с ненавистью смотрела на него. Дональд попытался броситься на негра, но тот его быстро успокоил, добавив: — Минутку, дружище! Если вы или ваш ученый друг сделаете хоть одно движение, за это поплатится девушка. Поняли? Если хотите, чтобы она осталась жить, даю пять секунд. Или отдаете фаллос, или скажете, где он.

Мориба не спускал глаз с Сандры, держа палец на спусковом крючке пистолета.

Дональд умоляюще посмотрел на Халефи.

— Стой! — крикнул профессор. — Я принесу!

Но эти слова потонули в оглушительном грохоте выстрелов, сразивших Морибу. Голова негра качнулась набок, кровь брызнула на Сандру и Дональда. Еще какое-то мгновение этот гигант держался на ногах, а затем рухнул замертво. Он и Анна, врываясь в квартиру, не позаботились запереть за собой дверь. Этим и воспользовался Милос. Анна раньше других пришла в себя и бросилась к пистолету, выпавшему из руки Морибы. Милос заметил ее рывок. Анна, словно споткнувшись, отпрянула назад и налетела спиной на стол.

— А ну, к стене! — приказал Милос Исиде и Друммонду, и те беспрекословно подчинились. — И ты тоже, — метнул он гневный взгляд в сторону Анны.

— Милос, — заскулила она, — я выполняла только то, о чем мы договорились в Ибари. Фаллос у них, и мы можем сейчас стать его хозяевами!

Она попыталась сделать шаг к нему, но он остановил ее резким взмахом руки.

Луи Халефи, кажется, впервые потерял душевное равновесие, узнав Милоса.

— Вы, должно быть, помешались на этом фаллосе! — воскликнул он. — Ведь можно было направить несколько сотрудников тайной полиции! Боже мой, какой риск вы взяли на себя! Президент Саламба врывается в парижскую гостиницу и впутывается в перестрелку.

— Сумасшедший! Неужели вы всерьез полагаете, что я здесь из-за этого глупого куска металла? — прохрипел Милос. — Не слишком ли много бед он принес? На нем лежит печать проклятия. У меня такое впечатление, что вы из-за него готовы поубивать друг друга. — И, обратившись к Сандре, сказал очень проникновенно: — Я здесь ради вас.

Она с горечью покачала головой.

— Пойдемте со мной! — звал он. — Вы сводите меня с ума. Я тайно прилетел сюда из Ибари, чтобы быть рядом с вами. Вот и его убил из-за вас. Пойдемте со мной!

Его речь вроде бы была проникнута искренним состраданием, а во взгляде таился приказ, и даже угроза.

Дональд взорвал атмосферу. Он схватил один из своих костылей и, напрягшись, выбил оружие из руки Милоса.

В тот же миг в помещение ворвались полицейские. Милос нагнулся было к пистолету, но один из полицейских сделал предупредительный выстрел.

— Пусть оружие лежит, — приказал он.

Милос какой-то момент колебался, не решив, как ему поступить, но, когда увидел полдюжины вооруженных полицейских, сдался. Исиде и Друммонд воспользовались суматохой и выскользнули в коридор, причем захватив с собой и Анну. И прежде чем полицейские сообразили, что произошло, скрылись в грузовом лифте. Пока надевали на Милоса наручники, пока вызывали пассажирский лифт, беглецов и след простыл.

— Кажется, они пошли вниз по улице, — сказала дежурная и показала в направлении Рю Ранелаж.

Полицейские вскочили в свои машины, включили мигалки и помчались в указанном направлении.

Но дежурная ошиблась. Беглецы были совсем рядом, в кафе «Лондре». Проследив, куда умчались полицейские, они по Рю Ахилл направились в противоположную сторону. Через три минуты они достигли станции метро «Жасмин». А в это время в квартире Халефи разыгралась трогательная сцена. Петре разрешили войти лишь после того, как полиция окончательно убедилась, что хозяину и его гостям больше ничто не угрожает. И теперь она, облегченно всхлипывая, повисла на груди профессора.

— Ты все сделала великолепно, — успокаивал он ее. — Они прибыли вовремя. Честно говоря, я не смог бы дальше блефовать.

— Блефовать? — удивился Дональд. — Значит, Золотого фаллоса здесь нет вообще?

— Конечно, нет, — засмеялся Халефи. — Еще до того как Исида вырвала у Сандры признание, мне стало ясно, что рано или поздно они доберутся до меня.

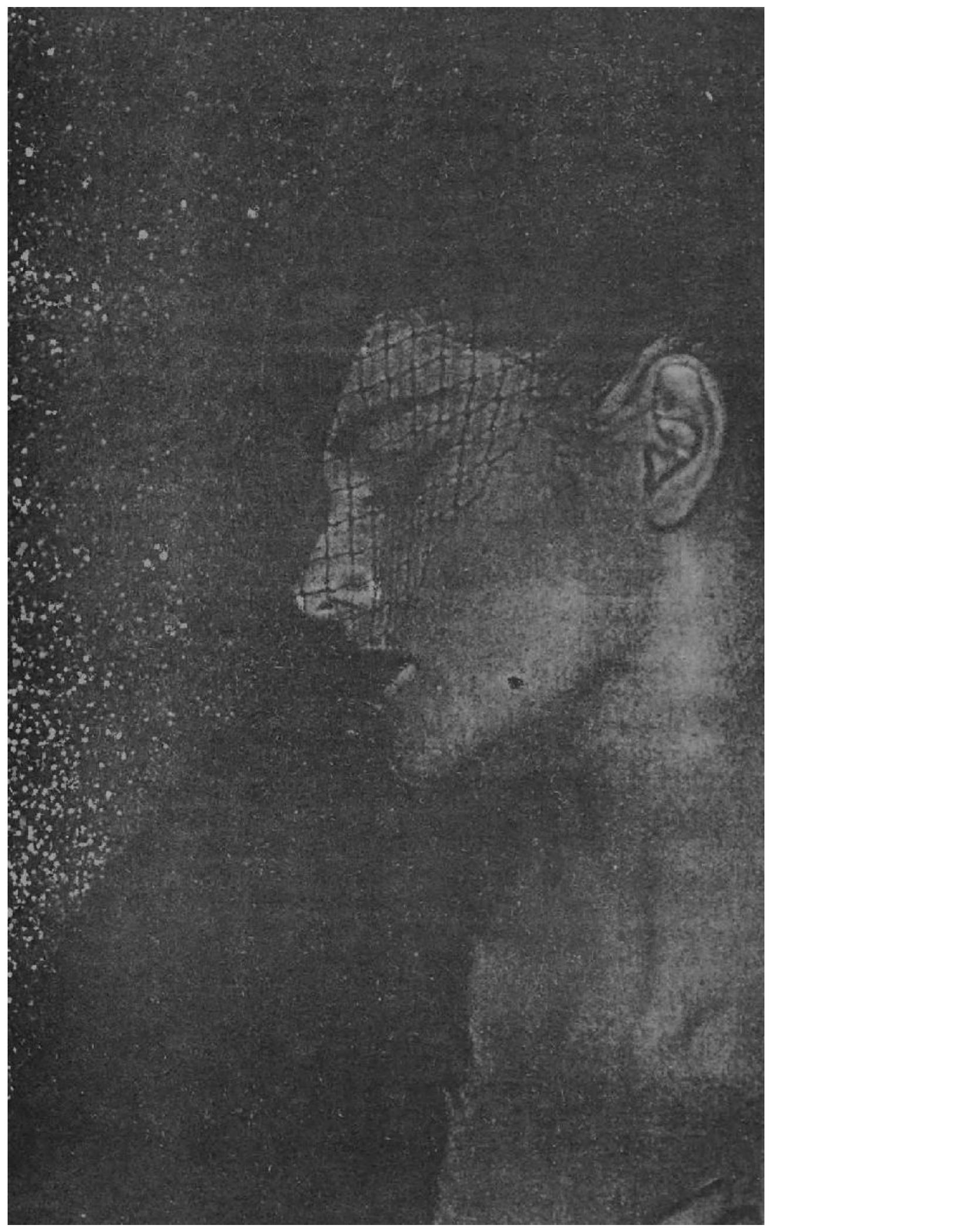
— И ты сдал его в банк на хранение? — перебила его Сандра.

— Нет. Эти гангстеры настолько ловки, что способны подчинить своей воле любого человека. Они добрались бы и до банковского сейфа. Единственное надежное место — это то, которое не охраняется.

— Он спрятан в шкафу моего студенческого общежития, — со смехом объявила Петра. — В моем грязном белье. Мы с Луи решили, что временно не будем встречаться. Впрочем, выкрасть его из общежития, где постоянно снуют люди, было бы непросто.

— А своевременное прибытие полиции? Это тоже ты организовала? — засмеялся Дональд.

— Конечно. Мы договорились, что я оповещаю полицию, если Халефи мне не позвонит через пять минут после того, как войдет в квартиру.

Глава тринадцатая

Паническое бегство

Парижское метро, по сравнению с другими подземками, гораздо спокойнее, да и беглецы попали туда до наступления часа пик.

Они оказались в полупустом вагоне и получили наконец возможность более или менее спокойно обсудить создавшееся положение.

После гибели Морибы Анна была как потерянная. Она послушно следовала за Исидой и Друммондом, хотя еще совсем недавно они были ее соперниками. Теперь они сидели в одной лодке.

Исида спросила Анну:

— Вы его очень любили?

Анна бестолково уставилась на нее.

— Черного мужчину, — уточнила Исида. — Вы любили друг друга или просто были партнерами?

Анна тяжело вздохнула.

— Мориба был моим любовником, Милос был моим любовником, и еще многие другие мужчины. Какая разница — тот или другой? Останься Мориба жив, он при первом же удобном случае обманул бы меня, конечно, если бы я его не упредила.

Исида уставилась на нее с нескрываемой неприязнью, но тут вмешался Эндрю Друммонд.

— Похоже, вы еще держитесь на ногах! Давайте-ка вернемся к нашим делам. Скоро на нас будет объявлена большая облава. Вы пойдете с нами?

— С какой стати?

— По той простой причине, что мы нужны друг другу. У вас голова Осириса, я знаю, как спастись. А все вместе мы хотим обладать Золотым фаллосом. И если мы будем сотрудничать, то, возможно, найдем выход.

Исида попыталась протестовать, но Друммонд заставил ее замолчать.

— Вам нужна моя помощь, чтобы не осесть в вонючей французской тюрьме. Итак, вы согласны с тем, что я сказал?

Исида вынуждена была подавить свою ярость. Впервые она выпустила бразды правления из рук. Ее колдовская сила здесь оказалась бесполезной.

— Что вы предлагаете? — спросила Анна.

— На следующей остановке мы выходим и ищем телефон. Я звоню моему знакомому доктору Гаво. С его помощью мы покинем страну.

— Почему вы верите этому доктору Гаво? — все еще злилась Исида.

— Я знаю кое-что из его прошлого, что он хотел бы забыть.

— Шантаж? — цинично улыбнулась Анна.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Друммонд.

Они вышли из метро, и Друммонд исчез в телефонной будке. Через пару минут он вернулся, хладнокровный и полный решимости.

— Пошли!

На улице ревели полицейские сирены. Исида вздрогнула, но Друммонд подтолкнул ее вперед.

— Эти понеслись к месту происшествия. Если бы они разыскивали нас, не вели бы себя так шумно.

Они взяли такси. Друммонд попросил водителя доставить их на Императорский проспект в Ношили.

— Какой номер дома? — Водитель едва перекричал рок-музыку, гремевшую из радиоприемника его автомобиля.

— Я забыл номер, но это недалеко от «Вилла Роза». Вы знаете, где это?

Водитель расплылся в улыбке:

— Знаю ли я это заведение? Оно давно уже на этом месте!

— Отлично, — оживился Эндрю. — Речь идет о лечении одной высокопоставленной особы. Вы сами понимаете, я не могу назвать фамилию, но там, откуда он прибыл, бьют многочисленные нефтяные фонтаны.

Шофер такси был польщен.

— Вы отлично выглядите, — произнес он, восхищенно глядя на обеих женщин.

— Куда вы нас везете, и что он думает по этому поводу? — шепнула Исида Друммонду.

— «Вилла Роза» — это дом свиданий, — усмехнулся тот.

— Что? — возмутилась Исида. — Я похожа на шлюху?

Друммонд пристально смерил ее взглядом.

— Прибавив немного фантазии, вас можно принять за нее.

Музыка была прервана объявлением. «Совершен террористический акт, убит человек. Полиция разыскивает мужчину и двух женщин, которые скрылись». Затем последовало их описание и требование усилить полицейский контроль в аэропортах и приморских городах.

— Проклятые террористы! — проворчал водитель такси. — Если бы я их поймал, выколотил бы из них мозги!

— Ну, я надеюсь, что мы их не встретим в «Вилла Роза», — ухмыльнулся Друммонд.

Водитель прыснул со смеху, а Друммонд, глядя на него, расхохотался. Движение транспорта становилось все интенсивнее, и Анна каждый раз вздрагивала, когда мимо проезжала полицейская машина. Наконец они подъехали к скромному трехэтажному зданию с художественно исполненной вывеской.

— «Вилла Роза», — объявил водитель. — Я надеюсь, что вы хорошо развлечетесь!

Он раскрыл рот от удивления, когда Друммонд сунул ему в руку поистине царские чаевые. Он так и стоял, пока они не вошли в дом.

Анна спросила Друммонда:

— Что вы задумали? Я была уверена, что мы встретим вашего друга в клинике!

— Я тоже это имел в виду, — успокоил ее Друммонд. — Но раскиньте-ка мозгами. На нас, между прочим, полным ходом идет облава. Фараоны будут опрашивать каждого водителя такси в районе Рю Ахилл. Но им наверняка даже в голову не придет, что мы находимся в борделе, и даже если они все-таки нападут на наш след, к тому времени мы будем далеко.

— А что мы будем здесь делать? — Исида с подозрением смотрела на Эндрю.

— А что обычно делают в борделе? — усмехнулся Друммонд.

Апартаменты Халефи были полны полицейских и чинов из сыскного бюро.

Были сняты показания с Луи и его друзей, тщательно осмотрены комнаты. Труп Морибы уже увезли в морг. Халефи обратился к инспектору полиции с просьбой отправить

Дональда в больницу.

— Пока нельзя, — объяснил тот. — Он является свидетелем, и его еще должен допросить судья.

— Ему нужно подготовиться к операции, — протестовал Халефи. — Если вы боитесь, что он скроется, то пусть его доставит в клинику полицейская машина. Один из ваших людей может за ним присматривать, пока его не допросит судья.

В сопровождении полицейских Дональд уехал в клинику святого Андрея.

Старый инспектор взволновался. Согласно паспорту человек, убивший негра, был Карл Бродский. Только инспектор собрался его арестовать, как выяснилось, что это президент государства, с которым Франция поддерживает дружественные отношения. Это обещало серьезный скандал.

— Не объясните ли нам поступок президента Милоса?

Вопрос задал не полицейский, а невозмутимо выглядевший дипломат. Дело происходило в здании, которое внешне напоминало обычный частный дом. Где-то здесь находился задержанный президент Саламба.

Сандра вспомнила выражение лица Милоса, когда его уводили. Только она одна могла понять его немой взгляд, направленный к ней. Он молил ее о любви, о сострадании, и она мысленно перенеслась в тот день, когда впервые увидела его. Тогда ее пронзила его внутренняя сила, которую он излучал, и она помогла ему уйти от ищеек Морибы. Но потом, когда он занял место Морибы, он совершенно изменился. И вот сегодня он снова стал таким же человеком, как и все остальные, и она вновь почувствовала его прежнюю притягательную силу, которая на этот раз слилась еще и с ее состраданием. Он ведь оставил Саламба, чтобы спасти ее, поставил на карту свою жизнь и положение и даже совершил убийство. Но как это объяснить вежливо допрашивающему, но пронизывающему ее взглядом иностранцу?

— Скажите, пожалуйста, я могу его посетить? — попросила Сандра.

Дипломат задумчиво посмотрел на нее.

— Вы полагаете, это может нам в чем-нибудь помочь? — спросил он.

Сандра не ответила, но он прочитал ответ в ее взгляде.

— Одни?

Она кивнула.

— Я это организую, — пообещал он. — А у вас нет желания поговорить сначала с вашим другом, который ждет в больнице?

Не прошло и минуты, как Дональд был у телефона.

— Милый, я все еще здесь и не знаю, смогу ли сегодня вечером навестить тебя. Пожалуйста, прости меня, — сказала Сандра, всхлипывая.

— Сэнди, все уже отлично! Я здесь хорошо устроен, — успокоил ее Дональд. — Мы увидимся завтра после операции. Мной займутся ранним утром.

Сандра пожелала ему всего хорошего и положила трубку. Затем она в сопровождении дипломата покинула помещение.

Познания Дональда во французском были довольно скромны, и он опасался, что из-за этого у него с медиками возникнут проблемы. К счастью, за ним ухаживала сестра-ирландка Маури.

Его отвели в палату и попросили раздеться. Доктор Серейн обследовал его колени и подтвердил, что завтра сделает ему операцию. Оставшись один, Дональд, чтобы отвлечься,

попытался читать. Пока он мучился над книгой, в палату вошла сестра. Дональд нашел ее внешность с каштановыми волосами и веселыми карими глазами достаточно приятной.

— Я — ночная сиделка, — произнесла она голосом, который мог бы растопить и ледяную сосульку. — Вас нужно подготовить к завтрашнему дню.

Она измерила ему кровяное давление и пульс. Ее пальцы были прохладными и милыми.

— Вы тоже слышали о страшных событиях на Рю Ахилл? — тараторила она. — Какой-то иностранец был убит. Говорят, парень, который его уколошил, бегал везде с оружием и стрелял по всем, кто ему попадался. Но в конце концов его обезоружил молодой человек, нанеший ему такой удар костью, что он потерял сознание.

— Он попал ему по руке, а не по голове, — поправил ее Дональд.

Маури взглянула на него и ей показалось, что она что-то стала соображать.

Собственно говоря, Дональд был скромным парнем, но ему захотелось перед этой девушкой предстать героем, и он утвердительно кивнул головой.

— Какой вы храбрый, — сказала она задумчиво. — И мне выпала честь ухаживать за вами!

В подтверждение своих слов она ласково погладила его волосы. Дональд схватил ее руку и нежно привлек к себе. Она не только не сопротивлялась, когда он ее целовал, а ответила таким же горячим поцелуем. Затем она отстранилась и улыбнулась.

— Я должна еще кое-что сделать, а минут через десять вернусь, чтобы вас побрить.

Дональд вопросительно посмотрел на нее, но она в ответ только засмеялась.

— Вашу ногу, разумеется! Для операции! Подготовьтесь, а я позабочусь, чтобы нам не помешали.

Через десять минут он с тоской посмотрел на дверь. Когда прошло еще пять минут, он начал уже сомневаться, придет ли. И тут его пронзила мысль, что он собирается изменить Сандре. Поколебавшись, он начал внушать себе, что это совершенно нормальная реакция на недавние события. Уровень адреналина в его теле поднялся настолько, что ему теперь необходима разрядка. Он отбросил книгу в сторону, лег на спину — возбужденный, в состоянии гнетущего напряжения от нереализованного желания. Когда он уже окончательно потерял всякую надежду, она пришла. С миской, бритвой и полотенцем.

— Вы так долго отсутствовали, — упрекнул ее Дональд.

— Ну, здесь ведь много других людей, которые лежат в постели и зовут на помощь сестру.

Она закрыла дверь и заставила кровать ширмой.

— Это так, на всякий случай, если кто-нибудь посторонний сюда войдет, — объяснила она. — Я не имею права закрывать дверь на ключ, а ширма скроет, если нас застигнут в ситуации, которая дала бы повод посплетничать.

Дональд попытался притянуть ее к себе, но она выскользнула из его рук.

— Я должна вас побрить, и это обязательно сделаю. Если будете себя хорошо вести, то, может быть, за это получите вознаграждение.

— Только один поцелуй, чтобы все хорошо получилось, — пошутил он.

— Нет, нет. Ведите себя спокойно!

На Дональде была простая больничная рубашка, и она задрала ее вверх до самого пупка.

— А я думал вы хотите побрить волосы на колене.

— Мы бреем всю область, — она держалась серьезно, — ибо должны быть уверены, что все стерильно. Вдруг после продолжительной трудовой ночи у нашего дорогого доктора

дрогнет рука и он сделает неверное движение скальпелем. А может быть, если он останется доволен операцией на колене и будет в хорошем настроении, то захочет вырезать еще и аппендикс — и все это совершенно бесплатно. Доктор Серейн — замечательный человек и великолепный хирург.

Рассказывая это, она успела его намылить и осторожно брила внутреннюю часть ноги. Дональд схватил ее руку и стал водить бритвою. И тут зазвонил телефон, стоявший на тумбочке возле его кровати. Дональд бросил на него недоумевающий взгляд и снял трубку. Звонила Сандра.

Она интересовалась, хорошо ли он устроился. А Маури, не теряя времени даром, уже водила кисточкой у него в промежности. Это приятно щекотало, и Дональд едва дождался конца разговора с Сандрой. Окончив бритье, Маури тщательно вытерла все полотенцем. Затем не спеша сняла трусики и туфли и нырнула к нему в постель.

— Я не могу совсем раздеться, — извинилась она, — вдруг кто-нибудь войдет. Но я думаю, что в любом случае такой сильный парень, как ты, сможет удовлетворить одинокую девушку.

Они торопились, боясь, что если затянут акт, им помешают. Страх разоблачения придавал их наслаждению особую прелесть. Дональд продирался сквозь вырезы ее больничного халата. Ее груди были пышными и упругими, тело — теплым и свежим. Она наполнилась страстью, и это не давало ему ни мгновения покоя, ускоряло его путь к высшему наслаждению. Дональд начал извиняться, что все произошло так быстро.

— Я люблю под носом у почтенных врачей завязать маленькую интрижку, — засмеялась Маури. — Не веди себя как кающийся грешник. Я считаю, что все прошло хорошо, хотя, может быть, и быстро. Как только оправившись после операции, ты и представить себе не можешь, что я с тобой сделаю. Я, наверное, буду себя сдерживать только до тех пор, пока ты будешь еще под наркозом.

Она быстро оделась, поправила халат, причесала волосы и, нагнувшись, поцеловала его в лоб. Прежде чем он успел перевести дух, она выпорхнула из палаты.

В то время как доктор Серейн обследовал Дональда, его коллега доктор Жан Гаво направлялся в «Вилла Роза». Он воспользовался автомобилем, хотя дом свиданий находился совсем недалеко от клиники. Поставив машину на боковой улице, он внимательно осмотрелся вокруг, чтобы убедиться, нет ли за ним слежки, поднял, как в гангстерском фильме, воротник пальто и вошел в дом свиданий.

— Ваши друзья ждут вас в пятом номере, в комнате фиалок, — сообщила кокетливая девушка у входа.

Он постучал, дверь открыл Эндрю Друммонд. Гаво был обрюзгшим, коренастым, темноволосым мужчиной лет около сорока пяти. При внимательном взгляде на его толстые руки нетрудно было представить, что он хирург, и к тому же блестящий.

Сегодня, однако, его движения выдавали крайнее беспокойство.

— Что это все значит? — спросил он Друммонда.

— Двое моих друзей и я очень нуждаемся в помощи. — Друммонд изложил свою просьбу.

— Вы с ума сошли, — запротестовал француз. — Этим никогда нельзя пользоваться, я могу потерять свое место в клинике. Вы меня угробите!

— А если я вспомню все, что о вас знаю, это не обернется для вас крахом?

— Что там за тайна? — оживилась Анна.

— Это вас не касается! — вскипел Гаво.

— Но, Жан, так не разговаривают с леди.

Друммонд повернулся к Анне с улыбкой:

— Я когда-то помог ему выбраться из скверной ситуации, в которую он попал после истории с мальчиком, вьетнамским беженцем.

— Разве сегодня увлечение гомосексуализмом вызывает трагические последствия? — удивилась Исида.

— Это зависит от обстоятельств, — возразил Друммонд. — Мальчику было всего десять лет, и когда он под влиянием своих родителей стал шантажировать бедного слабовольного Жана, то с ним произошел достойный сожаления несчастный случай.

— Это было делом ваших рук! — начал оправдываться Гаво.

— Чепуха, — невозмутимо сказал Друммонд. — Просто семья поняла, что если они и дальше будут к тебе приставать, то с мальчиком может произойти новое несчастье, более серьезное. А вам никто бы не поверил, что вы тут ни при чем. Скажите, Жан, вы все еще увлекаетесь мальчиками или извлекли из того случая для себя урок?

Гаво возмущенно тряхнул головой.

— Что, собираетесь об этом трезвонить на весь свет?

— Вы ведь прекрасно понимаете, что если бы я это сделал, то вас здесь уже не было бы, — сокрушенно упрекнул его Друммонд. — Может, наконец приступим к обсуждению деталей?

Но Гаво все еще пребывал в нерешительности. Друммонд почувствовал, что он затеял игру, в которой главной ставкой был не страх, а нечто иное. Нельзя было дать ему время выкрутиться.

— Мы не можем тянуть. — Эндрю резко встал. — Или вы предпримете все необходимое, чтобы нас отсюда вывезти, или всплывет скандальная история!

Гаво обратился к Исиде:

— Давайте отставим в сторону наш разговор о прошлом. Похоже, вы женщина с характером, и ради вас я готов рисковать и помочь вам всем.

— Прекрасно, тогда тронулись! — воскликнул Друммонд.

Но Гаво не сводил глаз с Исиды и, видимо, не спешил что-либо предпринимать.

— Я нахожу очаровательными не только мальчиков, — признался он. — Иногда я готов иметь дело и с женщиной, которая действительно способна меня увлечь. Согласитесь, это ведь так естественно, что я жду от вас жеста благодарности. Я же ради вас ставлю на карту свое будущее!

— Вы хотите, чтобы я вам отдалась? — фыркнула Исида. — Здесь и немедленно?

— А есть более подходящее место? — лукаво спросил Гаво. — Риск, что вы меня после всего, что я для вас сделаю, обманете, слишком велик для меня.

Исида отшатнулась, ее охватил гнев.

Вмешался Друммонд.

— Это действительно честно. Мое предложение — вы удобно разместитесь на кровати, а мы с другой леди тем временем развлечемся на шезлонге.

Для Исиды это было пределом оскорбления. Она готова была разорвать противного маленького врача и, когда он ее с жадностью целовал, с трудом подавляла свое отвращение. Она не могла его отвергнуть, и он вошел в нее. Но ничего не делала, чтобы помочь ему в

наслаждении. Однако ее пассивность, о причине которой он догадывался, подогревала его. Испытывая отвращение, Исида отвернула от доктора лицо. Она смотрела на Анну и Друммонда, страстно обнимавшихся на неудобном шезлонге. Друммонд был утонченнее Гаво. Он умел возбудиться сам и возбудить партнершу, пусть даже и на тесном ложе. Анна извивалась змеей, стонала. Страстность Анны действовала заразительно. Исида непроизвольно приспособилась к ритму движений Гаво.

— Ну, давай уж! — шипела она.

Когда у него наконец произошел оргазм и он отвалился, она пожалела, что не получила удовлетворения. Друммонд ласково потрепал Гаво по спине.

— Ну, — сиял он, — вы же получили что хотели, и даже еще больше. Теперь мы ждем ответного хода.

Друммонд оплатил номер, и Гаво повел их к своему автомобилю. Вскоре он укрыл всех троих в одной из палат клиники того же святого Андрея, в которой лежал Дональд. Палата предназначалась личным пациентам доктора Гаво.

Несмотря на то что помещение, в котором Милоса содержали под арестом, было удобнее тюремной камеры, для него, по сути, дела не меняло. Он сидел на кушетке, пристально смотрел на стену и никак не мог понять, что же с ним произошло. Ему было все безразлично. Сандре грозила опасность, и он спас ее. Это единственное, что имело значение.

Дверь открылась, и, к его удивлению, вошла Сандра. Она выглядела серьезной и решительной. Милос смотрел на нее и не верил глазам, будто это было небесное видение.

— Я хочу вас поблагодарить за то, что вы спасли мне жизнь, — сказала она.

— Я люблю вас, — просто произнес он в ответ.

Она нежно его поцеловала, и он страстно привлек ее к себе. В ней всколыхнулось с новой силой прежнее завораживающее чувство. Она поняла, что всегда мечтала о нем как о мужчине, и, высвободившись из его рук, начала раздеваться. Милос наблюдал за ней с трепетом.

— А вдруг кто-нибудь войдет? — боясь, что это ему только снится, он оттягивал решающий миг.

— Никто не помешает. — Сандра едва справлялась со своим прерывающимся голосом. — Ну а если это и случится, мне не будет стыдно. А тебе?

Она стояла перед ним, и он как зачарованный смотрел на ее обнаженное тело. Сандра кокетливо наблюдала за его нерешительностью.

— Ты не хочешь раздеться? — словно удивилась она.

Милос очнулся и рассмеялся.

— Извини меня. Все произошло так неожиданно. Разве я мог мечтать о таком счастье.

Он взял ее на руки и понес к дивану. Мускулистое тело Милоса возбуждало Сандру до беспамятства. Если до этого она хотела выразить ему свою благодарность, то теперь отдаться ему стало для нее нестерпимой потребностью. Он осторожно уложил ее, стал рядом на колени и гладил, и целовал ее тело. Она закрыла глаза и наслаждалась каждым его прикосновением. Потом они сплелись в объятиях. В ответ на страстный поцелуй она впиалась в его губы, поглаживая мускулистые руки. Когда он осторожно вошел в нее, она почувствовала, что слилась с ним в единое целое, и желала только одного, чтобы это никогда не кончалось. В полной гармонии стремились они к завершению акта и добились

этого в едином оргазме.

— Это было фантастично, — переводя дух, прошептала Сандра, когда они медленно разъединились.

Милос уже давно не чувствовал себя таким счастливым. Он ласкал ее, думая, как это было бы чудесно, если бы они всегда были вместе. Сандра, кажется, почувствовала, какая внутренняя борьба шла в нем, и попыталась вывести его из этого состояния.

— Ну, скажи честно, великий Махо, неужели любовь не прекрасней политической борьбы?

— Не мучай меня, — попросил он.

— Так кому нужен этот Золотой фаллос? — спросила она смеясь.

— Никому, но люди будут продолжать с тупым упрямством бороться за него, — сокрушенно промолвил он.

В дверь постучали, и чей-то голос произнес:

— Господин Милос, ваш обед готов!

— Минуточку, — ответил Милос, и они начали одеваться.

На прощание они поцеловались. Сандра увидела в глазах Милоса слезы, хотя он и пытался улыбнуться. Она уходила, исчезала навсегда из его жизни. И Сандра знала это, и тоже не могла сдержать слез.

— Куда мы направляемся? Назад в Саламба?

Этот вопрос Исида задала Друммонду, но он только покачал головой.

— Мы ведь не знаем, возвратится ли туда Милос. Если это произойдет, он убьет нас, потому что мы плохо обошлись с его возлюбленной Сандрой. Как только мы отсюда выберемся, вы должны приказать Грунвальду вывезти из страны остатки нашей секты вместе со статуей Осириса. Он сможет это сделать. Его банк постоянно занимается скупкой и продажей золота. Ну а мечту о храме в Ибари мы можем теперь выбросить из головы.

Их прервал Гаво:

— Да, это была адская работа, все утрясти, но самолет на завтра уже готов. И знайте, с того момента, как вы отсюда уберетесь, я за вас больше не отвечаю. Надеюсь, вы знаете куда летите?

— Мы как раз именно это и обсуждали, — сказал Друммонд.

— Мы летим в Рим, — объявила неожиданно Анна. — У меня там дом, о котором никто не знает, ведь Мориба уже мертв!

— Почему мы должны делать то, что вам хочется? — рассердилась Исида.

— Потому что я — единственный человек, который знает, где хранится золотая голова Осириса. А вы можете поступать так, как вам будет угодно!

Эндрю Друммонд молчал, но когда Исида посмотрела на него, то поняла, что ее власть кончилась.

Следующий день оказался богат событиями. Для Дональда Мак-Фея он начался с утра на операционном столе. Парень был еще под наркозом, когда к клинике подъехала машина «скорой помощи» и, забрав пассажиров, направилась к частному аэродрому возле Парижа. Пациентка в машине была без сознания, и на операцию к доктору Кавальери ее сопровождали врач и медсестра. У них на руках было рекомендательное письмо, подписанное парижским хирургом Гаво. Ему удалось достать и итальянские паспорта для

всех троих.

Только когда самолет покинул пределы Франции, Эндрю Друммонд вздохнул с облегчением, чего давно уже с ним не бывало. Анна в своем одеянии медсестры выглядела непривычно скромно. Исида же, наоборот, была мертвенно-бледной. Она, как и Дональд после операции, крепко спала и проснулась лишь после приземления.

Во второй половине дня Милосу нанесли визит. Человек не представился, но производил впечатление авторитетного лица.

— Президент Милос, вы нас поставили в трудное положение. Французская республика чтит законодательство и наказывает за преступления. Но мы вынуждены были принять во внимание тот факт, что человек, которого вы убили, был одним из крупнейших гангстеров, живших на земле. Если вы предстанете перед судом, это породит много нежелательных эксцессов во взаимоотношениях между нашими странами. Поэтому суд постановил, что убийцей был некий господин Бродский, который сбежал. Вы, президент Милос, были во время преступления в Вене. Здесь вы никогда не появлялись.

Человек строго посмотрел на Милоса.

— В аэропорту имени Шарля де Голля ждет самолет, который доставит вас в Вену. Оттуда вы легально вернетесь в свою страну. А теперь, господин президент, если вы готовы, мы можем идти.

Глава четырнадцатая

Зубы дракона

— Добро пожаловать домой! — Лицо Азомболо расплылось в улыбке. — Надеюсь, поездка была успешной?

— Да, я чувствую себя намного лучше, — заверил его Милос. — Мои врачи подвергли меня шоковой терапии. Она длилась недолго, но оказалась тем не менее очень эффективной.

— Я не думал, что ты так быстро вернешься.

— Просто хотелось успеть до начала нового революционного переворота, — с иронией заметил Милос.

— Ты мог бы и не торопиться, — ухмыльнулся Азомболо, — мы бы непременно послали тебе приглашение! Ты не хочешь отдохнуть еще немного?

— Нет, я в порядке, как и прежде. Итак, что здесь происходило?

Азомболо рассказал Милосу об основных событиях, которые произошли за время его отсутствия.

— Да, вот еще что, вчера утром случилось нечто странное, — сообщил в заключение он. — Твои друзья, которые хотели здесь открыть храм, упаковали свои пожитки и исчезли, не говоря ни слова.

— А не забрали ли они случайно с собой большую золотую статую, которую хотели выставить в своем храме?

— Разумеется, — ответил Азомболо. — Швейцарец, господин Грунвальд, поведал мне за день до отлета, что это предмет культа, вероятно, очень древний, но не имеющий материальной ценности. К тому же статуя изготовлена не из золота, а только позолочена.

— Он так и сказал?

Милос прикинул, сколько же было переведено денег на счет Азомболо в швейцарский банк за то, чтобы он закрыл на это глаза, и проглотил предложенную сказку. Видимо, немало.

Прошла неделя после событий на Рю Ахилл, но беглецов так и не поймали. Полиция, похоже, не проявляла особого рвения, и пресса переключилась на другие сенсационные события. Интерес общественности к этому делу постепенно иссяк.

Профессор Халефи, как обычно, читал лекции. Но когда начались семестровые каникулы, Петра переехала к нему. Было воскресное утро, и пара долго нежилась в постели. Затем они еще раз отдались друг другу, и Халефи пошел на кухню, чтобы приготовить завтрак, которым хотел угостить подругу.

— Сегодня утром Дональда выпишут из больницы, — напомнил Луи. — Мы должны быть готовы к их приезду с Сандрой.

— Почему? — мило улыбнулась Петра. — Ты же знаешь, как они сексуально одержимы.

— Возможно, ты и права, — согласился он. — Но все же...

Примерно через час подъехало такси, и из него вышли Сандра и Дональд. Его нога была крепко затянута биндажом, и он немного прихрамывал, но врач ему гарантировал полное исцеление, он снова сможет играть в футбол.

— Мы должны отметить это событие прежде, чем вы вылетите к себе в Лондон, —

предложил Халефи. — О банде Исиды мы больше ничего не слышали, но я убежден, что они снова где-нибудь объявятся, и повсюду от них, как и прежде, будет исходить серьезная опасность. А сегодня вечером прибудет профессор Халид из Каира, чтобы забрать Золотой фаллос.

— Трудно поверить, что он больше не будет с нами, — вздохнула Петра. — Я считаю, что мы должны устроить ему достойные проводы!

— Нам не нужен этот слиток металлолома, не правда ли, Сэнди? — воскликнул Дональд и нежно поцеловал Сандру. — Ты женщина, которую я люблю, и этого вполне достаточно.

Сандра ответила ему страстным поцелуем, который она открыла для себя, прощаясь с Милосом.

— Я обожаю тебя, — шепнула она Дональду. Потом повернулась к Халефи и весело предложила: — А не взять ли нам с собой сегодня вечером в ночной клуб твоего друга Халида?

Джеки Коллинз

Мир полон разведенных женщин

Глава первая

В Нью-Йорке начиналось лето.

Клео стояла в примерочной магазина «Сакс» и рассматривала свое отражение в зеркале. Сбросив одежду, она примерила платье из бежевой замши и не без удовольствия заметила, что платье сидит прекрасно: из зеркала на Клео смотрела стройная молодая женщина с длинными прямыми волосами, большими глазами и чувственным ртом.

Платье Клео не беспокоило: с ним все нормально. Мысли были заняты Майком, ее мужем.

— Тебе что, разонравился секс? — допытывался Майк у нее накануне.

— Разонравился? — виноватым голосом переспрашивала Клео. — Конечно, нет. — А сама думала: «Скучен не секс, а ты, Майк. Всегда одни и те же движения, одни и те же ласки, любой твой шаг я знаю заранее».

А ведь вначале секс с Майком был фантастически захватывающим. Теперь все стало похожим на привычный ритуал.

Он никогда не пробовал ничего нового.

Он никогда не пытался разнообразить их интимную жизнь.

После свадьбы он сильно изменился.

Майк больше не возбуждал ее, а притворяться Клео не умела.

Они редко ссорились. Почти никогда. Чаще — просто садились и обсуждали вместе создавшуюся ситуацию.

Майк работал в руководстве компании звукозаписи. Ему исполнилось тридцать шесть, и он был на семь лет старше Клео. Импозантный, худощавый мужчина с усиками и зовущим взглядом. Они поженились четыре года назад, и не раз Клео задавалась вопросом: а изменяет ли ей Майк?

— Тебе эта дурушка нравится? — частенько спрашивала Клео Майка по поводу какой-нибудь знакомой и замирала в ожидании ответа.

— Конечно, — обычно отшучивался Майк. — Я даже переспал с ней парочку раз.

«Ха-ха-ха, это очень смешно», — думала Клео, но больше вопросов не задавала, боясь узнать правду.

Теперь она знала. Она получила возможность увидеть все своими глазами.

Майк был ее вторым мужем. Первого, за которого вышла замуж в 18 лет, она давно забыла. Она любила Майка, хотя теперь, конечно, не так безумно, как вначале.

— Вам это страшно идет, — продавщица просунула голову в примерочную.

— Да, все нормально, — ответила Клео.

Как плохо, что она сегодня застала Майка с женщиной. Ужасно, что его худое, голое тело при этом явно получало удовольствие. А еще хуже было то, что блондинка с большим бюстом, которая лежала под ним, была лучшей подругой Клео.

Она расстегнула молнию на платье и отдала его продавщице, чтобы та завернула покупку.

«Тебе что, разонравился секс?» — вспомнила Клео слова Майка. Почему он спросил об этом? Она ведь не изменилась. А может быть, она стала такой же скучной, как и он?

Возможно, провал их сексуальной жизни — ее вина. Хотя... Разве она виновата в том, что Майк стал другим?

Клео изменила ему только однажды. С одним мужчиной, один раз. Это было замечательно, но в то же время как-то грязно. Больше она таких попыток не делала.

У них были деньги. Не баснословные, конечно, но на жизнь вполне хватало. Удача сопутствовала Майку, а Клео работала журналисткой по договору в нескольких журналах. Они не нуждались в тех деньгах, которые она зарабатывала, но ей нравилось заниматься делом.

Она медленно одевалась: темно-коричневые брюки, свитер, туфли, кожаный пояс, затемненные очки, скрывающие ее огромные синие глаза.

Клео взяла покупку и вышла на солнечную улицу. У нее была назначена встреча с Джинни, отложить которую было уже нельзя. Но так не хотелось обедать с подружкой. «Господи, — подумала Клео, — как могут невинные голубые глаза уживаться со столь непомерным сексуальным аппетитом?»

— У Джинни абсолютно нет мозгов, — много раз говорил Майк. Он вообще с иронией относился ко многим ее друзьям, включая Сьюзен, ту самую блондинку, которую она обнаружила под ним сегодня утром.

Может быть, он и с Джинни переспал? Вполне возможно. Джинни легко уложить в постель, но она страшная болтушка, и если бы переспала с Майком, то на следующий день весь город знал бы все в мельчайших подробностях.

— Пошла к черту, — шикнула на Клео проходившая мимо старуха. Клео не стала обращать внимания на ненормальную женщину, которая направлялась вдоль Шестой авеню, размахивая цветным зонтиком: в Нью-Йорке полно сумасшедших, а также насильников, убийц и грабителей.

Появилось такси, и Клео бросилась к нему, опередив бизнесмена в синем костюме. В машине она откинулась на сиденье и постаралась расслабиться. Не хотелось являться на ленч в состоянии нервного стресса: пришлось бы все рассказать Джинни.

Как глупо получилось! Почему же ей так больно? В конце концов, она не первая и не последняя. Это происходит сплошь и рядом.

Но какого черта он выбрал одну из ее подруг! К тому же так глупо попался!

Лучше бы она не встречала Майка, и уж, конечно, не стоило выходить за него замуж. Именно Майк настоял на этом, Клео предпочла бы просто жить с ним. Но такие отношения его не устраивали: он вбил себе в голову, что женщины всегда мечтают об обручальном кольце. Майк не мог понять, почему Клео не стремится к браку; это задевало его самолюбие, и он настоял на том, чтобы они поженились. Если бы это не случилось, сейчас все было бы проще. Один брак у Клео уже развалился, не хотелось, чтобы то же случилось и со вторым...

* * *

Ресторан был маленьким и шумным. Джинни сидела за столиком и потягивала martini, обмениваясь томными взглядами с известным актером. Джинни была тридцатилетней, чуть полноватой разведенной женщиной, вполне приятной и выглядевшей моложе своих лет.

— Вот бы его заграбастать, — выпалила она подошедшей Клео. — Ты сегодня прекрасно смотришься. Какие чудные туфли, где купила?

— В магазине «Биба», пришлось три раза ходить туда, пока нашла свой размер. А для

кого этот стул?

— Должна прийти Сьюзен. Я вчера прекрасно провела вечер. Ходила в новую дискотеку с Бобом. Догадайся, кто появился? Си Литва. Ты помнишь, что этот подлец сделал со мной? Ну так вот, когда я увидела его, то страшно растерялась, но сумела взять себя в руки. Я прекрасно выглядела в блузке от Сен-Лорана и узких брюках. Ты понимаешь...

Джинни говорила очень много и всегда рассказывала о своих сексуальных приключениях с огромным удовольствием. Она совсем не замечала, что Клео почти не слушает.

В этот момент Клео думала о том, что скоро появится Сьюзен. Неужели у нее хватит совести? Если даже предположить, что она не заметила Клео, то уж Майк-то наверняка видел жену и должен был рассказать ей обо всем.

Она опять вспомнила то утро. Клео проходила мимо офиса Майка и решила сделать ему сюрприз. Секретарши на месте не оказалось, и она вошла. Вот уж действительно неожиданность! Они лежали на большом диване голые.

Она не знала, что делать. Казалось, время остановилось. Через секунду она повернулась и вышла. Майк даже не оставил свое занятие. Какой подлец! Мог хоть для приличия слезть!

— ...мы фантастически провели ночь, — продолжала Джинни. — Все было медленно и прекрасно, накатывалось волнами, продолжалось бесконечно... А вот и Сьюзен. Давай закажем что-нибудь, я умираю от голода.

Сьюзен Уайт — высокая блондинка — умела себя преподнести. Ее длинные волосы до плеч и высокий бюст сразу бросались в глаза. Грудь подчеркивалась розовым свитером из ангоры, заправленным в брюки. Она была актрисой, но успеха не имела, хотя довольно часто участвовала в дешевых постановках.

Клео с иронией думала, что Майк скорее всего не рассказал Сьюзен об утреннем визите жены. Это на него похоже. Слабак, боится скандала. Хотя, возможно, Клео недооценивала актерские способности Сьюзен, которая в настоящий момент шла к столу с просто-таки обворожительной улыбкой.

— Ну и утро я провела, — заявила она, усаживаясь рядом. — Два прослушивания, оба в разных концах города. Измоталась до смерти!

— Наверное, эти прослушивания совершенно истожили тебя, — пробормотала Клео. — Ведь на каждом пришлось раздеваться.

— Что? — Сьюзен недоуменно уставилась на нее.

— Ну, очевидно, тебе, как всегда, досталась роль обнаженной, — проговорила Клео. Недавно Сьюзен участвовала в спектакле со стриптизом, который выдержал только три представления.

— Я для этого мало подхожу, — разозлилась Сьюзен. — Во всяком случае, актрисы не раздеваются на прослушивании. В таких делах не имеет значения, какое у тебя тело, мастерство гораздо важнее.

— Конечно, — язвительно согласилась Клео. — Но я даже не подозревала, Сьюзен, что твое мастерство достигло такого уровня.

— Ради Бога, давайте закажем что-нибудь, — вмешалась Джинни. — Интересно, на одном салате я продержусь до вечера? Си пригласил меня поужинать в русском ресторане. Я обожаю русскую кухню... А что, если мужчину всего обмазать сметаной? Вкуснота! Как вы думаете, ему это понравится?

— Твои разговоры напоминают треп девочки из колледжа, которая впервые переспала с мужчиной, — холодно сказала Клео.

Джинни передернула плечами.

— Для меня всегда, как в первый раз, — хихикнула она.

— А как дела у Майка? — нарочито небрежно спросила Сьюзен.

Клео посмотрела на нее злыми глазами и отчетливо сказала:

— Не пора ли покончить с детскими играми, Сьюзен? Они, безусловно, удаются тебе лучше всего. Не понимаю, почему ты так и не стала звездой на Бродвее!

— О чем это вы? — спросила Джинни, отрываясь от меню.

Сьюзен покраснела и пробормотала:

— Я не знаю, я просто спросила о Майке...

— Да прекрати ты, — сказала Клео, поднимаясь из-за стола. — Спи с моим мужем, если хочешь, но не делай меня идиоткой. Извини, Джинни, поговорим позднее.

— Не... — пыталась возразить Сьюзен.

Клео не хотела слушать. Она быстро вышла из зала и очутилась на улице. Слезы застилали глаза, искусственные ресницы отклеились.

«Я не сумела сдержаться, — думала она. — Это не просто срыв. Из-за длинного языка Джинни Сэндлер весь Нью-Йорк узнает об этом».

Почему я не умею вести себя

как свободная женщина?

Живи и дай жить другим.

Спи с мужчиной и дай спать другим.

А может быть, все к лучшему? Во всяком случае, Сьюзен это не пройдет даром.

Майк дурак, что не сказал ей.

И вообще Майк дурак.

Она мысленно сочинила ему письмо. «Дорогой Майк. Мы жили вместе и любили друг друга несколько лет, но сейчас я хочу разорвать наши отношения. Я чувствую, что переросла тебя и умственно, и физически. В будущем нас ждет только безразличие. Я желаю тебе счастья с грудастой Сьюзен. Искренне твоя. Клео.

P.S. Не знала, что тебя заводит большая грудь.

P.P.S. Не знала, что тебе нравятся девушки, которые любят только себя.

P.P.P.S. Я просто тебя не знала».

Клео перестала плакать, отклеила искусственные ресницы и завернула их в бумагу.

Она поедет домой, приведет себя в порядок, помоеется и сложит одежду. Потом соберется. Завтра утром она должна улететь в Лондон, чтобы взять несколько интервью. Она уедет сегодня. Пусть это будет трусостью. Но лучше провести ночь в отеле и не встречаться с Майком. Она не хотела видеть его и выслушивать ложь. Ей нужно время, чтобы все обдумать.

Она побежала за такси, но не успела остановить его и осталась дожидаться автобуса.

Глава вторая

У девушки были курчавые светлые волосы с оранжевым отливом.

Симпатичное, сильно накрашенное лицо.

Огромное количество веснушек: маленькие коричневые точки были тщательно нарисованы утром.

Искусственные реснички, каждая из которых приклеивалась отдельно.

Голубизну глаз подчеркивали ярко-голубые тени.

Собственные брови сбриты и заменены дужками, аккуратно нарисованными карандашом.

На полных губах — светлая помада двух тонов, а поверх — большая порция блеска.

Искусно наложенные румяна делали ее щеки менее пухлыми, а цвет лица благодаря тональному крему имел оттенок загара.

Девушка была невысокого роста, около ста шестидесяти сантиметров, но огромные каблуки делали ее значительно выше. Узкие голубые джинсы и свитер подчеркивали хорошую фигуру и тонкую талию. Лифчика она не носила, поэтому упругая грудь была отчетливо видна сквозь тонкую ткань. Она шла по магазину «Хэродс», размахивая сумкой и поглощая шоколадки.

Девушку звали Маффин, но все фотографии называли ее Пышкой. Ей было двадцать лет, и она была знаменита тем, что позировала голой. В обнаженном виде она рекламировала все: от лифчиков до мужских рубашек, причем в самых известных журналах и газетах.

Маффин чувствовала, что все взгляды обращены на нее. Но она уже привыкла к этому.

Девушка остановилась возле прилавка, на котором размещались очки от солнца, примерила одни: огромные, круглые, с розовым оттенком.

Они понравились Маффин. Она оглянулась вокруг: никто не наблюдал за ней. Маффин спокойно отошла от прилавка, очки так и остались на ее пикантном носике.

Она затолкала еще несколько шоколадок в рот, смяла обертку и уронила на пол. Тихонько напевая, пошла к выходу и попросила швейцара поймать такси.

Маффин жила на последнем этаже большого дома недалеко от Голландского парка со своим приятелем Джоном Клептоном.

Этот фотограф откопал Маффин, когда ей было семнадцать. Он заставил ее поселиться с ним сразу же после того, как они сумели убедить родителей, живущих в Уимблдоне, в том, что такие отношения нормальны.

— Мы обязательно поженимся, — уговаривал их Джон, — как только я получу развод.

— Есть дома кто-нибудь? — спросила Маффин, когда вошла. Дворняжка, которую она подобрала на улице, залаяла, подтверждая свое присутствие.

— Хочешь погулять? — поинтересовалась Маффин.

Она посмотрела на полку возле телефона, чтобы проверить, не оставил ли Джон какой-нибудь записки для нее. Он еще спал, когда она уходила утром. «Тереза», 9 часов, — нацарапал он, — приведи себя в порядок. Нужно решить вопрос о контракте на фотографии для календаря».

Маффин с отвращением поморщилась. Она ненавидела деловые обеды, на которые ее водил Джон.

— Мы вынуждены бывать на них, — терпеливо объяснял он. — Важно, чтобы тебя

знали лично. Не нужно беспокоиться из-за того, что они пожирают тебя глазами. Все равно увидят на снимках.

— На фотографиях все по-другому, — упорствовала Маффин.

— Ну ладно, забудь об этом. Выбирай: или оставаться примитивной моделью с хорошей задницей, или быть личностью, звездой.

Маффин была вынуждена согласиться с ним. Сейчас она получала такие деньги, о которых еще год назад и мечтать не могла. Джон взял все в свои руки. У них был общий счет, и все деньги находились на этом счету.

Очень важно заполучить снимки для этого календаря. Компания «Шуман электроникс» каждый год выпускала потрясающий календарь с двенадцатью девушками. Джон решил заменить их всех на одну Маффин. Каждый месяц — отдельный снимок ее обнаженной фигуры.

С контрактом уже все почти улажено, но Клаус Шуман приехал в Лондон и хотел встретиться с Маффин, прежде чем подписать документ.

— Забудь о прогулке, собачка, — вздохнула Маффин. — Мама должна хорошо подготовиться.

* * *

Джон Клептон приехал в «Терезу» к восьми часам. Высокий, худой, двадцати шести лет от роду, с длинными, давно не мытыми светлыми волосами и удивительно невинным взглядом, он обладал даром общения с людьми. За внешней простотой скрывался точный расчет.

Клаус Шуман ждал в баре. Средних лет немец, в блестящем синем костюме, выглядел весьма респектабельно.

— Здравствуйте, — приветствовал его Джон. — Я опоздал на пять минут, извините. Что вы пьете?

Клаус пил водку с горьким лимонадом. Джон заказал себе ром с кока-колой.

— Маффин немножко запаздывает, — объяснил Джон, хотя сам велел ей явиться к девяти: он хотел побыть наедине с Шуманом. — А пока, может быть, взглянете на это?

Джон подал Клаусу кожаный альбом с фотографиями Маффин.

Вот обнаженная Маффин перекинула ногу за ногу.

На следующем снимке она снята сзади, тоже нагая.

Маффин на пляже, в машине, на лодке, абсолютно голая.

Маффин в шляпе, кроме шляпы, на Маффин ничего нет.

Маффин только в черных колготках.

Маффин и белые ботфорты.

— Очаровашка! — со вкусом сказал Клаус.

— Это точно, — согласился Джон. — Она всегда выглядит цветущей и нравится даже женщинам. В ней нет ничего грубого, а это самое важное.

Клаус кивнул в знак согласия и продолжал рассматривать снимки.

— К завтрашнему дню нужно решить все окончательно, — не давая Клаусу опомниться, говорил Джон. — У нее много заказчиков, так что необходимо оповестить их.

— Конечно, конечно. Я знаю, что вы обговорили детали с нашими представителями, но

поскольку я оказался в городе, то хотел познакомиться и с вами, и с ней. Однако я уверен, что мы все решим положительно. — Он взял в руки фотографию Маффин в белых ботфортах. — Такая приятная девушка...

«Да, очаровательный маленький волчонок, — думал Джон. — Если бы не я, она бы уже пропала».

Он вспомнил, как они встретились.

Это произошло на катке. Джон как раз снимал серию фотографий «Лондонские птички», когда полненькая, с прыщиками на лице, улыбчивая Маффин появилась на льду. На ней был оранжевый свитер. Джон сразу заметил классную грудь и сделал несколько фотографий. Они хорошо получились, и он привез ее в Брайтон, чтобы снять в бикини.

Она только-только закончила школу и занималась на курсах машинописи.

— Такая птичка, как ты, не должна пропадать за столом, — сказал он. — Пустая трата времени.

Маффин приехала к нему в студию, и он предложил ей сниматься голой, потому что за это хорошо платят.

— Мои родители будут в ярости, — захохотала она и моментально разделась. Он отснял пять пленок, а потом они оказались на полу и занялись любовью.

— Для маленькой девочки из Уимблдона ты довольно опытна, — сказал он.

— У меня было пятеро ребят, — гордо заявила она. — Один парень в год с тех пор, как мне исполнилось двенадцать.

Через два месяца Джон оставил жену, а Маффин потеряла несколько килограммов веса и свои прыщики.

Еще через шесть месяцев появились неплохие деньги за фотографии обнаженной Маффин, и она переехала к Джону.

Они хорошо понимали друг друга. С самого начала Джон предупредил ее:

— Послушай, ты молода, мы оба можем добиться многого, поэтому давай не портить наши шансы.

— Да и ты не стар, — заметила Маффин.

— Я знаю, — согласился Джон, — но у меня жена и двое детей. Это непросто. Давай решим: если кому-нибудь из нас захочется переспать с кем-то другим — пусть так и будет. Но будем придерживаться правила: не спать два раза с одним и тем же. Ясно?

Маффин кивнула.

— Обо всем друг другу рассказывать, хорошо?

Маффин согласилась. Ей это правило понравилось.

К счастью, оно сработало. За два года, которые они прожили вместе, Маффин переспала с тремя мужчинами, по разу с каждым, и обо всем рассказала Джону.

В свою очередь, он тоже поделился впечатлениями о трех девушках, хотя на самом деле переспал лишь с одной. Пришлось соврать, чтобы Маффин не воображала себе, что он слишком предан ей.

— А вон и наша юная леди, — заметил Клаус.

Джон посмотрел, как она входила: молодая, улыбающаяся, притягивающая всеобщее внимание.

Сейчас Маффин совсем не походила на пухленькую, прыщавую девочку с катка.

Глава третья

Клео вернулась домой, сложила вещи, приняла ванну, переоделась и к четырем часам приехала на работу.

Ей передали, что Майк просил перезвонить ему, кроме того, дважды пыталась пробиться Джинни. Клео решила никому из них не отвечать. Она проверила, все ли готово к отъезду, и сделала несколько деловых звонков.

В пять часов пришел посыльный от Рассела Хейза и пригласил ее в кабинет.

Рассел был владельцем и главным редактором журнала «Имидж», который и посылал Клео в командировку в Европу.

У нервного, худого Хейза была дурная привычка грызть ногти. Он носил розовые рубашки и мятые итальянские костюмы. Пережив трех жен, Рассел обзавелся целой стаей подружек, которые приходили к нему прямо в кабинет.

— Привет, Расс, — сказала Клео. У нее было очень скверное настроение. — Что нового?

— Хотел узнать, какие у тебя проблемы.

— Все в норме. Я собралась и готова к отъезду. Кстати, у меня чемодан с собой. Может быть, стоит улететь сегодня?

Рассел постучал по столу серебряным карандашом.

— Не путай мне планов, милая. Завтра тебя ждут, машина заказана в оба конца. А потом, менять билет — плохая примета. Кроме того, я хочу, чтобы ты пошла со мной на прием к Ричарду Уэсту. Ты же обещала!

Клео совсем выпустила это из виду. Журнал «Имидж» купил право на публикацию книги Ричарда Уэста и устраивал по этому случаю прием.

Рассел мрачно улыбнулся.

— Работа Уэста обречена на успех, вот увидишь. «Секс. Пояснения». Неплохо придумано, а? — сказал он и добавил: — Между прочим, это ведь моя идея!

— Я знаю, — улыбнулась Клео. Ей нравился Рассел, у них сложились прекрасные деловые отношения, хотя раньше он пытался ухаживать за ней. Клео тогда весело отшучивалась, а сейчас они дружили по-настоящему.

— А Майк твой придет на вечеринку? — поинтересовался Рассел. Они были приятелями.

— Зачем? — удивилась Клео.

— То есть как зачем?

— Нет, он не придет.

— У вас все в порядке?

— Ну, если ты спрашиваешь... — Она заколебалась. — Нет. Все рушится.

Он встал из-за стола, подошел и обнял ее.

— Мне так плохо, — безнадежно сказала Клео.

— Рассказывай.

— Если я начну говорить, то сразу же заплачу, — покачала она головой. — Короче, все кончено, я забрала вещи. Господи, я совсем забыла заказать номер в отеле на ночь.

— Можешь остаться у меня, если хочешь.

— Нет, я хочу, чтобы ты остался мне другом, поэтому лучше остановлюсь в отеле.

— Я прикажу секретарше позаботиться об этом, так что не волнуйся.

Зазвонил телефон, и Расселу сообщили, что Ричард Уэст ожидает внизу.

— Пусть поднимется, — сказал Рассел. — Клео, я вас познакомлю, и мы отправимся на вечеринку на моей машине. Устраивает?

— Хорошо. Можно мне воспользоваться твоей ванной?

— Пожалуйста.

Клео закрылась в маленькой, покрытой дубовыми панелями комнате, которая располагалась за кабинетом Рассела, и уставилась в зеркало.

— У тебя потрясающая кожа, — сказал Майк, когда они впервые встретились.

Косметика была в порядке. Клео добавила лишь немного теней, которые делали ее овальное лицо еще бледнее.

Укладывая длинные черные волосы, она вспомнила о Майке. Скорее всего, их брак основывался на сексе, и когда секс перестал приносить им удовольствие, естественно, развалился и брак.

Сколько могут продолжаться подобные отношения? Сколько может секс оставаться самым главным в жизни? Он, конечно, немаловажен, но ведь есть и другое, о чем Майк и слышать не хотел. Например, дети. Клео вздохнула. Она так любила малышкой и надеялась, что у нее их будет много. Поначалу казалось разумным, что Майк просит подождать. Она была не из тех женщин, которые решают все в спешке. Поэтому, когда он настоял на том, чтобы отложить, она согласилась, имея в виду год или два. Но постепенно Клео поняла, что Майк вообще не любит детей и не желает их иметь.

Когда однажды в воскресенье они занимались любовью, Клео спросила об этом. Он ответил:

— Ты понимаешь, дорогуша, мне не нравится эта идея. Зачем какому-то маленькому чудовищу вмешиваться в нашу жизнь? Кому это нужно? Кроме того, меня абсолютно не возбуждают беременные женщины.

Наверное, с этого времени все и пошло наперекосяк.

Клео вернулась в кабинет Рассела, и он представил ее Ричарду Уэсту.

— Вы не очень похожи на свою фотографию на обложке книги, — сказала она.

— Я знаю, — кивнул он в знак согласия. — Если бы снимок походил на меня, то книгу трудно было бы продать.

Она улыбнулась. С ним все в порядке. Во всяком случае, не неврастеник. Клео ненавидела нервных авторов.

Ричард был мужчиной среднего роста, немножко полноватым, с коротко постриженными, густыми соломенными волосами. На нем был кошмарный костюм, и даже хорошая рубашка с галстуком не могла улучшить впечатления. Но тем не менее он выглядел довольно привлекательно, и скорее всего сам об этом не догадывался. Клео хотела сказать ему, что его губы напоминают губы Мика Джаггера: полные, чувственные, они вполне подошли бы лицу сексуального обольстителя среднего возраста.

— Нам пора идти, — сказал Рассел.

Они пришли первыми. В зале не было никого, кроме официантов. Ричард нахмурился.

— Ненавижу приемы, — сказал он. — Я нервничаю.

— Улыбайтесь всем, — сказала Клео, — особенно незнакомым людям. Постарайтесь использовать в разговоре как можно больше статистики.

— Какую статистику вы имеете в виду?

— Конечно, цифры. Ну, например, сколько раз мужчина может быть мужчиной в течение двадцати четырех часов. И все в этом роде. Это заинтересует будущих читателей.

— Я должен использовать профессиональные термины?

Клео засмеялась.

— О да, будьте настоящим профессионалом.

* * *

В зале появилась Джинни и немедленно направилась к Клео, разговаривавшей с литературным критиком.

— Мне можно вмешаться? — весело спросила она.

— Конечно, — сказал литературный критик. — Мне нужно найти профессора Уэста и обсудить с ним кое-что.

— Ну, кто здесь есть? — спросила Джинни, покачивая своей светлой головкой и осматривая комнату. — Я, может, уже с кем-нибудь спала? А с кем из гостей стоит переспать? — Джинни болтала без умолку. — А почему ты мне не перезвонила? Я просто не верю тому, что произошло между тобой и Сьюзен за ленчем, ты ведь никогда не устраиваешь скандалов. А бедная Сьюзен так расстроилась, она клянется, что у нее с Майком ничего не было.

— Да перестань, Джинни, она может запудрить мозги тебе, но не мне. Я их видела вместе.

— Видела вместе? Неужели? Только потому, что они были вместе, ты подумала, что они переспали. Однажды они вместе пили кофе. Но она поклялась жизнью матери, что между ними ничего нет. Честно, Клео, я думаю...

— Заткнись на минутку. Я видела их вместе. Голыми. Они занимались любовью в кабинете у Майка сегодня утром.

— О! — сказала Джинни, помолчала секунду и продолжала: — Лживая сука! А еще клялась жизнью матери! Пусть она только попадется мне на глаза... Мне трудно переварить все это. Тебе, наверное, очень плохо. Следовало догадаться, что ты никогда просто так не устроила бы скандала. Извини, я действительно...

— Хватит, Джинни, я не хочу об этом говорить. Это не имеет абсолютно никакого значения. Я собралась и завтра уезжаю в Лондон. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

— А что говорит Майк? Ему же плевать на Сьюзен. Ему вообще не нравятся крупные девушки. Хотя у нее большие сиськи, но мозги, как у пятилетнего ребенка. Я полагаю...

— Джинни, я не хочу об этом говорить. И была бы благодарна, если бы ты не обсуждала эту проблему со всем городом. Пошли, я представлю тебя профессору Уэсту.

— Хорошо. Так интересно сравнить мои дилетантские впечатления с опытом профессионала.

Они пересекли комнату.

* * *

— Ричард, познакомьтесь с моей подругой, Джинни Сэндлер. Она театральная

агент, — улыбаясь, сказала Клео. Ее мысли занимало совсем другое: пришел ли Майк домой, заметил ли, что она забрала свои вещи.

— Привет, Джинни, — сказал Ричард, пожимая ей руку.

— Может быть, стоит продать вашу книгу для кино? — спросила Джинни. — Они покупают такие названия. «Секс. Пояснения». Звучит очень здорово, почти как название образовательного фильма. Может быть, уговорим Джули Эндрюс сняться в роли школьной дамы? Возможностей много. У вас есть агент?

Ричард отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда я беру вас в руки, и мы вместе разбогатеем. — Она приблизилась к нему. — Профессор, я тут у вас хотела спросить...

Вдруг Клео почувствовала страшную усталость. Надоело поддерживать беседу, улыбаться и вообще общаться с людьми, которых не волнует ничего, кроме секса.

Она начала искать Рассела. Он разговаривал с группой людей, рядом стояла его последняя подружка, гигантская рыжеволосая девушка по имени Флоринда.

Клео пробралась к ним.

— Я очень устала, — прошептала она. — В каком отеле ты заказал комнату?

— Господи! — Рассел хлопнул ладонью по лбу. — Я забыл!

— Большое спасибо!

— Не беспокойся, я же сказал тебе, что у меня есть свободная комната, много свободных комнат.

— Рассел...

— По-моему, мы достаточно долго знакомы, чтобы ты могла доверять мне, — сказал он обиженно. — Я позвоню слуге и скажу, что ты едешь. Я вернусь поздно. И если у тебя нет желания разделить постель со мной и Флориндой, то мы оставим тебя в покое.

Клео слишком устала, чтобы спорить.

— Ну, если ты уверен...

— Конечно, уверен. Твой чемодан в моей машине. Я провожу, шофер отвезет тебя домой, а потом приедет за мной.

— Если здесь появится Майк...

— Я буду держать рот на замке.

Клео импульсивно поцеловала его в щеку.

— Как хорошо иметь такого друга, как ты!

Рассел нервно рассмеялся.

— Я ведь и раньше говорил тебе, что, если вы с Майком разойдетесь, я всегда к твоим услугам.

Клео кивнула головой. Она в его услугах не нуждалась: такие мужчины никогда ей не нравились.

Рассел жил в роскошной квартире на последнем этаже с прекрасным видом на город. Клео бывала здесь на приемах, и квартира эта ей очень нравилась. Сейчас, когда никого не было, все выглядело как декорации к фильму.

Слуга впустил ее и провел в спальню с оранжевыми обоями. В туалетной комнате стояла огромная ванна, которая могла запросто вместить шестерых. Слуга молча показал ей, как включить подводный массаж. Затем провел Клео в комнату, и она осталась одна.

Комната для гостей была великолепна. Клео взглянула на названия книг, аккуратно сложенных на тумбочке. «Эротическое искусство». «История эотики». «Сексуальное

взаимопонимание». Улыбка появилась у нее на лице. Ну и Рассел! Он ее все больше разочаровывал. А где же стопка журналов «Плейбой»? Ну конечно, вот и они!

Она нажала кнопку магнитофона, и раздался голос Исаака Хейза.

Интересно, что делает сейчас Майк? Он наверняка уже приехал домой. Понял ли он, что она его оставила?

Может быть, ей следовало написать записку? Но нет! Пошел он к черту! Пусть побеспокоится. К тому времени, когда он начнет беспокоиться, она уже будет в Лондоне.

Клео хотела спать, но сон не приходил. Слишком активно работала голова, перед глазами постоянно возникала та дикая сцена. Он даже не захотел остановиться, просто смотрел на Клео, а точнее — сквозь нее и продолжал делать свое дело.

Какой подлец! Не пожелал лишиться маленького удовольствия. Сначала, мол, закончу, а потом поспорим.

Но она все-таки спутала ему карты. Теперь ему не с кем будет поспорить. А Майк ненавидит оставаться в одиночестве. Он обожает поговорить, этот мастер аргументов. Пусть подавится ими.

Да, пусть подавится. Пусть обсудит все с безмозглой Сьюзен.

Прошел почти час, потом дверь в спальню открылась и кто-то вошел на цыпочках. Она зажгла ночник и увидела Рассела.

— Я только хотел проверить, все ли в порядке, — томно сказал он.

Клео натянула простыню до подбородка.

— Все нормально, но я не могу заснуть. А почему ты так быстро вернулся?

— Беспокоился о тебе, думал, небольшая беседа не повредит.

— А где Флоринда?

— Я отослал ее домой.

— Из-за меня не стоило.

«Господи! — подумала Клео. — Кажется, он собирается со мной переспать».

Рассел присел на краешек кровати.

— Как тебе нравится комната? — поинтересовался он.

— Очень современная.

Рассел кивнул.

— Можешь жить здесь, когда вернешься из Европы.

— Ты так добр.

— Клео, ты такая красивая женщина и, кроме того, интеллигентная. Мы с тобою могли бы прекрасно поладить.

«Нет, не могли бы, — подумала про себя Клео. — Ты грызешь ногти». Вслух она сказала:

— Уже поздно, Расс, мне нужно попытаться немного поспать.

— Я знаю, что ты до сих пор любишь Майка, я не дурак. Но у нас могли бы быть другие отношения, более зрелые. Майк тебе не пара, ему еще взростеть и взростеть.

Он наклонился и поцеловал ее — умело и настойчиво. Бороться она не могла, потому что была раздета. Клео старалась двумя руками удерживать простыню, но он неожиданно и быстро взобрался на нее. Она сумела вовремя отвернуть лицо.

— Немедленно уходи, Рассел, пожалуйста.

Он ничего не слышал и только двигался по ней с плотно закрытыми глазами. Итальянский костюм в полоску, розовая рубашка и начищенные ботинки так и остались на

нем.

Клео неподвижно лежала под простыней.

В кульминационный момент Рассел пробормотал:

— Я всегда любил тебя, всегда...

Он задрожал, и Клео не могла не подумать об испорченном костюме.

Еще несколько секунд Расс лежал недвижно, потом встал, потихоньку выключил настольную лампу, пожелал спокойной ночи и исчез.

Клео вылезла из кровати и закрыла дверь. Она не знала, плакать ей или смеяться. Нечего сказать — подходящий конец этому сумасшедшему дню.

Глава четвертая

— Молодец, — сказал Джон. — Ты вела себя чудно. Завтра контракт на календарь Шумана будет у нас. Денег хватит, чтобы оплатить отпуск в этом году.

— Он так смешно смотрел на меня, — хихикнула Маффин. — Честно, иногда в одежде я чувствую себя более обнаженной, чем когда позирую голой. Он так пялился на меня.

Джон потрепал ее по коленке.

— Но ведь это тебя не беспокоит?

— Иногда у меня возникает странное ощущение...

— Малышка, твои сиськи знамениты, и всем ужасно хочется их видеть. Получай удовольствие, наслаждайся этим. Когда-нибудь, когда будешь старушкой, ты начнешь страшно сожалеть, что молодость...

— Джон...

Он обнял и поцеловал ее в губы. Она прижалась к нему.

Джон задрал голубую джинсовую юбку и просунул руки под плотные трусики.

— Очаровательная задница! — пробормотал он.

— У тебя холодные руки, — пожаловалась она, но не отодвинулась.

— Я сейчас стащу твои трусики, малышка.

Маффин вздохнула, голубые глаза расширились. Дурачась, она залепетала тоненьким голоском:

— О, пожалуйста, сэр! Я невинная деревенская девушка. Пожалуйста, не насилюйте меня.

Джон снял с нее трусики.

— Хорошо, деревенская девушка, пусти меня в свой лесок.

— Но, сэр...

Зазвонил телефон.

— Черт! — сказал Джон.

К аппарату подошла Маффин, на ходу застегивая белую блузку.

— Это твоя жена, — прошипела она, показав Джону язык, и вышла из комнаты. Он взял трубку.

— Джейн, что тебе нужно?

Они не жили вместе уже три года. Он был не против помогать детям, но упорно не желал содержать ее любовников.

Ей нужны были деньги. Ей всегда не хватало денег.

Джон купил жене маленький домик в Путни, давал двадцать пять фунтов в неделю и оплачивал все расходы на детей.

Джейн была отвратительной матерью. Джон встречался с детьми каждые выходные, и они всегда выглядели грязными.

— Присматривай за ними сам, если думаешь, что твоя куколка сделает это лучше, — орала Джейн, когда он пытался с ней поговорить.

Джон предпочел бы принять это предложение, но Маффин, конечно, не справится с двумя маленькими детьми. Она сама еще ребенок.

Дело шло к разводу, но мешали денежные затруднения.

Джон согласился прислать ей пятьдесят фунтов. Проклятая сука! Вот и вспоминай о

романтической любви. Никогда не женись молодым. А еще лучше — вообще никогда не женись.

Маффин сидела у трюмо и снимала искусственные ресницы. Он погладил ее по голове.

— Отвяжись! — пробормотала она. Звонки Джейн всегда портили ей настроение. Они напоминали о том, что Джон обещал развестись, но до сих пор так и не сделал этого.

Глава пятая

Майк Джеймс курил длинные тонкие черные сигареты. Они были лучше обычных сигарет и дешевле сигар. Он курил их еще и потому, что эти сигареты придавали его внешнему облику особый шарм: Майку всегда хотелось быть привлекательным и непохожим на остальных.

Ему было неприятно, что Клео поймала его со Сьюзен. Но иногда даже самые разборчивые мужчины не могут устоять против хорошей груди.

После того как Клео их обнаружила, Майк быстро избавился от Сьюзен. Она уходила с улыбкой и подмигнула ему:

— До скорой встречи, сладенький!

Да, эта Сьюзен была настоящей потаскухой. Единственное, что мужчина может доверить такой женщине, — это свое тело, да и то ненадолго.

Майк сожалел, что не дождался, пока Клео не уедет в Лондон. Но ведь он привык брать от жизни все и сразу: не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Он думал, если бы...

Если бы он закрыл на ключ дверь в кабинет...

Если бы он не отослал секретаршу за кофе...

Если бы Клео постучала...

Господи! Она никогда не приходила к нему в офис. А теперь, наверное, думает, что он только этим на работе и занимается.

Майк озабоченно ходил по кабинету. Конечно, Клео не понравится, что она застала его со своей подругой. Лучше бы на этом месте очутилась какая-нибудь незнакомка. И это было бы плохо, но...

Сьюзен уже давно к нему приставала. Они обедали на прошлой неделе, и когда он сказал «приходи ко мне на кофе», оба поняли, что это означает.

Одно дело, если жена просто узнает о твоей связи с женщиной, но совсем другое — если застанет на месте преступления: сценка не из приятных. Если, конечно, не предполагается секс втроем. Но Клео никогда не пойдет на это. Да и он не хотел, чтобы такое произошло.

Интимные отношения с Клео были красивыми, спокойными и полностью удовлетворяли его. Секс с другими женщинами был более грубым. Майк мог использовать их так, как не хотел использовать Клео. Он ведь переспал со Сьюзен просто для того, чтобы поразвлечься.

С Клео все было по-другому. Она пришла в его жизнь, когда он был доволен собой. Майк много работал и любил свое дело. Хорошая квартира, «феррари», куча подружек. Ну чем не мечта любого плейбоя?

Появилась Клео и показала ему, что все иллюзорно.

Она не хотела выходить замуж, ценила независимость и ничего у него не просила. После того как они прожили вместе полгода, именно он настоял на женитьбе.

— Если ты действительно любишь — докажи. Выходи за меня замуж, — сказал он тогда.

Они поженились, и все шло прекрасно. Он прожил четыре года с интеллигентной, красивой девушкой. Это был очень современный брак.

Неужели Клео не подозревала, что он изменял ей? Изменяют все. Она должна была это понимать. В то же время Майк никогда не подозревал в неверности свою жену.

Он был уверен, что Клео не будет его обманывать с другим мужчиной. Зачем? В сексе она была с ним счастлива. Он вообще сделал ее счастливой. Да он бы просто убил ее, если бы она ему изменила. Конечно, она на это не могла решиться.

Они часто обсуждали других женщин. Он говорил о тех, кто ему нравился, а потом вместе смеялись. Клео и сейчас смеется. Когда он вернется домой, она будет смеяться...

— У тебя нет вкуса, но это твоя проблема, — скажет она. Они все обсудят, пошутят, а потом займутся любовью...

«Да, — решил Майк. — Все будет именно так. Клео слишком умна, чтобы устраивать сцены ревности».

Может быть, лучше просто не упоминать об этом? Не обращать внимания, как будто ничего не случилось. Нет, ему это не удастся. Клео учинит допрос, она имеет на это право. А он был готов притвориться виноватым.

Ведь он ее любил и осязательно докажет это.

Может быть, и хорошо, что его поймали. Теперь надо остановиться. В сущности, его тоже больше устраивают отношения с одной женщиной.

Глава шестая

Клео почувствовала себя в безопасности только в воздухе, на борту самолета, по дороге в Лондон.

Пассажиров было мало, и она заняла кресло с краю. Среднее место оставалось незанятым, а возле окна сидел парень, в котором она узнала певца Шеп Стоуна. Он нервно прикладывался к фляжке и, как только они поднялись в воздух, закурил сигарету с марихуаной, спрятав ее за журналом.

Клео не хотелось разговаривать. К счастью, у него тоже не возникало такого желания.

Она чувствовала злость, унижение, отвращение. Какой подлец Рассел Хейз! Утром он вел себя так, как будто ничего не случилось, смеялся и говорил о делах. Они молча позавтракали. Клео не проронила ни слова. Но его это не смутило, и он настоял на том, чтобы проводить ее в аэропорт. Оплатил дополнительный багаж. Купил десять новых журналов и ужасную игрушечную собачку. Когда они расставались, он попытался поцеловать ее, но она отвернулась, и поцелуй пришелся в щеку.

— Прощая ночь была прекрасна, — прошептал он.

Ну что можно сказать такому мужчине?

Она попыталась улыбнуться на прощание. После долголетней дружбы она вдруг возненавидела его, улыбка получилась горькой.

— Не чувствуй себя виноватой, дорогая, — попытался успокоить Рассел. — Все образуется.

Господи! Какая эгоистичная свинья этот Рассел! Приятный, добрый, смешной старина Расс. Один из лучших друзей Майка. Вот уж действительно, он оказался лучшим другом. Так же, как и Сьюзен.

— Можно попросить ваш журнал? — спросил Шеп Стоун.

— Конечно. — И Клео положила все десять журналов на среднее кресло.

— Летите в Лондон? — поинтересовался он.

Какой глупый вопрос: ведь самолет направлялся именно туда.

— Да, — пробормотала Клео.

— Вы уже бывали там? — не отставал он.

— Да, — холодно ответила Клео. Почему в самолетах все мужчины думают, что женщины готовы завязать знакомство?

— Приятный город, — сказал он. — Я был там много раз. А вы из Нью-Йорка?

Клео повернулась и посмотрела на него.

— Послушайте, у меня ужасно болит голова. Вы не против, если мы посидим молча?

— Что?

— Возьмите журнал, пригласите стюардессу, все что угодно, но, пожалуйста, помолчите. — Она отвернулась, успев заметить обиженное выражение его лица.

Шеп Стоун был известным исполнителем романтических баллад, но не сумел добиться настоящего успеха. Ему было около тридцати пяти. Каптановые волосы и приятная улыбка. Конечно, он не Энди Уильямс, но идет той же дорожкой.

Клео закрыла глаза и постаралась вернуться к своим мыслям. Она ехала в Лондон, чтобы взять интервью под названием «Чего вы боитесь больше всего?» для журнала «Имидж». Необходимо написать о пяти известных киноактерах.

— Тебе придется общаться с потрясающими парнями, — сказал Рассел. — Нужно сделать все на высшем уровне, малышка.

Клео эта идея понравилась. Они умела брать интервью, но обычно имела дело с политиками и бизнесменами.

— Актеры какие-то самолюбивые, — возражала она поначалу. — И вообще, разве можно написать что-нибудь новое о тех, о ком писали уже триста раз?

Майк постарался ее ободрить.

— Все будет нормально. Тебе нужно поменять тематику. Все, что ты пишешь, слишком серьезно.

Вот Клео и согласилась. Платили хорошо. Она проведет пару недель в Лондоне, в отеле «Кэннет», сможет увидеться с матерью, а потом побудет несколько дней на юге Франции или в Риме.

— Вам не мешает, что я курю? — обеспокоенно спросил Шеп Стоун. — Если так, то извините. Обычно мне это не нужно, но я страшно боюсь летать. Правда, странно?

Клео терпеливо вздохнула. Она не умела грубить людям. На бумаге это просто, а лицом к лицу она терялась.

— Мне это не мешает. Просто я устала.

— Хотите выпить? Это помогает.

Клео кивнула. Лучше уступить. Самолет уже в воздухе, и Шеп намерен продолжать разговор.

Боже, сколько же он говорил! Всю дорогу через Атлантический океан. Она услышала о его карьере, трех женах, двух детях, финансовом положении, политических взглядах и, наконец, о его сексуальной жизни.

— Мне нравятся женщины, — объяснял он, — может быть, даже слишком нравятся. Я начал жить с ними с восемнадцати лет. Поздно, не правда ли? Но, во всяком случае...

Самолет вдруг попал в шторм, и это заставило Шепу замолчать.

— Ненавижу летать, — сказал он и потянулся к фляжке, одновременно нашаривая в кармане сигарету с марихуаной.

Самолет бросало, словно мячик для пинг-понга.

Шеп закурил и пару раз глотнул виски.

— Все бесполезно, — мрачно сказал он, — выпивка, наркотики. Все равно я трезв, как пилот.

Он предложил Клео сигарету с марихуаной, она взяла и глубоко затянулась. Наркотики нравились ей больше, чем выпивка. Они с Майком иногда выкуривали сигаретку вместе. Вдруг из динамиков донесся голос командира корабля.

— О Господи, — захрипел Шеп и вцепился в кресло. — Мы разобьемся.

Командир извинился за ужасную погоду, сообщил, что небо над Лондоном тоже плохое, и попросил всех пристегнуть ремни.

Самолет приземлился во Франкфурте.

— Сукин сын! — бурчал Шеп и нервничал, пока они наконец не приземлились.

Клео позвала стюардессу, и та сообщила, что они проведут во Франкфурте ночь. Клео была не против. Майк, конечно, будет звонить ей в Лондон. А она в это время будет во Франкфурте. Вот и замечательно! Пусть подергается. Пусть поволнуется.

Глава седьмая

Маффин и японка стояли спиной друг к другу. Они были одного роста, обе обнаженные и обе держали бокалы с шампанским.

— Прекрасно, девочки, — сказал Джон, настраивая камеру. — Эй, Анна, — позвал он ассистентку, — потри-ка им соски льдом. Нужно, чтобы они торчали.

Анна притащила ведро со льдом и натерла японку. Соски медленно возбудились. Маффин выставила грудь вперед.

— И мне, пожалуйста. Это заводит.

— Немножко наклонись, — скомандовал Джон. — Мафф, чуть согни правую ногу. Надо снять, как пенится шампанское. Вот так, прекрасно, дорогуша, прекрасно!

Работал он под песни Боба Уомака быстро и успокоился, только отсняв шесть пленок.

— Все, малышки.

Маффин зевнула и потянулась.

— Я устала. — И вместе с Камико, японочкой, пошла одеваться.

— Мы с Чарли разводимся, — сказала Камико, натягивая блузку и брюки.

— Какой ужас! — прокомментировала Маффин. — Вы же всего год как женаты.

— Один год и семь дней, — уточнила Камико. — Он не дает мне заснуть ни днем, ни ночью. Я больше не могу этого выносить.

— Так делают все мужчины, — мудро объяснила Маффин.

— Но не в таком же ритме!

Маффин хихикнула:

— Извини, Ка, но ты такая смешная. — Она влезла в узкие джинсы и свитер, а на нос нацепила солнечные очки.

— Какие красивые очки, — заметила Камико.

— Если нравятся — бери, — протянула их Маффин.

— Нет, я не могу.

Маффин настаивала.

— Магазин «Хэродс» благодарит за покупку, — хитро засмеялась она.

Джон еще работал, он фотографировал высокую блондинку в длинной прозрачной ночной рубашке. Маффин поцеловала его в щеку.

— Увидимся позднее, милый. — Она помахала высокой блондинке. — Руки прочь от него, Эрика, он занят.

У Маффин был впереди весь день. Такое случалось редко. Обычно у нее даже не было времени для ленча. Сейчас она могла выбирать, чем заняться. Можно пойти домой и повести собаку на прогулку в парк. Пройтись по магазинам. Или сходить в кино.

Кроме того, она могла заскочить в «Карусель» и пообедать. Там всегда полно знакомых, можно посплетничать, поболтать и узнать все последние новости.

* * *

— У вас с Маффин, как я вижу, стабильные отношения, — сказала Эрика.

— Сожми ноги, вот так, хорошо, молодец, — щелкал затвором Джон. — Да, мы живем

вместе.

— Удивительно.

— Правую ногу немножко вперед, не слишком. Отлично! А почему ты удивлена? — поинтересовался Джон.

Эрика пожала плечами.

— Никогда не думала, что такая девушка продержится около тебя долго.

— Ну, не будь сукой. Голову назад.

Эрика откинула голову.

— Разве я сука?

— Конечно, ты самая настоящая сука.

— Ты так не думал, когда мы вместе проводили время.

— Я переспал с тобой четыре раза несколько лет тому назад. Это вряд ли дает тебе право судить о том, с какой женщиной я должен провести остаток жизни.

— Джон Клептон, ты лжец! Это было шесть раз. — Она приняла соблазнительную позу. — Хочешь попробовать в седьмой?

— Ты замужем, Эрика.

— Ты тоже был женат в то время. Давай сравняем счет. Кстати, я развожусь.

— Благодарю за предложение, но увы. Будь добра, оденься в черную рубашку, пока я поменяю пленку.

— Подлец! — выпалила Эрика. — Ты просто боишься потерять свой хлеб с маслом. Что ты о себе воображаешь? Тоже мне, Джастин и Твигги!

— Заткнись и переоденься!

Джон прикурил сигарету. Джастин и Твигги! Смешно! Они с Маффин пойдут гораздо дальше.

* * *

В «Карусели» было полно народу, и Маффин устроилась между Джаном и Брэндой.

— Где пропадала, подружка? — спросила Брэнда. — Хочешь послушать мою новую песню?

— Как твой приятель? — поинтересовался Джан. — Тысячу лет его не видел.

— Все нормально, — ответила Маффин, хрустя кукурузными палочками. — А это кто? — Она показала на стройного блондина в кожаном костюме.

— Забудь о нем, — засмеялась Брэнда. — Я уже прошла через это. Он слишком маленький и быстрый.

Все расхохотались.

— Утром я работала с Камико, она разводится.

— Почему? Разве ее мужу разонравилась японская кухня? Между прочим, не пора ли погулять у тебя на свадьбе? — допытывалась Брэнда.

Маффин улыбнулась.

— Уже скоро, — пообещала она.

Джону пора шевелиться. Он слишком долго обещает развестись с женой. Если так будет продолжаться, то Маффин окажется в дураках, а ей так хотелось стать миссис Клептон. Миссис Джон Клептон.

Глава восьмая

— Успокойся, расслабься, — сказал Рассел Хейз. — Я знаю, что она прекрасный человек, но коль не суждено, значит, не суждено.

— Мне осточертела твоя дурацкая философия, — обиженно возразил Майк. — Господи Боже! Я просто переспал с похожей на бледную луну блондинкой, и это толкнуло Клео на такой шаг!

— Если бы у меня была такая жена, как Клео, — ехидно сказал Рассел, — мне не нужно было бы спать со всеми подряд.

— Ерунда! Ты женился три раза, да и теперь не пропускаешь ни одной юбки.

— Да, но я не был женат на Клео.

— Прекрати, Расс, а не то я подумаю, что между вами что-то есть.

Рассел потягивал вино из стакана и ничего не отвечал.

— Я ее не понимаю, — резко сказал Майк. — Уехать, даже не поговорив со мной! Она относится ко мне как к обычному приятелю! Черт возьми, я же ее муж! Она не имела права бросить меня без единого слова!

— А почему бы и нет?

— Что значит «почему бы и нет»? Она моя. Мы женаты. Мы связаны брачными узами.

— Но не сексуальными, — сухо прокомментировал Рассел, — во всяком случае, так оказалось.

— А ты на чьей стороне?

— Я прекрасно понимаю вас обоих. Но, если хочешь знать мое личное мнение, вы друг другу не подходите. Так что, может, все и к лучшему.

— Чушь! То, что случилось однажды, не может погубить мою семью.

Рассел пожал плечами.

— Возможно, выбирать придется не тебе. Ты так долго вертел хвостом, что тебя должны были поймать.

— Ты — классный друг, очень понятливый. Послушай, когда я смогу найти ее и поговорить, все уладится.

— Очень надеюсь на это, — неискренне сказал Рассел, — действительно надеюсь. Но, зная Клео, я бы на твоём месте на это не рассчитывал.

— К чему эти змеиные подколки? Если кто-то действительно знает Клео, так это я.

— Может быть, ты не знаешь ее настолько хорошо, как тебе кажется.

— Господи, Рассел, что с тобой? Можно подумать, что ты рад тому, что произошло.

— Чему быть, того не миновать, — изрек Рассел.

— Да. И я объясню тебе, что будет. Я найду ее, поговорю, и все образуется.

Майк поехал домой. Ехидная улыбочка и высокопарные слова Рассела доконали его. Что он вообще понимает в серьезных отношениях? Три развода ничему его не научили.

Майк еще раз вызвал «Кэннет». Миссис Джеймс не приезжала.

Он скучал без нее. В квартире было пусто. Внимательно посмотрел на свадебную фотографию в серебряной рамке. Клео. Это лицо. Эти глаза. Это прекрасное, стройное тело с гладкой кожей. Длинные ноги. Маленькая ступня. Аккуратные ручки. Все в ней было высшего класса. Майку это нравилось. Она никогда не была вульгарной.

Впервые они встретились в Лондоне и почувствовали друг к другу влечение. Их

познакомили, они погрузились в светскую беседу, пожирая друг друга глазами, которые вели свой тайный разговор.

Позднее, после вечеринки и выпивки на дискотеке он предложил ей поехать в отель. Клео вежливо отказалась.

Майк приготовился ждать. Всегда нужно играть, соблюдая определенные правила, прежде чем тебя впустят в кровать. Он понимал. Он ждал.

Когда они стали любовниками, она переехала к нему в Нью-Йорк. Это было временное соглашение: Майка не могло удовлетворить ничто, кроме женитьбы.

Но что-то не заладилось, и он оказался в постели с другими женщинами. Это началось через три недели после свадьбы.

Майк понимал, что нравится женщинам, и даже очень. Он не мог вспомнить, сколько их было у него, но явно много. В памяти остались лишь некоторые. Фэнни, потому что она заразила его триппером. Брук, потому что ей было шестнадцать и она забыла рассказать об этом до того, как они забрались в постель. Линда, потому что забеременела и требовала тысячу долларов на аборт. Ну и, конечно, Сьюзен, лучшая подруга Клео.

Секс с Клео был потрясающим, идеальным. Но ему хотелось делать то, что он не мог позволить себе с ней. Она была не сожительницей, а женой, и относиться к ней следовало соответственно. Он не хотел утомлять ее, поэтому и обратился к другим женщинам. Это вошло в привычку — как курение; он не в силах был отказаться ни от Клео, ни от любовниц.

До последнего раза ему все сходило с рук. Клео ни о чем не знала, и ей было хорошо. Теперь он чувствовал вину, но только потому, что, к несчастью, его поймали. Жизнь без Клео не может быть полной. Она нужна ему. Он хотел ее. Он всегда хотел ее так же сильно, как и в первый день.

Но где же она? Как могла она так поступить по отношению к нему?

Это несправедливо. Почему она оставила его? Клео прекрасно знала, что ему нужно объясниться, поговорить.

То, что она не захотела этого, уже было достаточным наказанием.

Он со злостью поднял трубку и в который раз набрал межгород:

— Я хочу поговорить с Лондоном. Миссис Клео Джеймс...

Глава девятая

Во франкфуртском отеле все было организовано по-немецки добротнo. Вечер только начинался. Клео немножко выпила, выкурила сигарету и почувствовала себя значительно лучше.

Шеп Стоун стал абсолютно другим человеком, как только их самолет коснулся земли. В аэропорту при помощи одного только звонка он смог заказать для них персональную машину. В отеле Шеп предложил:

— Встретимся в восемь часов, в баре.

Он не сомневался, что ужинать они будут вместе.

Клео долго лежала в ванной, вымыла волосы, но не высушила их феном, и они черными завитушками обрамляли лицо. Чтобы распрямить их, ей обычно приходилось долго расчесывать волосы щеткой. Сейчас ее не волновало, как она выглядит. Пусть Шеп воспринимает ее такой, какая она есть.

Клео надела шелковую блузку и полосатый пиджак, сшитый в Нью-Йорке. С цепочки свисал нефритовый рожок, подаренный Майком на прошлое Рождество, пальцы украшали кольца из слоновой кости и нефрита.

— Потрясающе выглядите, — сказал Шеп в баре.

На нем была странная серая куртка, вся прошитая шнурками, которую он любовно называл «одеждой для гуляк».

Они пообедали в ресторане на крыше, там была прекрасная кухня и кошмарное кабаре.

Шеп старался развлечь ее и был очень внимателен. Она понимала, что в конце вечера обязательно последует приглашение выпить в его номере, и решила, что согласится.

Почему бы и нет? Когда ей придется обсуждать их проблемы с Майком, счет должен быть равным. Шеп Стоун — привлекательный мужчина, так что — око за око.

Он, естественно, пустился в длинные разговоры.

— Может быть, выпьем на посошок в моем номере? — предложил он.

«Мог бы и прямо сказать: не переспите ли со мной?» — подумала Клео.

Они спустились на лифте, Шеп позвонил из номера и заказал шампанское.

«Во всяком случае, он ухаживает с шиком», — подумала Клео, с улыбкой вспомнив, как однажды Майк откупорил бутылку шампанского и вылил содержимое на Клео, сказав, что поцелуями пить приятнее. Она улыбнулась своим воспоминаниям, а Шеп воспринял это как сигнал к атаке. Он стащил с себя куртку, крепко обнял Клео и начал целовать. Долго и грубо. Это напомнило ей о Расселе и неприятностях вчерашнего вечера. Клео вырвалась.

— Что случилось? — обиженно спросил Шеп. — У меня что, изо рта плохо пахнет?

Зачем он так сказал? Клео поняла, что никогда не ляжет в постель с мужчиной, который задал подобный вопрос.

— У меня страшно болит голова, — попыталась оправдаться она. Головная боль — вполне уважительный предлог.

Клео думала, что ее отговорка его образумит, но не тут-то было! Шеп внезапно расстегнул брюки и настойчиво потребовал от нее ласки.

Клео была в ярости. Господи! Сразу двое за одни сутки! Она ринулась к двери и выбежала, чуть не столкнувшись с официантом, который нес шампанское.

У себя в комнате она немедленно позвонила в кассу аэрофлота:

— Я не полечу завтра утром в Лондон. Зарезервируйте билет на первый самолет в Париж, а оттуда — на любой рейс до Лондона.

Пусть Шеп Стоун дрожит всю дорогу в гордом одиночестве.

Глава десятая

Воскресный обед с семьей Маффин всегда проходил скучно, и даже добродушная Маффин покидала родительский дом в мрачном настроении.

Маленький, аккуратный, добропорядочный домик в Уимблдоне, где выросла Маффин.

Мамочка, полненькая, молодящаяся, с натруженными руками и растрепанными кудрями. Честный и общительный папочка. Бен и Джози — близнецы десяти лет от роду. Пэнни, сестричка, которая была моложе Маффин на восемь минут. И муж Пэнни Джеф.

У Маффин были натянутые отношения с Пэнни и ее мужем. Когда Маффин было пятнадцать, она несколько раз бегала на свидания с Джефом. А потом он исчез. Спустя несколько месяцев Пэнни привела его домой и объявила, что они решили пожениться. Маффин это привело в неистовство. Родная сестра увела парня прямо у нее из-под носа! Маффин так и не простила Пэнни и Джефа и не захотела быть подружкой на их свадьбе. Вскоре она встретила Джона и переехала к нему.

Маффин стала знаменитостью, а Пэнни — матерью пухленького ребенка. Теперь она ждала второго. Отношения между сестрами по-прежнему были неважными. Пэнни отрицательно относилась к тому, что ее сестру фотографируют в обнаженном виде, считала это занятие отвратительным и никогда не упускала случая напомнить:

— Мы с Джефом не богачи, но он предпочитает, чтобы я умерла, нежели раздевалась на людях.

Джеф по этому вопросу не высказывался. Ему нравилось, что у жены такая знаменитая сестра.

Маффин, в свою очередь, обожала критиковать внешность Пэнни:

— Ты слишком толстая. Почему волосы в беспорядке? Если поставить коронки на передние зубы, ты выглядела бы значительно лучше.

Обычно Пэнни злобно отвечала:

— Как жаль, что у нас в роду у всех женщин толстые ноги. И с этим ничего не поделаешь.

Маффин была вынуждена признать ее правоту. Отличная грудь, симпатичное лицо, тоненькая талия, приятная попка, но, действительно, полноватые ноги. Однако никто этого, казалось, не замечал.

На обед обычно подавали тушеное мясо с пересоленным соусом, подгоревшую жареную картошку и зеленый горошек. Когда-то Маффин обожала все эти кушанья. Тогда она еще не имела привычки обедать в лучших лондонских ресторанах.

Одна из газет заказала материал о семье Маффин. Все обрадовались, кроме Пэнни, которая согласилась сфотографироваться только за плату. Джон решил выплатить деньги из своего кармана, так как снимок семьи без двойняшки Маффин мог показаться странным.

В комнате стояли чемоданы с одеждой. Джинсы и куртки для Джози и Бена. Спортивная одежда для отца. Шелковое платье для мамы. Наряд для беременной Пэнни. Длинное, с глубоким вырезом, покрытое рюшами и оборками ситцевое платье — для Маффин. В последнее время ей заказывали фотографии не только в обнаженном виде.

После обеда вся семья пошла переодеваться, а Джон начал готовить аппаратуру. Он бы предпочел снимать в студии, но газета заказала снимки в доме.

Джеф наблюдал за ним, а двухлетний ребенок путался под ногами. Хотя Джеф с

Джоном были примерно одного возраста, но, не имея общих интересов, почти не общались. Джеф работал мойщиком окон и был доволен собой. Его единственная мечта состояла в том, чтобы открыть собственную фирму, но дальше планов он не шел и ничего не делал, чтобы осуществить свою мечту.

— У тебя столько аппаратуры, — отметил Джеф. Он был немного выше Джона и чуть полнее его.

— Да, — кивнул Джон и мысленно выругал себя за то, что не привел ассистента.

— А вот мне нужны только ведро и тряпка, и я могу работать.

— Здорово, — пробормотал Джон, устанавливая экран возле одного из прожекторов.

— Вот уж не думал, что нужно столько всего, чтобы сделать пару снимков.

Джон даже не удосужился ответить. Боже, если они с Маффин поженятся, этот тип станет его родственником. Этого только не хватало. Неужели Маффин встречалась с Джефом?

— Застал одну пташку в ванной вчера, — весело сообщил Джеф, — причем, мне кажется, ей это понравилось. Она знала, что я в доме. Все время застаю девочек в трусиках и лифчиках. При желании можно хорошо порезвиться. Вчерашняя малышка...

Джон отвернулся.

Такого рода разговоры его не интересовали. Маффин сказала ему, что у них с Джефом ничего не было. А если и было, разве ревновал бы он? Нет, решил Джон, прошлое есть прошлое, даже если оно напоминает о себе.

Вбежала Маффин.

— Я готова, — объявила она.

За ней потянулась семья. Каждый с достоинством нес бремя свалившейся на них славы.

— Ох! — воскликнул Джеф. — Вы все потрясающе выглядите!

Пэнни зло уставилась на него.

— Этот наряд ужасен, — пожаловалась она. — Брюки слишком длинные.

— Ты мило смотришься, — постарался успокоить ее Джон и принялся усаживать всех для снимка.

Это было непросто. Все лезли не в свое дело. Пэнни продолжала ныть, а ребенок заплакал.

Джон молча поклялся больше никогда не братья за подобное. Ему вполне достаточно одной Маффин.

Дома, когда они уже лежали в постели, Джон спросил Маффин:

— Как ты умудрилась встречаться с таким чучелом?

— С кем?

— Да с твоим родственничком.

— О, с Джефом, — хохотнула Маффин. — Он очень симпатичный.

— Симпатичный?

— Во всяком случае, был таким. Но сейчас все по-другому. Сестра его запилила, и он превратился в зануду.

— Ты с ним спала?

— Что? — На Джона в упор смотрели большие девичьи глаза.

— Не притворяйся дурочкой, толстая задница.

— Не называй меня толстой задницей!

— Почему? Это что, эрогенная зона? Давай попробуем! — Джон грубо схватил

Маффин. На ней была короткая ночная рубашка. Он разорвал ее.

— Свинья! — Она ударила его ногой. — Рубашка стоила пять фунтов.

— Я заплачу.

— Если бы с тобой не было так хорошо, я бы тебя возненавидела.

Глава одиннадцатая

Лондонскую погоду в июне предсказать невозможно. Иногда холодно, иногда жарко и душно.

Клео как раз попала в Лондон в жару.

Аэропорт Хитроу пребывал в хаосе из-за террористов. Такси не было.

Она поехала в центр города на автобусе, изнемогая от духоты в строгом костюме, который оказался слишком жарким для лондонской погоды.

Сколько трудов потрачено только для того, чтобы сбежать от этого идиотского певца! Надев темные очки, Клео любовалась из окна автобуса видами Лондона.

Каждая свободная лужайка была усеяна полуобнаженными телами. Бизнесмены в помятых брюках и рубашках с закатанными рукавами. Секретарши в немодных мини-юбках и свитерах, через которые виднелись бретельки лифчиков. Длинные ноги. Короткие ноги. Волосатые ноги. Все что угодно.

У Майка были красивые для мужчины ноги — длинные, прямые, покрытые черными волосами.

Клео не могла сдержать улыбки, вспомнив о том, как Майк любил ходить голым по квартире. Мужчины выглядят такими беззащитными без одежды.

— Мне нравится твой стиль, — любил говорить о ее манере одеваться Майк.

— А мне нравится видеть тебя голым, — отвечала ему Клео.

Автобус с трудом добрался до Брэмpton-роуд. Клео чувствовала усталость, последние дни прошли в спешке. Она хотела помыться, сходить к парикмахеру, разобрать свои вещи и позвонить старым друзьям. Прийти внезапно и удивить мать. Побродить по магазинам. Она не была в Лондоне уже четыре года.

В отеле ее ждало множество известий. Пять раз звонил Майк, дважды — Рассел Хейз и один раз — Джинни Сэндлер.

В номере стояли цветы от Шепа Стоуна, а в них — записка с извинениями. Зачем она говорила ему, где остановится?

Клео сняла костюм и пошла под душ. Внезапно она почувствовала возбуждение. Что вызвало его? Жара или воспоминание о неверном муже?

Майк всегда говорил, что ее заводит теплая погода. Последний раз они занимались любовью на прошлой неделе. Но слишком скучно и быстро.

— Давай съездим в Пуэрто-Рико на следующей неделе, — сказал тогда Майк. — Немножко отдохнем и позагораем.

— Подожди, пока я вернусь из Лондона, — ответила Клео.

Зазвонил телефон, но Клео не подошла. Не хотелось ни с кем разговаривать. Кто бы это ни был — перезвонит.

Она надела брюки, шелковую блузку и связала волосы в пучок. Потом разобрала вещи, думая о том, что ее гардероб не соответствует столь жаркой погоде.

Она почувствовала себя лучше, разобрав одежду, разложив все предметы туалета, записные книжки и диктофон в строгом порядке.

— Ты такая педантка, — всегда посмеивался над ней Майк. Он постоянно разбрасывал вещи, а в ванную после него вообще зайти было нельзя.

Интересно, как будет выглядеть квартира после ее трехдневного отсутствия?

Единственное, что Майк привык мыть, так это свой «феррари».

— Я люблю тебя, — однажды сказал ей Майк, — потому что ты единственная девушка, которая моет мою зубную щетку.

— Старый английский обычай, — ласково ответила ему Клео.

Когда Клео еще не была замужем и жила дома, ей ничего убирать за собой не приходилось. Английская семья среднего достатка могла позволить себе нанимать служанок, которые следили за Клео. Она была единственным ребенком, так же, как и Майк. Такая же испорченная, как и он. Потом, в восемнадцать, она удрала, чтобы выйти замуж за грубого повесу, который был уверен, что нашел богатую наследницу. Вот тогда Клео всему и научилась. Не было слуг, которые могли бы прибираться в их бедном жилище.

Хватило года, чтобы Клео научилась жизни. В девятнадцать она развелась и начала писать для журналов. За пару лет появилась хорошая репутация и много работы.

Она встретила Майка на пресс-конференции, когда брала интервью у английской поп-группы, которую представляла ее компания. Майк приехал в Лондон, чтобы заняться их рекламой.

В это время у Клео был роман с очень привлекательным диск-жокеем, который хотел жениться на ней. А Майк был занят с целой вереницей красивых девушек. Они встретились и уже больше не расставались. Клео уехала с ним в Америку, была представлена Расселу Хейзу.

— Мы будем жить вместе вечно, — сказал Майк в первую брачную ночь. — Только вдвоем.

Опять зазвонил телефон, и Клео нерешительно подняла трубку.

— Слушаю...

— Клео? Наконец-то. Вы получили мои цветы? Может, пообедаем вместе?

— Кто это?

— Шеп, малышка. Шеп Стоун.

Клео вздохнула. Уступи — и они примут это как должное, убегай — и они обязательно последуют за тобой.

— Извините, — сказала она, — но мне вообще не нравится, как вы относитесь к женщинам.

Глава двенадцатая

— Черт! — воскликнул Майк Джеймс. — Куда подевалась Клео?

Он схватил кожаную куртку и выбежал из квартиры. «Без завтрака, без любви — такая жизнь не для мужчин», — думал Майк.

Он спустился на лифте в гараж. «Феррари» стоял чистенький и сверкающий. Ему уже девять лет, но автомобиль как новый, пятисотая модель, суперскоростная.

Майк любовно постучал по капоту, забрался в машину, завел двигатель и расслабился. Несмотря ни на что, у него оставалась эта прекрасная игрушка!

Он поставил пленку с записями новой группы и помчался на работу, ловко лавируя между автомобилями на переполненных нью-йоркских улицах.

Майк думал о Клео. Он вспоминал, как они в последний раз занимались любовью. Быстро, но сладко. Он был доволен. А она? Может быть, стоило потратить больше времени на подготовку? Поначалу Клео вела себя как-то заторможенно, но потом тоже завелась. Она не притворялась. Майк умел определить, когда женщина играла.

Компания «Хэмптон рэкордс» располагалась в здании из бетона и стекла, по этажам то и дело сновали секретарши в джинсах и бородатые молодые люди. Все называли друг друга по имени, от мальчишки, который разносил почту, до Эрика Б.Б. Хэмптона, президента и основателя «Хэмптон рэкордс».

Майк поспешил в его кабинет.

Б.Б. посмотрел на большие золотые часы и прокомментировал:

— Опять опоздал!

— Пошел к черту! — живо отозвался Майк.

— Ну, малыш, как ты можешь!

Секретарша принесла черный кофе для Майка и большой стакан шоколадного коктейля с ромом для Б.Б.

— Будь хорошей девочкой, сбегай в бар и принеси мне поесть.

Секретарша посмотрела на него с укоризной.

— Но Мэри Эллен запретила мне это. Она велела не давать вам еды до половины первого.

Мэри Эллен была подружкой Б.Б.

Б.Б. взял часы и перевел стрелки на нужное время.

— Ну как, умница? Теперь все в порядке? Не забудь принести вишен. — Он почмокал губами и уставился на Майка. — Я обожаю спелые вишни, а ты?

Майк ухмыльнулся и покачал головой.

— Послушай, — сказал Б.Б., — дело вот в чем. Если рекламная кампания сработает, а фирма «Кассади» не вмешается, мы сможем протолкнуть поездку Маленького Марти в Европу. Думаю, что время пришло.

— Да, — сказал Майк, — это полезно для новой пластинки. Все рассчитано правильно.

— Хотел удостовериться, что поедешь, прежде чем дать делу ход. Очень важно лично проследить за всем.

Майк кивнул головой.

— Нет ничего такого, что бы я не мог отложить. Когда?

— Чем скорее, тем лучше. О дате договоримся сегодня, но чуть позже.

— Хорошо.

Майк первым открыл талант Маленького Марти Перла.

— Нам надо завоевать рынок для малолеток, — инструктировал Б.Б. своих служащих в прошлом году. Майк занялся поисками и нашел Маленького Марти. Он заметил его во время телевизионной рекламы, внешность парня ему понравилась. Майк с радостью обнаружил, что у мальчишки был голосок, который очень нравился маленьким девочкам. В принципе голос значения не имел. Самое важное — внешность, а Марти выглядел прекрасно. Среднего роста, с влажными карими глазами, веснушками, светлыми волосами и отличными зубами. Они объявили, что Маленькому Марти Перлу шестнадцать, хотя на самом деле ему шел девятнадцатый год, что, конечно, держалось в строгом секрете. Марти удалось записать несколько ставших популярными пластинок, и в Америке его считали звездой. Диски Марти еще не вышли на европейский рынок, но в «Хэмптон рэкордс» надеялись, что новый альбом «Только для подростков» завоюет его.

Майк улыбнулся. Ему будет легче убедить Клео вернуться, когда он неожиданно появится в Лондоне.

Глава тринадцатая

— Мы всего добились, Мафф, — прокричал над ухом спящей Маффин Джон, размахивая контрактом. — Это пришло утром, и тебе нужно только подписать.

Маффин зевнула и протерла глаза. А Джон уже искал ручку.

— Я знал, что нас наймут, как только увидел этого Клауса, разглядывающего твои фотографии. Я все рассчитал точно. Снимки, чуть позже появляешься ты. Все четко! Подпиши здесь.

— Мне надо в туалет, — сказала Маффин ноющим голосом, не обращая внимания на бумаги, которые подал ей Джон. Она вылезла из кровати и пошла в ванную.

Джон сидел и опять рассматривал контракт. Какой он молодец!

В ванной Маффин ополоснула лицо холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Это тело рекламировало тысячи вещей! Она показала язык. «Без косметики я ужасно похожа на свою сестру», — подумала Маффин.

— Давай, Маффин, — позвал Джон, — мне нужно отослать контракт.

Маффин вышла из ванной.

— Джон, — ласково сказала она, — а как с разводом?

— С чем? — переспросил он.

— С разводом, — медленно, нарочито отчетливо произнесла Маффин.

— Ты же знаешь о наших проблемах.

— Да. Деньги, не так ли?

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Зачем беспокоиться о деньгах? Их будет много, если я подпишу это.

— Верно.

— Ну так вот, разберись с Джейн и дай ей все, что она захочет.

Джон вскипел.

— Ты же знаешь, что это невозможно. Она просит пятьдесят фунтов в неделю, дом плюс оплату расходов на школу, врачей и так далее.

— Если я подпишу, мы можем себе это позволить.

— Да, на пару месяцев. А развод — на всю жизнь. Никто не знает, сколько я смогу заработать в следующем году.

У Маффин сузились глаза.

— Я устала ждать. Так не может больше продолжаться. Я хочу, чтобы ты разобрался с ней. Постарайся все уладить. Мы должны пожениться. Ты обещал, что мы поженимся. Я ничего не подпишу, пока ты не решишь вопрос с Джейн.

— Послушай, Мафф, перестань упрямиться, это глупо.

Маффин опять забралась в постель.

— Я не шучу. И меня больше не надуешь. Пока ты не принесешь бумаги от юриста, я ничего не подпишу.

Джон нахмурился. Она поймала его и прекрасно понимала это.

— Послушай, Мафф... — начал он.

Не желая выслушивать его отговорки, она спрятала голову под простыней.

Джон знал, что проиграл.

Глава четырнадцатая

Батч Кауфман был первым, у кого Клео собиралась взять интервью. Блондин с голубыми глазами, он олицетворял американский сексуальный символ и добился славы, сыграв главную роль в большом телевизионном сериале.

— Как будто провел шесть лет в тюрьме, — говорил он об этом фильме.

В двадцать шесть лет он уже сыграл в шести популярнейших фильмах. За это время Батч разошелся с двумя женами. «Никогда не женитесь на актрисах», — не уставал повторять он.

Сейчас Кауфман снимался в Англии, и Клео встретила с ним в студии в день приезда в Лондон.

Дама, которая отвечала за контакты с прессой, организовала ленч, и, конечно, в ее планы входило поучаствовать в нем, но Клео с подчеркнутой вежливостью объяснила, что во время беседы она ни в чьем присутствии не нуждается.

Дама была явно недовольна, но журнал «Имидж» слыл слишком популярным, и ей не хотелось вмешиваться. Она суежилась вокруг Батча, усаживая его в кресло, а затем с неохотой покинула их, успев прошептать ему что-то на ухо.

— Что она сказала? — спросила Клео.

— Она сказала, что вы едите киноактеров на завтрак.

— Ну, тогда вам просто повезло, что мы не встретились за завтраком, — улыбнулась Клео.

Батч засмеялся: лед тронулся.

Клео включила диктофон.

Через полтора часа они расстались друзьями.

— Сколько вы здесь пробудете? — поинтересовался Батч.

— Всего неделю.

— Может быть, поужинаем как-нибудь вечером?

— Возможно, — кивнула Клео. Он, конечно, не супермен, но приятный малый.

В студийной машине по дороге в отель она прокрутила пленку. На ней было много интересного, этот Батч — довольно занятная личность.

Она наняла на время секретаршу и попросила ее сделать перепечатку с пленки. Когда материал будет готов, Клео выберет лучшее и напишет интервью.

— Ваш муж звонил из Америки, — сказала секретарша. — Пожалуйста, свяжитесь с международной телефонной станцией.

— Сейчас мне необходимо уйти, — ответила Клео. — Если позвонит еще раз, скажите, чтобы нашел меня завтра.

Она взяла такси и поехала к площади Итон. В четыре часа мать ждала ее к чаю.

* * *

Стелла Лоренс выглядела совсем неплохо для своих сорока восьми лет. У нее были красиво причесанные короткие светлые волосы и худые стройные ноги.

Мать приветствовала Клео вежливым поцелуем в щеку.

— Рада видеть тебя, дорогая.

Когда отец Клео умер от сердечного приступа семь лет назад, Стелла очень удачно вышла замуж за греческого судовладельца. Она была рада, что ее двадцатидевятилетняя дочь уехала жить в Америку.

— Ты прекрасно выглядишь, — произнесла обязательную фразу Клео.

Стелла отчужденно улыбалась.

— Неужели, дорогуша? Я уже старушка. Сама удивляюсь, как все еще держусь.

Вдруг Клео поняла, что Стелла сделала пластическую операцию. Швов видно не было, но Клео заметила перемену.

— А как дела у Никаи? — спросила она.

— Как всегда занят. Он хотел увидеться с тобой, но вынужден был улететь в Афины.

— Как жаль. — Клео вдруг почувствовала себя непривлекательной простушкой. Так она чувствовала себя всегда в присутствии матери.

— А как Майк? — поинтересовалась Стелла. — Он приедет сюда?

Клео подумала: «Хорошо было бы иметь такую мать, которой можно все рассказывать». Но Стелла не поймет, она никогда ее не понимала. В мужчинах ей нравились только деньги и преклонение перед ней, Стеллой. Стелла никогда не интересовалась мужчинами как личностями.

— Я не думаю, что он приедет. Ты же знаешь — много работы.

Служанка в форменном платье прикатила столик с чаем.

Клео неожиданно для себя съела все бутерброды и три пирожных, в то время как Стелла просто цедила чашечку лимонного чая.

— Станешь толстой, дорогая, — равнодушно заметила Стелла.

Клео подумала, что пора уходить. Стелла вызывала у нее комплекс собственной неполноценности.

Позднее Клео написала о Батче Кауфмане. Материал ей понравился — острый и с юмором. Она решила проверить, какое впечатление он произведет на ее старую подругу Доминик Ласт, с которой она собиралась встретиться вечером. Они не виделись четыре года, и Клео хотела познакомиться с мужем Доминик Дайаном. Доминик говорила о нем как об умном и красивом мужчине. Он был израильским бизнесменом, они жили в собственном доме в Хэмпстеде и имели полуторагодовалого ребенка.

Доминик, маленькая женщина с копной рыжих вьющихся волос и полными, соблазнительными губами, как всегда, прекрасно выглядела. Они встретились в баре отеля и обнялись.

— Покажи мне фотографии ребенка, — попросила Клео.

Доминик обернулась к мужу.

— У тебя есть снимки?

Он покачал головой.

— О Господи! Как ты глуп! — воскликнула она, и Клео заметила, что они обменялись злыми взглядами.

— Я думаю, мы поужинаем в ресторане, — сказала Доминик за рюмкой аперитива. — Клео, ты чудно смотришься. Мне ужасно нравится твоя прическа.

Волосы Клео беспорядочно вились, потому что не хватало времени сходить в парикмахерскую.

— Слишком много завитков. А к какому парикмахеру ты сейчас ходишь? Я чувствую себя иностранкой дома.

— К Кристине. Она настоящий мастер. И обязательно понравится тебе. Я умираю от нетерпения, расскажи мне, какой из себя Батч Кауфман? Он ведь потрясающий?

Клео задумалась. Доминик так изменилась. Стала какой-то неестественной. Клео решила не доставать интервью с Кауфманом, которое лежало у нее в сумке.

— Вполне приятный, но обыкновенный.

— Обыкновенный! — Доминик задохнулась от смеха. — Ну, это уж слишком, ты много на себя берешь!

«И ты тоже», — подумала Клео.

— Пора идти, — сказал Дайан. — Наш столик могут занять.

— Сходи за машиной, дорогой, встретимся на улице.

Как только Дайан скрылся из виду, Доминик сразу же поделилась:

— Боже! Какой он скучный! Не пойму, что с ним произошло. Хочется заорать. Я серьезно думаю о разводе.

Клео была удивлена.

— Но ты казалась такой счастливой...

— Счастливой? — перебила ее Доминик. — С кем? Его интересуют только ребенок и телевизор. Именно в этой очередности. Ему наплевать на то, что я думаю или чувствую.

— Но вы женаты так недолго.

— Да, но у меня никогда не было такого секса и вообще счастья, как у тебя с Майком. Я сыта, Клео, сыта по горло.

— Машина ждет, — вновь появился Дайан.

В ресторане к ним присоединился лучший друг Дайана, худой интеллигентный мужчина по имени Исаак. В течение всего вечера Доминик разговаривала только с ним. Клео попыталась завязать вежливую беседу с Дайаном, но красноречивые чувственные взгляды, которыми обменивались Доминик и Исаак, были слишком откровенными и ставили в неловкое положение и Клео, и Дайана.

Клео почувствовала облегчение, когда наконец рассталась с ними и вернулась в отель.

Она лежала в постели и думала о своем браке с Майком. Слава Богу, они не дошли до того, чтобы обзывать друг друга на людях.

Клео вздохнула. Видимо, пришло время поговорить с Майком. Пора все уладить.

Глава пятнадцатая

С поездкой было решено. Он вылетал из аэропорта Кеннеди на следующий день. Майк чувствовал себя уверенно. Все образуется. Он управится с делами, а потом вместе с Клео проведет немного времени в Лондоне. Так романтично встретиться в городе, где произошло их знакомство. Майк принял душ и, расхаживая нагишом по квартире, собирал вещи.

В дверь позвонили. Он завернулся в голубое полотенце и пошел открывать. Это, наверное, Рассел, хочет поговорить.

Перед ним стояла лучшая подруга Клео — Сьюзен: большая грудь, густые светлые волосы. Неудачливая актриса.

— Майк! — сказала она хорошо поставленным голосом и быстро вошла в квартиру. — Я так расстроена, так разбита!

Он потащился за ней в гостиную. Сьюзен взяла пачку сигарет и закурила.

Интересно, как ей удастся ходить по городу и не подвергаться постоянным арестам. Гигантская грудь и абсолютно прозрачная белая блузка.

— Я не хочу разбивать вашу семью, — ныла Сьюзен, и из ее накрашенных глаз текли слезы. — Клео — моя подруга, моя лучшая подруга.

— Ну? — лениво вставил Майк.

— Я не из тех, кто мешает браку, — сказала Сьюзен. — Это не входило в мои планы.

«Нет, — думал Майк, — ты просто любишь мужчин. А почему бы и нет? В этом нет ничего зазорного. Главное, чтобы не поймали».

— Ты ничьей семьи не разбила, — спокойно ответил он.

— Не разбила? Но я думала, что Клео ушла от тебя.

— Она просто уехала в командировку. Все нормально. Клео умница, она все понимает.

— О! — Сьюзен опешила. — Но я слышала...

— Никогда не верь слухам.

— Но Джинни сказала мне, что между вами все кончено. А мне бы не хотелось быть причиной чего-то трагического.

— Мы выбрали не то место и не то время.

— Наверное. — Сьюзен перебирала пальцами свои волосы. — Но все было прекрасно?

«Конечно, все было именно так, пока Клео не появилась в двери», — подумал Майк.

На Сьюзен была короткая юбка, а под ней — ничего, кроме чулок и пояса. Майк ощутил желание. Она мгновенно это заметила. Он вспомнил ее тело, такое зрелое и аппетитное.

Сьюзен облизала полные красные губы.

— Жаль, что ты женат, — сказала она гортанным голосом.

Майк сбросил полотенце.

— Будь хорошей девочкой, сними все, кроме чулок и туфель.

Сьюзен понимающе улыбнулась и встала.

Как в профессиональном стриптизе, она сняла юбку и блузку. В конце концов, он уже поссорился с Клео из-за Сьюзен. Еще один раз ничего не изменит.

Потом Сьюзен попросила сигарету. Майк оделся и побежал в магазин. Он чувствовал себя обновленным и надеялся, что вскоре сможет избавиться от Сьюзен. Она похожа на торт с кремом, который очень хочется, когда видишь, но после того как попробуешь, начинает тошнить.

Боже, что с ним происходит? Почему он не может насытиться?

Когда Майк вернулся, Сьюзен, к его удивлению, уже оделась и была готова уйти.

— Ну ты и сукин сын! — сказала она. — Клео звонила из Лондона. Мне кажется, она ничего не понимает, а потому ничего не просила передать тебе. А то, что она сказала мне, я лучше повторять не буду. — Сьюзен выхватила у него пачку сигарет и удалилась.

Майк выругался про себя: он опять попался. Ну разве можно ожидать от девушки, которая не носит трусов, что у нее хватит ума не отвечать по чужому телефону?

Глава шестнадцатая

Очаровательная Маффин позировала для очередного снимка.

Нога за ногу, влажные губы блестят, в глубоком вырезе блузки видна грудь.

В обычно тихом английском парке собралась толпа, чтобы наблюдать за тем, как ее снимают.

— Кто это? — спросила женщина, похожая на пожилую няньку, у молодого фотографа.

— Маффин, — ответил он так, как будто это имя могло все объяснить.

— У нее толстые ляжки, — заметила нянька. — У меня ноги лучше. — И она удалилась.

— Какая очаровашка! — сказала уборщица, с удовольствием наблюдая за происходящим.

— Кор, какая клевая чувиха, — заметил четырнадцатилетний школьник, разговаривая с другом.

— Да, — согласился второй подросток, — в ней что-то есть.

— Давайте сделаем несколько снимков со счастливым женихом, — попросил один из фотографов.

Джон, чувствуя себя круглым дураком, приблизился к Маффин. Он привык находиться за камерой, но коль она так захотела, ничего не поделаешь.

«Мы объявим нашу помолвку», — пошла на компромисс Маффин и подписала контракт.

Обручальное кольцо для помолвки обошлось в шестьсот фунтов. Страшно подумать, сколько ему будет стоить Джейн! Джону не удалось одного — изменить в Маффин предрассудки, типичные для людей ее происхождения. С того момента, как они поселились вместе, у нее на уме была только свадьба. Боже, а если она еще захочет детей!

— Улыбнитесь, — сказал один из фотографов. — Вы выглядите страшно мрачными.

Джон попытался улыбнуться. Маффин прижалась к нему и потихоньку ущипнула. У него не было настроения. Стоило затевать развод, чтобы сразу жениться!

— Как вы себя чувствуете, будучи помолвленным с мечтой каждого мужчины? — обратилась к нему рыжеволосая журналистка.

— Это здорово. — Джон пытался выглядеть веселым. — А будет еще лучше. Подождите, пока выйдет наш новый календарь. Мы собираемся выяснить у читателей, какие снимки им больше всего нравятся, чтобы Маффин смогла позировать в соответствующем виде.

— Это грандиозная идея, — сказала журналистка. — Может быть, наша газета проведет опрос общественного мнения?

— Я уверен, что мы могли бы решить этот вопрос, — ухватился за идею Джон.

Праздновали в «Карусели». Приглашенных было много: Маффин пригласила всех моделей, с которыми работала.

— Буду рада, если у вас все образуется, — сказала Камико, сидящая справа от нее.

— Я хочу детей, много детей, — улыбнулась Маффин.

— А ты сказала об этом Джону, дорогуша? — поинтересовалась Эрика. — Мне кажется, он не настроен сейчас обзаводиться детьми.

— Это будет для него сюрприз, — хихикнула Маффин.

Красавица негритянка Лори заходила от смеха.

— Вот так сюрприз, малышка! Кому, к черту, это нужно? Пеленки, стирка.

— Дети — это не только пеленки и стирка, — мудро возразила Камико.

— Чушь! — воскликнула Лори.

— Девушки, девушки, — ласково сказала Эрика. — Я уверена, что малышка Маффин знает, что затевает.

— Прошлой ночью у меня был потрясающий новый парень, — объявила Лори, которая всегда делилась подобными новостями.

— Неужели еще остались новые парни? — заметила Эрика.

— Для тебя, может быть, и нет, — быстро отпарировала Лори, — ты переспала со всеми.

Маффин счастливо улыбнулась. Скоро ей не придется принимать участие в подобных перепалках.

— У него хороший ключик к замку? — спросила она.

Лори счастливо засмеялась.

— Фантастический! Настоящее золото!

— Японцы говорят, что важно качество, а не размер, — заметила Камико.

— Да, так говорят все женушки, — вмешалась Эрика. — Если бы это было так, ты бы не разводилась.

— Я развожусь не из-за размера, — спокойно объяснила Камико, — а потому, что он все время хочет спать со мной.

— У меня есть парень для тебя, Кам, — весело добавила Лори. — Его мужское достоинство не больше сигареты, но зато какие потрясающие манеры!

Позднее к ним присоединился Джон, и они засиделись в ресторане до половины пятого. Потом Маффин настояла, чтобы все пошли к ним на чай.

— Ты же не умеешь заваривать чай, — сказал Джон в машине. — Захотелось поиграть в хозяйку?

— Я собираюсь научиться готовить, — возбужденно ответила Маффин. — Ты у меня поправишься от деликатесов. Притормози на минутку у магазина «Лайенс» и подожди — я куплю чаю и пирожных.

Джон сидел в машине и ждал. Джейн готовила отменные завтраки: яйца, бекон, жареный хлеб и все такое. Сама собирала травы для чая. Но разве хорошая еда могла спасти их брак? Из свободолобивой молодой студентки Джейн превратилась в нытика. Прошло четыре года, родилось двое детей, и женщина совершенно изменилась. Джон решил, что семья вообще не для него. Однако руки связаны, и теперь придется жениться. Джон любил Маффин такой, какой она была, и надеялся, что золотое обручальное кольцо не испортит ее.

— Купила пирожные с кремом безе, — объявила Маффин, усаживаясь в машину. Какой-то прохожий остановился и уставился на нее. — А почему бы нам не купить шампанского вместо чая?

— Прекрати, я потратил все деньги на кольцо.

— Но у нас же есть деньги в банке. Давай выпишем чек. Остановись у магазина «Хэродс».

— Я бы предпочел чай.

— Почему ты такой жадный? — промурлыкала Маффин.

— Потому. Иначе денег в банке уже просто не было бы.

Эрика захватила по дороге своего приятеля, а Лори спросила, может ли она пригласить своего нового парня.

— Будет настоящая вечеринка, — взволнованно сказала Маффин. — Я приглашу еще кое-кого.

Джон скорчил недовольную мину.

В шесть часов квартира была переполнена. Джон купил полдюжины бутылок дешевого вина, звучала новая пластинка Бэрри Уайта. Когда вечеринка была в разгаре, позвонила Джейн. Джон почти не слышал ее.

— Я поменяла планы насчет денег, — кричала она в трубку. — В вечерней газете я увидела, как блестит колечко на руке твоей шлюхи. Боже, да ты купаешься в деньгах, а я живу как нищая. Ну что ж, веселись и не беспокойся о детях. Я не могу купить им даже зимнюю одежду. Ах ты, сукин сын! Ты, проклятый...

Джон нажал на рычаг.

Проблемы. Всегда проблемы.

Глава семнадцатая

Клео и Доминик обедали в ресторане. Доминик пила водку с мартини.

— Это уж слишком для девушки, которая когда-то даже не притрагивалась к спиртному, — заметила Клео.

— Я давно делаю то, чего раньше не делала.

— Я заметила, — сухо отпарировала Клео.

— Ну, у тебя же все хорошо, — зло возразила Доминик. — Интересная работа, завидная жизнь в Нью-Йорке, встречи с известными людьми. Думаю, ты не хотела бы застрять в доме с ребенком, нянькой и мужем, который воспринимает тебя как часть интерьера.

— Не забудь о любовнике.

Доминик покраснела.

— Ты всегда была страшно догадлива. Знаешь, Исаак любит меня, а Дайану наплевать. Если бы я выкрасила волосы в голубой цвет или позировала обнаженной для «Санди таймс», он бы не заметил. Я бросила отличную работу, чтобы выйти за него замуж, а сейчас мне кажется, что я впустую потратила три года.

— Вряд ли можно говорить о потраченном зря времени, если у тебя очаровательный ребенок.

— Я буду разводиться.

— Чего же ты тогда ждешь?

— Это непросто. У Исаака нет денег. А потом, вряд ли я смогу получить старую работу. Мне нужен супербогатый мужчина, который забрал бы меня, вырвал из цепей.

— Чудно. Значит, дело все-таки в деньгах.

Доминик поправила локон и улыбнулась знакомому.

— Конечно. Послушай, Клео. Дайану вообще разонравился секс. Если ему предоставить выбор между футбольным матчем и мной, догадайся, что он выберет? А ведь он был настоящим сексуальным маньяком, когда я выходила за него замуж. Слава Богу, что я провожу какое-то время с Исааком, иначе я сошла бы с ума.

— Клео! — Шеп Стоун положил ей руку на плечо. — Какое совпадение! — Он стоял у стола, на лице играла улыбка. — Тебе понравились цветы?

— Они очаровательны, — ответила Клео.

Доминик толкнула ее под столом, и Клео добавила:

— Шеп, познакомься с моей приятельницей. Доминик Ласт. Это Шеп Стоун.

Доминик сделала ему глазки.

— Я видела вас по телевизору, и мне так понравилась ваша последняя пластинка.

Шеп расплылся в улыбке и посмотрел на нее с явным интересом.

— Я не Синатра, но кое-чего добился. — Он взглянул на Клео, она предпочла изучать меню.

— Сколько вы здесь пробудете? — поинтересовалась Доминик и медленно добавила: — Почему бы вам не присоединиться к нам? — Пальцами с хорошим маникюром она сделала знак официанту: — Пожалуйста, еще один стул.

Официант моментально принес стул, но Шеп продолжал стоять.

— Я здесь с деловыми партнерами. — Он смотрел на Клео, надеясь, что она пригласит его сесть. Но она упорно продолжала изучать меню.

— Ну, может быть, на несколько минут...

И Шеп присел.

Клео встала.

— Я на минутку.

В туалете она зло уставилась в зеркало. Боже, у нее достаточно своих проблем. Если бы можно было кому-то открыться! А тут еще появился этот человек, которого она не выносила. Клео вдруг вспомнила о том, что произошло между ними в гостиничном номере. Отвратительно!

Доминик пригласила его сесть за их столик — пусть сама с ним и разбирается.

Когда решение созрело, Клео подошла к официанту и оставила записку для Доминик. «Вызвали по делу». Возможно, она и разозлится. Ну и пусть! Осточертело быть вежливой. Чем лучше к людям относишься, тем больше они этим пользуются.

Она оставила деньги за обед и на такси уехала по магазинам.

Две пары хороших туфель, три майки, солнечные очки и платье заставили Клео почувствовать себя лучше. Потратить заработанные деньги — и к тебе вернется хорошее настроение. Отличный выход.

Всю жизнь Клео мечтала быть с людьми пожестче, но, к сожалению, ей это не удавалось. Слабость нельзя уважать. Друзья Клео хорошо знали это ее качество и всегда им пользовались.

— Ты когда-нибудь можешь отказаться и не пойти на вечеринку? — часто спрашивал Майк. — Мы никогда не бываем дома.

— Я старалась отказаться, — обычно бормотала Клео, — но они настаивали.

Теперь она решила стать другой. Она не станет прощать Майка. Господи! Никакой выдержки! Не успела она уехать, а Сьюзен уже поселилась с ним. Ну и пусть живет там. Пусть спит с ней, пока у него язык не вывалится! Теперь Клео была убеждена, что приняла правильное решение.

Она думала о разводе. Все необходимо сделать быстро и решительно.

Глава восемнадцатая

— Джеф придет утром и помоеет окна, — объявила Маффин.

— Что? — переспросил Джон.

— Помоеет окна, — терпеливо объяснила Маффин. Она красила ногти на ногах в бело-зеленую полоску.

— Зачем?

— Ему так захотелось. Он сказал мне, что будет в нашем районе, заскочит и все сделает.

— Боже, на черта он здесь нужен? Он же настоящий босьяк.

— Да нет, он хороший!

— Да нет, он хороший! — передразнил Джон. — А когда вы встречались, он тоже был хорошим?

— Мы виделись всего несколько раз.

— Ну, конечно, твоя сестра увела его у тебя из-под носа. — Джон закончил одеваться. Он был раздражен, хотя и сам не мог толком объяснить — почему.

Маффин была полностью поглощена тем, что делала.

— Лучше оденься, — раздраженно сказал Джон. — Ты не можешь встречать мойщика окон в таком виде. А может быть, именно это и запланировано?

Маффин хихикнула.

— Не глупи. Если бы я знала, что ты будешь так ревновать, то отказала бы.

— Я не ревную.

— Пойми: окна у нас не мылись уже очень давно. А он был так любезен, предложил свою помощь.

— Любезен? — ледяным тоном переспросил Джон. Он уже думал о другом. Джейн. Соглашение о разводе. Она хотела просто обчистить его, а поскольку глупая Маффин настаивала на свадьбе, ничего не оставалось, как принять эти условия.

— Я ухожу, — сказал Джон. — Спасибо за завтрак.

Маффин подняла голову.

— Что ты сказал?

— Ты же знала, что мне нужно в десять к адвокату.

— Сейчас что-нибудь приготовлю.

— Нет времени.

Он смягчился и чмокнул ее в нос.

— Накинь что-нибудь, — настаивал он, а руки гладили ее тело под короткой ночной рубашкой. — И не забудь надеть трусики.

Когда Джон ушел, Маффин продолжила красить ногти. Потом вытащила косметику и принялась за лицо. Она как раз приклеила последнюю веснушку, когда позвонили в дверь.

Залаял Скафф. Маффин мгновенно оценила свое отражение в зеркале. Она быстро расчесала щеткой светлые с оранжевым отливом волосы и надушилась духами «Эсте» Затем, так и оставшись в прозрачной ночнушке, подошла к двери.

Джеф явно чувствовал себя не в своей тарелке. На нем был голубой комбинезон, рубашка в клетку, в руках — стремянка и большое ведро.

— Доброе утро, — поздоровался он. — К вам пришел мойщик окон.

— Доброе утро, — хмыкнула Маффин, — входи.

Она подстроила эту встречу. Маффин позвонила Джефу и пожаловалась, что окна давно не мылись. Попросила найти кого-нибудь для этой работы. Джеф сказал, что сделает все сам. Маффин настояла, чтобы он не проговорился Пэнни. Джеф согласился. Решено было встретиться во вторник утром; Маффин знала, что на это время у Джона назначена встреча с адвокатом.

Она до сих пор не могла забыть, как Джеф обошелся с ней в свое время. Маффин тогда было пятнадцать — возраст, когда чувства обострены. Он познакомился с ней в очереди в кино. Без умолку болтал, купил билеты, пакетик конфет. В зале сидел рядом, в темноте ласкал ее грудь, языком касался уха и даже пытался залезть под юбку. Для пятнадцатилетней девочки ласки в кино были привычным делом, особенно если парень значительно старше по возрасту. Джефу тогда было двадцать два. Он проводил ее домой, и они договорились о встрече.

Снова — поход в кино, снова — тисканье в полутемном зале. Он расстегнул ей лифчик, почти снял трусики. Потом они целовались, и он сказал:

— Завтра пойдем на Джона Уэйна.

Сердце Маффин колотилось, когда она бежала на свидание следующим вечером. Последний ряд, все то же самое. Когда, в конце концов, Джеф попытался просунуть руку между ног, Маффин прошептала:

— Мне пятнадцать, и я девственница.

Он быстро отдернул руку, потом сказал, что хочет купить шоколадку, и исчез.

Больше она его не видела. До тех пор пока Пэнни не привела домой жениха.

Никто не знает, сколько она пережила. Маффин никогда никому ничего не рассказывала. Когда появился Джон и они первый раз переспали, он даже не понял, что она девственница. Маффин наврала, сказав, что у нее было много парней. Это ему понравилось, и Маффин сделала вывод, что мужчинам гораздо больше нравятся опытные женщины, чем наивные девственницы.

Маффин всегда это использовала.

Она стала личностью. Она стала знаменитой. Она полюбила Джона. Сейчас они собирались пожениться, но прежде нужно было рассчитаться с долгами. Это вопрос чести.

— Чашечку чаю? — поинтересовалась Маффин.

— Никогда не говорю «нет».

Она двигалась по кухне, отлично сознавая, что ночнушка почти прозрачная.

Джеф неловко сидел на стуле и пытался играть с собакой.

— Как Пэнни? — с участием спросила Маффин. Она вспомнила, как в день свадьбы сестра сказала:

— Джеф говорит, что никогда даже не целовался с тобой, это правда?

Она вынуждена была ответить:

— Да, правда. Но его руки побывали у меня в трусиках.

К алтарю Пэнни шла с красным от ярости лицом.

— С ней все нормально, — весело ответил Джеф. — Толстеет с каждым днем.

— Жаль, что она не следит за собой. После рождения ребенка ей нужно сесть на строгую диету.

— Наверное, так и будет.

Маффин зевнула.

— О, я так поздно легла. Много вина и много любви, — томно улыбнулась она. — Ты

понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, что понимаю.

— Я получаю письма от незнакомцев, которые хотят заняться со мной любовью. Им нравятся мои лицо и тело. Послушай, ты помнишь Джона Уэйна?

— Он тебе тоже написал?

— Нет, глупыш. Последний ряд. «Пожалуйста, сэр, мне только пятнадцать».

— Не понял?

— Ну мы...

— Мы?

— Ну, когда я была глупой маленькой девочкой...

Наконец до Джефа дошло.

— А, ты вспоминаешь, как мы встречались. Теперь, когда я вижу твои фотографии в газетах, все, что между нами было, кажется нереальным.

— Но ведь это было на самом деле. И ты мне тогда нравился.

Джеф шумно отхлебнул чая.

— А я тебе нравилась? — настаивала Маффин.

— Конечно.

— Почему же тогда сбежал? — спросила она; ее яркие голубые глаза внезапно наполнились слезами.

Джеф рассматривал свою чашку.

— Тебе было пятнадцать, только пятнадцать. А ты знаешь, что могло бы быть, если бы я соблазнил несовершеннолетнюю?

— Но ведь Пэнни была не старше, — укорила Маффин.

— Да, но с ней все было по-другому. Я и пальцем не дотрагивался до нее, пока мы не поженились.

— Вот это здорово! За кого же ты меня принимал?

Она зло одернула сорочку и выпалила:

— Знаешь, а ты выглядишь значительно хуже, чем раньше. Тогда ты был похож на Стива Мак-Куина, а сейчас на стареющего Майкла Хейна.

Джеф встал. Он был очень высокого роста.

— Я не думал, что у нас что-нибудь получится, — объявил он. — А потом ты стала известной и все такое. — Он подошел к ней. — Джон — хороший парень, и мне не хотелось бы распускать руки, — схватил он Маффин. — Поцелуй меня, дорогуша, поцелуй хоть разок.

Маффин сидела неподвижно, а его руки продолжали изучать ее тело под ночнушкой. Наконец-то! Именно этого момента она так долго ждала. Этот мужчина впервые заставил ее почувствовать себя женщиной, когда они тискались в кинотеатре. Сейчас он занимался тем же. Гладил, гладил, гладил. Его манеры не изменились.

Маффин взорвалась. Не от возбуждения, а от злости.

— Полегче. Ты же не телевизор настраиваешь.

Она заметила его растущее возбуждение. К сожалению, он не умел ласкать, как Джон.

— Ты потрясающая птичка, — бормотал Джеф. — Моя дорогая!

Маффин оттолкнула его. Бедная Пэнни! Как мало она получила. С деловым видом Маффин встала.

— Мне нужно одеться. А ты начинай мыть окна, — объявила она. — Через минуту вернется Джон.

Глава девятнадцатая

Рамо Калиф был знаменитым арабским киноактером. Многих приводили в восторг его темные кудри с сединой, оливковая кожа и мечтательные черные глаза.

Клео встретила с ним в баре в районе Дорчестер. Он пожал руку, заглянул в глаза и прошептал:

— Вы очень красивая.

Это помогло ей придумать первую строчку интервью: «Голос Рамо Калифа похож на черную патоку. Его глаза горячи, как пески пустыни, над которыми встает солнце».

Батч Кауфман предупредил ее, что под арабской внешностью Рамо скрывается очень приятный, очень западный и очень остроумный человек. За полтора часа беседы Клео убедилась в этом.

Когда она выключила диктофон и объявила, что интервью закончено, он настоял на том, чтобы она поужинала с ним и его друзьями. Клео согласилась.

Рамо был приятным, остроумным, очень привлекательным. Чего стоили одни горящие глаза!

Все же Клео не переставала думать о Майке и Сьюзен. Чувство разочарования не уходило. Ну ладно, один раз переспал с такой девицей. Но поселить ее у себя? Это уж слишком!

Позвонила Доминик. Она была в прекрасном настроении и даже не вспомнила, что Клео бросила ее во время ленча.

— Шеп Стоун самый великолепный мужчина, которого я когда-либо встречала, — с энтузиазмом сообщила Доминик. — Такой темпераментный. И такой милый.

— Значит, он тебе понравился?

— Я думаю, что это человек, которого я всегда ждала. С ним я позволила себе то, чего раньше никогда не делала.

— И что же именно?

— Я переспала с ним, — торжественным тоном объявила Доминик.

— Ну, это, я думаю, для тебя не впервой.

— Буквально через час после встречи, — уточнила Доминик. — Желание было настолько сильным, что мы не могли сдержаться. Мы поехали в его отель и упали в кровать словно одержимые.

— Вряд ли это можно назвать одержимостью. Просто возбуждение.

— Я и не предполагала, что ты поймешь. С тобой такого не случилось. Я уйду от Дайана.

— А как же Исаак?

— А мне какое дело? — вспыхнула Доминик. — Исаак — это минутное увлечение. Шеп стал смыслом моей жизни.

— Господи! Какая ты близорукая. Ты что, уверена, что Шеп испытывает к тебе то же самое?

После паузы Доминик сказала:

— Да, я так думаю. Я почти уверена. Мы ни о чем не говорили, ему нужно было бежать по делам, а мне ехать домой. Но все было слишком прекрасным, чтобы портить впечатление словами. Послушай, Клео, Дайан должен вернуться с минуты на минуту. А я не могу

дозвониться до Шепа. Позвони ему и скажи, что я завтра приду на ленч.

— Я не буду звонить. Можешь оставить ему записку.

— Большое спасибо. Я думала, ты моя подруга.

— Подруга. Но не посыльный. И послушай моего совета. Не уходи от Дайана до тех пор, пока не убедишься в намерениях Шепа. Тебе также следует узнать о его теперешней жене и двух предыдущих.

— Ревнуешь, — обвинила Доминик. — Ты исчезла во время ленча потому, что ему понравилась я, а не ты. Послушай, Клео, ты сильно изменилась. Я...

— Ради Бога! — Клео бросила телефонную трубку.

Да, она изменилась, и изменилась к лучшему. Наконец-то она разглядела, что из себя представляет Доминик.

Рамо пригласил на ужин Батча Кауфмана с кучерявой девушкой и маленькую блондинку, которая подозрительно смотрела на Клео и крепко держала Рамо под руку.

Они пошли в ресторан и заказали индонезийское блюдо. Все пили виски. Наконец Клео почувствовала себя хорошо: вкусная пища, интересная компания и крепкий напиток.

Рамо ухаживал за Клео и маленькой блондинкой. Батч — за кучерявой девушкой и Клео.

Она думала: пора выбирать. Батч или Рамо? Оба нравились. Оба были привлекательными, но по-разному. Хотя Майк, конечно, выигрывал по сравнению с обоими. У Майка были такие замечательные глаза.

«Я пьяна, — думала Клео. — Нельзя принимать решений в нетрезвом виде». Но позднее, когда они пошли на дискотеку и она прижалась к Рамо в танце, Клео все-таки решила, что выбирать придется. Она чувствовала себя независимой, а потому имела право выбрать сексуальное удовлетворение. И никаких обязательств. Если Майк мог это делать и получать удовольствие, она тоже сможет.

Но кого ей выбрать? Рамо приятный, но слишком настырный. Кроме того, он сегодня уже переспал с блондинкой. Она сама сказала об этом за столом.

С Батчем перспективы получше. У него репутация повесы. А когда речь идет о ни к чему не обязывающей связи, такие люди подходят больше всего...

Девушка с кучерявыми волосами настолько опьянела, что даже не заметит, если Батч исчезнет.

Рамо пригласил Клео танцевать и крепко прижал к себе.

— Ты, я и моя маленькая датчанка, — предложил он.

— Не для меня, — отказалась Клео.

— Ты замужем? — спросил Рамо.

— А почему ты спрашиваешь?

— Замужние женщины любят заниматься любовью втроем.

— А мужа включать или нет?

Рамо откинул голову и рассмеялся.

— Ты мне нравишься. Может быть, стоит избавиться от блондинки?

Клео не могла не улыбнуться. Наконец-то попался правдивый мужчина. Когда они вернулись за столик, она перехватила взгляд Батча. Его кучерявая подружка танцевала в одиночку.

— Ты уходишь с героем-любовником? — поинтересовался он.

— Нет, я ухожу с тобой.

— Хорошо, пошли.

Он снимал неподалеку большую квартиру. Кожаные диваны, приглушенный свет — все было роскошным.

— Это не мой стиль, — растягивая слова, сказал Батч. — В Лос-Анджелесе у меня большой дом на берегу. Вода подступает прямо к двери. Солнце, песок. Встаю утром, бегу купаться в океан, вожусь на пляже, жарю себе бекон на завтрак. Мне это нравится. Ты куришь?

Он предложил ей сигарету с марихуаной. Она не стала отказываться.

— Мой дублер достает лучшую травку в городе, — гордо сказал Батч. — Правда, здорово?

Клео утвердительно кивнула: приятно расслабиться, исчезает напряжение.

— Тебе, наверное, говорили, какая ты красивая? Когда ты пришла брать интервью, я обалдел. Почему ты не стала моделью или актрисой?

— Зачем? Разве все красивые женщины обязательно должны заниматься одним и тем же?

— Нет, вероятно, нет. Самая красивая девушка из моих знакомых была школьной учительницей.

Он медленно наклонился и расстегнул пуговицы на блузке.

Она откинулась на диване, еще раз затянулась сигаретой и выпустила дым.

Батч расстегнул ей лифчик. Она встала, сняла брюки и коричневые кружевные трусики. Батч тоже разделся.

Они улыбнулись. Батч притянул ее, и их руки сплелись.

Они занимались любовью стоя.

— Как здорово, — выдохнул Батч.

Глаза Клео были закрыты, на губах появилась улыбка.

— Как тебе? — спросил Батч.

Клео откинулась. Чисто физическое наслаждение. Раз Майк это может, значит, и она тоже не станет отказывать себе в удовольствии.

— Мне хорошо.

Когда все кончилось, оба упали на пол и рассмеялись.

— Господи, — улыбнулся Батч, — это уж слишком. Никаких стонов. Ты мне нравишься.

— А тебе что, это было нужно?

— Конечно, нет.

Она оделась.

— Все было прекрасно. А сейчас я иду домой.

Батч с восхищением смотрел на нее.

— Вот это мисс Спокойствие! Я еще увижу тебя?

— Может быть.

Она доехала до отеля на такси. Значит, это правда. Женщине может нравиться то же, что и мужчине.

Она чувствовала себя свободно и очень уверенно.

Хорошо, Майк. Если ты хочешь мириться, мы сделаем это на равных.

Клео не подошла к трезвонившему телефону и пошла спать.

Подростки всюду разошлись в аэропорту Кеннеди. Они орали, свистели, а одна крошечная блондинка стояла и плакала.

Майк глазел на происходящее с изумлением. Он видел такое уже много раз, но не переставал удивляться... Откуда они берутся? А как же школа? Родители? Что же у них за жизнь, если они забывают обо всем и целый день проводят в аэропорту, надеясь хоть одним глазком взглянуть на своего кумира?

Такие юные.

— Мне уже одиннадцать лет, — гордо заявила маленькая девчушка, когда он спросил ее. Одиннадцать! Он прекрасно понимал, как эти девочки будут вести себя, если ими заинтересуется кто-нибудь из поп-группы. Одиннадцать!

Они летели коммерческим рейсом. С ними был Марти. Его группа поддержки. Его менеджер. Его костюмер. Его агент по рекламе. Его мать. И, конечно, Майк.

Стюардессы весело улыбались и раздавали напитки. Маленький Марти Перл заказал себе виски, но менеджер засмеялся и сказал: «Какой шутник», — поменяв при этом заказ на апельсиновый сок.

В последнее время Маленький Марти начинал ненавидеть свое «шестнадцатилетие».

Когда самолет был в воздухе и Омар Шериф на киноэкране гнался за Джули Эндрюс, менеджер Маленького Марти подошел и сел рядом с Майком. Это был молодежавший мужчина с ранней сединой и водянистыми голубыми глазами.

— Парень становится невозможным, — мрачно заметил он. — Я пытаюсь его изолировать, но сделать ничего не могу. Через два месяца ему исполнится девятнадцать.

— Ты здорово поработал. У него репутация как у младенца. Не пьет. Не курит. Не занимается любовью. Что еще нужно?

— Это непросто, Майк. Однажды я не смогу заставить его сделать то, что надо. Кроме того, куда бы мы ни приехали, девочки просто лезут на стенку. Вчера поймал одну с электриком, она ублажала его, думая, что таким образом получит доступ к Марти.

— Может быть, пришло время найти ему официальную подружку? — засмеялся Майк.

— Да ее разорвут на куски. Послушай, парень становится невыносимым. За последний месяц я два раза приводил ему проституток. Они умеют держать язык за зубами. Нет, официальная подружка исключена. Это не понравится поклонникам.

Майк пожал плечами. Сексуальная жизнь Маленького Марти не имела для него значения. Его волновала Клео. Он не собирался выбрасывать на помойку четыре года их совместной жизни.

Он немедленно поедет к ней в отель. Это будет сюрпризом. Они займутся любовью. Забудут о прошлом. Майк пообещает быть хорошим мальчиком. И Клео, несомненно, согласится, что такая глупость, как Сьюзен, не должна стоять между ними.

В будущем, решил Майк, если ему захочется иметь что-то на стороне, следует быть более осторожным. А точнее, благоразумным.

— Последний раз, когда я был в Лондоне, у меня была сногшибательная девка, — продолжал Джексон.

— О да, — откликнулся Майк.

Голубые водянистые глаза Джексона загорелись.

— Пухленькая рыжуха. Накурилась до одурения. Но такая баба!

— Встретишься с ней опять?

— Нет, — покачал головой Джексон. — Даже не знаю, как ее зовут.

— Извините меня, мистер Джексон. — В проходе стояла мать Маленького Марти.

Сорокалетняя Эмма Перл выглядела значительно старше. Ее муж умер, а Марти был единственным ребенком.

— В чем дело? — Джексон посмотрел на нее отчужденно, ожидая очередных просьб.

Эмма Перл нервно поправляла воротничок платья.

— Я хочу, чтобы нас с Маленьким Марти поселили в соседних номерах. Я так волновалась в Филадельфии, когда узнала, что буду жить на другом этаже, — голос звучал резко. — Вы же знаете, мистер Джексон, Маленький Марти любит, чтобы я была рядом. Он нуждается во мне. Он...

— Конечно, — оборвал ее Джексон. — В Лондоне все будет в порядке. Нет проблем!

— Вы же знаете, я не хочу беспокоить вас, мистер Джексон. Я стараюсь не вмешиваться. Но Маленький Марти хочет, чтобы я была рядом. — Эмма Перл покусывала нижнюю губу. — Я должна быть около него.

— Хорошо, — кивнул Джексон, и Эмма Перл вернулась на свое место.

— Пошла к черту, старая корова, — пробормотал Джексон. — Господи! — обратился он к Майку. — От нее надо избавиться. Марти просто осточертел мне. Не пускайте ее. Она ходит за нами по пятам и думает, что ему еще тринадцать.

— Почему же она в таком случае с нами?

— Потому что у Марти не хватает мозгов сказать ей, что он вырос. Он думает, что она будет ездить за ним и не вмешиваться. А кто ее должен сдерживать? Догадайтесь, кто? Этот дурак — ваш покорный слуга. Вот кто!

Майк кивнул.

— Родственники всегда мешают. Но, наверное, мать лучше, чем жена.

— Возможно. Но материнская забота — это ужасно. О жене я вообще не хочу думать. Меня просто бросает в дрожь.

Джексон вдруг замолчал, вспомнив, что Майк женат.

В Лондоне шел дождь. И несмотря на то, что Маленький Марти был популярен только в Америке, его встречала толпа подростков.

— Мы хотели организовать сотню, — с энтузиазмом заметил Джексон, — но здесь около тысячи.

Их ожидала вереница машин. Майку удалось пробраться мимо фотографов и спокойно сесть в автомобиль. Он планировал поехать прямо в отель к Клео. Он ничем не мог помочь Маленькому Марти, а кроме того, здесь оставалась уйма людей, готовых выполнить любое его желание. Майк приехал только для того, чтобы руководить рекламной кампанией. И, конечно, его главной целью было встретиться с Клео.

В машине он попытался прорепетировать то, что будет говорить. С чего начать? С извинений? С объяснений? Или со лжи?

Поступки всегда лучше, чем слова. Он на деле докажет свою невиновность.

Майк улыбнулся: он настоящий мужчина и найдет решение любой проблемы.

Глава двадцать первая

Джон Клептон пребывал в состоянии беспокойства. Он — обреченный человек. Из-за будущей жены он вынужден платить предыдущей.

Джейн в итоге запросила сто фунтов в неделю плюс деньги за школу, врача, дантиста. Он сумел отбиться от оплаты каникул. За сотню в неделю она может отложить деньги, чтобы провести пару недель в Брайтоне.

Корова! Сука!

Он так долго добивался денег. И вот — Джейн повисла у него на шее.

И все же, дело того стоит. Теперь он свободен, чтобы жениться на Маффин, а она зарабатывает много. Их никто не остановит. Календарь Шумана покрывает их расходы по крайней мере на год вперед. А после этого? Кто знает. У Маффин огромный потенциал.

Он никогда раньше не раскрывал ей своих планов полностью. Уроки танцев. Обучение пению. Актерское мастерство. У нее прирожденный талант. Если его немножко отшлифовать, она станет звездой. У нее уже было имя. Маффин знали все. Ее фотографии появлялись в газетах практически каждый день. Юмористы шутили о ней по телевизору. Каждый месяц она получала сотни писем от поклонников.

Джон был уверен, что она обладает чем-то большим, нежели сексуальным телом и приятной мордашкой.

Сегодня Маффин предстоял важный день. Журналист из популярной газеты предложил взять у нее интервью. Важно, чтобы она проявила себя как личность, поэтому Джон старался натаскать ее.

— Энтони Прайт — чудовище, — предупреждал он, рассказывая о журналисте, с которым ей предстояло встретиться. — Он попытается усыпить твою бдительность болтовней, но помни, что он стервятник, по-моему, гомик, так что будь осторожна.

— Он мне понравится? — поинтересовалась Маффин.

— Если тебе могут нравиться неудобства в очках с тонкими губами, то — да. И, пожалуйста, Мафф, сделай мне одолжение: если он начнет приставать, ни в коем случае не уступай.

* * *

— Да, — сказала Маффин.

— Что да? — удивленно переспросил Энтони Прайт.

— Да, — подтвердила Маффин, — мне было тринадцать.

— Что-то рановато, — с недоверием пробормотал Энтони.

— А во сколько лет начали вы?

— Я? — Прайт нервно закашлялся. — Интервью беру я, а не вы. Поэтому неважно, когда это случилось со мной.

— Обычное любопытство. Уверена, что вы начали поздно.

Энтони покраснел и переменял тему.

— Что вы чувствуете, когда сотни и тысячи мужчин глазают на ваше обнаженное тело каждый день?

— Сияю от удовольствия.

— Неужели?

Маффин откровенно зевнула. Она провела полтора часа за ленчем с Энтони Прайтом и впала в неодолимую скуку. Он задавал глупые вопросы высоким писклявым голосом. Даже удивительно, как такой человек умудряется поставлять материалы для целой страницы каждую неделю. Они печатались в еженедельной популярной газете.

— Если старичков это заводит, то я сияю от удовольствия. Не правда ли, смешно?

Энтони бросил на нее неодобрительный взгляд.

— А что по этому поводу думает ваш отец?

— У вас прыщик на губе, — показала Маффин. — Вы знаете, от чего они появляются?

— Нет, не знаю, — раздраженно ответил Энтони, — и не хочу, чтобы вы объясняли его происхождение. Так что с вашим отцом?

— У него болячек на губах нет. И у меня очаровательная мама.

— Господи! — отчаявшись, вздохнул Энтони и попросил счет. — Что вы сейчас намерены делать? — спросил он Маффин.

— Но я же с вами обедаю. — Она вытаращила глаза.

— Я имею в виду, когда уйдем отсюда? Вы едете домой?

Маффин пожала плечами.

— Еще не думала. А почему вы спросили?

— Хотел бы посмотреть, где вы живете. Чтобы лучше знать обстановку, которая вас окружает.

— Хорошо, зайдите, выпьем по чашечке кофе. Но предупреждаю, никаких приставаний.

— Могу заверить, что у меня этого и в мыслях не было.

* * *

За кофе в квартире Маффин Энтони Прайт вдруг спросил:

— Вы много зарабатываете вот так, ничего не делая?

— Простите, не поняла? — Маффин не привыкла иметь дело с тщеславными и завистливыми людьми.

— Сколько вы зарабатываете в год?

Джон предупреждал, чтобы она не обсуждала свои доходы, и поэтому Маффин колебалась.

— Я не имею дела с деньгами, обо всем заботится мой приятель.

— Союз освобождения женщин не примет вас в свои объятия, — сухо прокомментировал Энтони. — А что вы думаете о своей внешности?

— Мне бы хотелось быть выше ростом, стать похожей на русскую. И чтобы у меня были длинные, стройные ноги.

Энтони Прайт поднялся.

— Хорошо, — сказал он. — Кажется, все.

Маффин мило улыбнулась. Она поняла, что не понравилась, но ей не хотелось, чтобы журналист догадался, что неприязнь была обоюдной.

— До свидания. — Она взяла на руки Скаффа и проводила Энтони до двери. — Надеюсь, мы еще раз увидимся.

После его ухода она расплакалась. Странно, но Прайт заставил Маффин грустить. Через некоторое время она пришла в норму и отправилась в магазин «Хэродс». Для воришек-любителей это место подходило больше всего. Маффин давно облюбовала его.

Глава двадцать вторая

— Миссис Джеймс у себя? — спросил Майк у портье.

— Миссис Джеймс уехала сегодня утром.

— Не может быть!

— Я уверен.

— Куда же она уехала?

— Извините, сэр. Я не волен давать информацию о наших гостях, если на это нет их разрешения.

— Я ее муж.

— Извините, сэр. Миссис Джеймс не оставила адреса, но она вернется в отель двадцать четвертого.

— Через три дня. Вы действительно не знаете, куда она уехала?

— К сожалению, сэр.

— Я могу снять комнату?

— Извините, сэр, свободных мест нет.

— Господи!

Майк оставил свой чемодан в камере хранения и пошел в бар. Так опоздать! Он совершил сумасшедшее путешествие через Атлантический океан, а ее нет на месте. Он даже не имел понятия, куда она исчезла.

Может быть, Рассел Хейз что-нибудь знает? Наверное, Клео уехала брать интервью. Майк был уверен, что жена проведет в Лондоне хотя бы неделю, а сейчас он даже не может снять номер в отеле, где останавливалась Клео. Придется присоединиться к компании Маленького Марти в «Европе». Как не хочется!

Майк проглотил две порции виски, чтобы хоть как-то заглушить тоску. Он начал скучать без Клео. Очень скучать. Настолько, что если бы Сьюзен не появилась в его квартире и не предложила себя, то он, пожалуй, даже не удосужился бы ни с кем переспать. Впервые за многие годы ему не требовались случайные женщины. Он мечтал о собственной жене.

Майк взял такси и поехал в «Европу». Гостиницу окружала толпа молоденьких женщин. Ему зарезервировали люкс. Едва войдя в номер, Майк заказал разговор с Расселом, а потом по внутреннему телефону связался с Джексоном и спросил о делах.

— Все в норме, — ответил Джексон. — Собираюсь уложить Маленького Марти в постельку, а потом найти себе на ночь англичанку. Хочешь присоединиться?

Майк отказался из-за усталости после перелета.

Кроме того, надо разузнать, где находится Клео. Может, она где-то поблизости и есть шанс с ней встретиться.

Рассел Хейз позвонил только через час.

— Не знаю, где она. Поскольку Клео вовремя присылает свои материалы, она вольна делать что угодно.

— Спасибо, ты здорово помог.

— Если найдешь ее, пусть обязательно позвонит мне.

— Как я могу найти ее?

— Не знаю, она же твоя жена. Позвони ее матери. Или друзьям.

— Спасибо, Расс, ты всегда умел портить мне настроение.

Он не знал, как связаться с матерью Клео. Не помнил никого из ее друзей. Ее жизнь до их встречи всегда оставалась для него закрытой книгой, которую он никогда не пытался открыть.

Майк позвонил портье и попросил меню. Потом надел кожаную куртку и вышел.

В коридоре горел дневной свет. Миссис Эмма Перл сидела на кушетке возле комнаты сына. Увидев Майка, она резко вскочила.

— Что вы здесь делаете? — не мог сообразить он.

— Слежу, чтобы с Марти ничего не случилось.

— О, — сказал Майк. — Тогда ясно.

На мгновение он остановился и посмотрел, не наблюдают ли за ними.

— Почему вы под дверью?

Эмма Перл покраснела.

— Он не хочет, чтобы я входила.

Майк понимающе кивнул. Эта женщина сошла с ума.

— Где Джексон?

— Пошел куда-то поужинать. Они все ушли ужинать. Бросили Маленького Марти одного. Честно, мистер Джеймс, это неправильно. Пять минут назад кошмарная блондинка пыталась пробраться к нему в комнату. Она говорила, что он послал за ней. Я, конечно, сразу поняла, что это наглая ложь. Если бы я здесь не сидела, она смогла бы войти. Мистер Джеймс, он еще мальчик, а глупые девочки так и лезут к нему. Его нельзя оставлять одного.

— Миссис Перл, ему почти девятнадцать лет.

Эмма дико закатила глаза.

— Мы знаем об этом, мистер Джеймс. Но для всех — ему шестнадцать. Пусть все так и останется.

Майк пожал плечами. В этот момент дверь в люкс отворилась, и на пороге появился Маленький Марти собственной персоной: небольшого роста, с копной светлых волос и карими глазами. В банном халате он абсолютно не походил на того парня, который появлялся на сцене в белом кожаном костюме и ковбойских сапогах на высоком каблуке. На подбородке виднелась россыпь красных прыщиков. Он собирался заорать на мать, но, увидев Майка, сдержался.

— Привет, Марти, — сказал Майк. — Я думал, что ты уже в кровати. Завтра — тяжелый день.

— Да, — согласился Марти, — я ложусь. — Он внимательно посмотрел по сторонам. — Скажи маме, чтобы она шла спать, Майк.

— Именно это я и делаю. Пойдемте, миссис Перл. Марти немного поспит, ему ничего не угрожает. — Он вел мамашу к лифту, подмигивая Марти. — Идите спать.

Послышался усталый, разочарованный голос миссис Перл:

— Я даже не живу с ним на одном этаже. Я ведь говорила мистеру Джексону, что хочу быть рядом с сыном.

— Конечно, — успокаивал ее Майк. — Оставайтесь пока в вашей комнате, а завтра мы постараемся все уладить.

Он высадил ее этажом выше, а потом спустился в холл.

— Которая из девушек приглашена к мистеру Перлу? — спросил он портье. Ему указали на блондинку в голубых джинсах, которая ожидала такси.

Майк поспешил к ней.

— Все нормально, — сказал он. — Марти ждет.

Она ухмыльнулась.

— Ты уверен? Какая-то сумасшедшая старуха сторожит его комнату.

— Путь открыт.

— Спасибо, сладенький.

Она двинулась к лифту, а Майк наблюдал за ней.

Бедный Маленький Марти! Какой смысл быть популярным певцом, если нельзя свободно провести время с девушкой?

Глава двадцать третья

Перелет в Ниццу был приятным. Клео старалась держаться подальше от одиноких мужчин и в самолете сидела рядом с очаровательной женщиной, направлявшейся в отпуск, чтобы отпраздновать свой развод.

— Семь лет, проведенных в муке! — призналась она Клео. — Я, он и его проклятая мать. Я видела ее чаще, чем мужа.

В аэропорту Ниццы Клео взяла напрокат малолитражку серого цвета и через три часа добралась до Сен-Тропеза. В отеле она появилась измученная и вся в пыли. Приняла холодную ванну, надела купальник, который она в спешке приобрела в Лондоне, и попыталась дозвониться в кинокомпанию.

Следующий киноактер, для интервью с которым она приехала, был занят на съемках. Никто ничего не знал, и Клео решила перезвонить позднее.

Она пошла в бассейн. Одна.

Одинокие женщины всегда уязвимы. Другие дамы смотрят на них как на потенциальных соперниц, а мужчины уверены, что встретятся с ними в постели. Ладно, пора не обращать внимания на такую чушь.

Клео устроилась на матрасе и, намазав тело кремом для загара, заказала холодный коктейль, когда появился первый мужчина, маленького роста и страшно волосатый.

— Только приехали? — спросил он с акцентом лондонского простолюдина.

— Нет, — холодно ответила Клео.

— А я думаю, что только что, — он устроился рядом. — Хотите выпить?

— Я уже пью. — Она встала, нырнула в бассейн и оставалась в воде, пока мужчина не ушел.

Следующим был сильно загорелый француз. Этот времени даром не терял.

— Хотите потанцевать вечером?

Клео ничего не ответила.

Он скорчил рожу и отплыл. Затем появился немец. Она лежала, а он топтался рядом и говорил, что ей, очевидно, надоели мужчины. Она проигнорировала и его. Наверное, прошел слух, что с этой женщиной не шутят, и больше в бассейне к ней никто не приставал.

Проведя два часа на солнце, она вернулась в комнату и опять попыталась дозвониться. Переговорила с агентом по рекламе и договорилась, что беседа с Сэмми Марселем состоится завтра, в обеденное время.

— Приезжайте на пляж к часу дня, — сказал агент. — Мы будем снимать там с утра, так что можете явиться и раньше, посмотрите все сами.

«Хорошо быть одной, — думала Клео. — И нет желания никого видеть».

Но одинокую женщину подхватывают моментально. Это доказано. Поэтому ничего не оставалось, как провести длинный скучный вечер в номере отеля.

* * *

Сэмми Марсель был высоким и некрасивым мужчиной. У главного сердцеда Франции были лошадиные зубы, большой нос и мясистые губы.

Клео последовала совету и приехала на пляж довольно рано, чтобы понаблюдать за съемками. Поклонницы Марселя заполнили все свободное пространство, поэтому Клео пришлось пробивать себе дорогу, чтобы добраться до места съемок. Она использовала школьный запас французского, и ответственный за связь с прессой помог ей выбраться из толпы.

— Сэмми — потрясающий парень, — добродушно сказал он, — но репутация у него аховая. Поверьте, с ним приятно иметь дело.

Фильм делали американцы, и для Сэмми это было очень важно: он впервые получил у них роль.

Снимали сцену, в которой Сэмми идет по пляжу: белые брюки, закатанные до колен, на голой груди — большой золотой диск на цепочке.

Клео уже придумала начало материала: «Сэмми Марсель выглядит так, что от него должно пахнуть чесноком. По свидетельству легиона его девушек, так оно и есть на самом деле».

Смотреть съемки было скучно. Дубль один. Идет Сэмми. Стоп. Дубль два. Идет Сэмми. Стоп. Сэмми чихнул. Дубль три... и так далее и тому подобное.

Сняв майку, Клео лежала на песке. Солнце светило вовсю, Клео закрыла глаза и наслаждалась отдыхом. Жаль, что рядом нет Майка. Он обожал солнце, мог, не двигаясь, лежать часами. Интересно, они с Сьюзен поедут к морю? Скучает ли он? Наверное, не настолько, насколько скучал бы без своего проклятого «феррари».

Пришло время перерыва на обед, и Клео поискала глазами агента. Он подошел к ней слегка расстроенный.

Клео надела майку прямо на бикини.

— У меня в распоряжении час, не так ли? — уточнила она.

— Да, Сэмми обычно немного отдыхает перед ленчем. Пойдемте, я провожу вас в ресторан.

Ресторан располагался тут же, на пляже. Деревянные столы, полосатые зонтики, поджарые официанты.

В середине стоял большой стол, человек на двадцать, к нему и подвел Клео агент.

— Эй, — запротестовала она, — мне нужно побеседовать с Сэмми наедине. Мы договорились об этом еще в Лондоне.

— Вы понимаете, не все сразу. С Сэмми нужно действовать осторожно, пресса всегда относилась к нему отвратительно.

— Что вы имеете в виду? Что значит осторожно?! Мы договорились об интервью, и все должно быть организовано.

Агент имел вид побитой собаки.

— Он трудный человек, особенно когда не в настроении. Уверен, что после знакомства он обязательно уделит вам время.

— Большое спасибо. — Голос Клео был полон сарказма. — Я так не работаю. Я приехала из Лондона, чтобы взять именно это интервью, а теперь мне нужно уповать на случай.

— Извините, вот увидите, все образуется.

— Ерунда, вы просто не умеете делать свое дело! Если Сэмми Марсель вообще не дает интервью, скажите прямо. Незачем было тащить меня сюда. Это не принесет ничего хорошего ни фильму, ни Сэмми.

Начали приходить люди со съемочной группы: режиссер, оператор, ассистент режиссера.

Клео была вне себя. Подождите, она покажет этому мистеру Марселю! Он думает, что пресса отнеслась к нему несправедливо! Что-то он запоет, когда Клео разделается с ним!

Он появился через полчаса. Брюнетка на одной руке и кучерявая блондинка на другой. Обе девушки были прикрыты лишь нижней частью бикини. Брюнетка была хорошо сложена, маленького роста, с плоской загорелой грудью, а блондинка поражала огромной покачивающейся грудью, на которой еще не загорела полоска от купальника.

Оглянувшись вокруг, Клео обнаружила, что почти все женщины в ресторане верхней части бикини не носили. Куча голых грудей: больших, маленьких, торчащих, свисающих. На любой вкус.

Сэмми сидел напротив. Его лошадиные зубы казались неправдоподобно белыми, а глаза — черными и пронизывающими.

Агент нервно сказал:

— Сэмми, это дама из журнала «Имидж», помнишь, я тебе говорил?

Сэмми не обратил на него никакого внимания. Он слушал, что шепчет блондинка слева, и одновременно поглаживал плечо сидящей справа брюнетки.

Клео наклонилась вперед.

— Месье Марсель, — громко сказала она, — меня зовут Клео Джеймс. Я представляю журнал «Имидж», мы договорились с вами об интервью.

Сэмми посмотрел на нее без всякого интереса.

— А почему ты спряталась в майку? — потребовал он ответа. — Где твои сиськи? — Он стучал по столу, привлекая внимание собравшихся. — Положи их на стол, женщина, они должны находиться здесь.

Клео почувствовала, как краска залила лицо. Какая свинья! Она постаралась скрыть смущение.

— Сэмми, — попытался свести все к шутке агент, — воспринимай все серьезнее. Миссис Джеймс действительно представляет журнал «Имидж», один из самых популярных в Америке. — Он добавил почти безнадежно: — Это очень крупное издание.

— А ее сиськи? — поинтересовался Сэмми. — Журнал большой, как ты говоришь, а они тоже большие? — зашелся он от хохота. Девушки, которые сидели рядом, тоже засмеялись.

Клео взяла себя в руки.

— Месье Марсель, — сказала она вкрадчивым голосом, — когда вы снимете брюки, я присоединюсь и сниму майку. А пока, может быть, останемся в одежде?

Глаза Сэмми сузились.

— Женщина не имеет права так говорить, — упрямо сказал он. — Женщине следует быть уступчивой и скромной. — Он бросил взгляд на присутствующих, чтобы удостовериться, что его слушают, а затем продолжал, как чревоуещатель: — Женщина должна быть женственной, мягкой, тихой. Когда нужно, она должна быть матерью, а когда необходимо — проституткой. Большинство женщин умеют прекрасно соединять эти качества.

— Неужели? — саркастически спросила Клео. Ей удалось включить диктофон и записывать каждое слово.

— Конечно. — Его палец крутил сосок блондинки. — Женщины — прекрасные подружки, их нужно любить, но они должны знать свое место.

— А где именно их место, по вашему мнению?

— Дома, в спальне, на кухне, — объяснил Сэмми. — Они декоративные существа и не принадлежат к миру мужчин.

— Вы сильно похожи на женоненавистника, — усмехнулась Клео.

Сэмми не понравилось, что над ним насмехались.

— Вы, должно быть, лесбиянка? — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Клео засмеялась еще громче.

— Господи! Ну это уж слишком! Вы что, полагаете, что всякая женщина, не согласная с вашей философией, обязательно ненормальная?

Сэмми уставился на нее с явным неодобрением.

— Вы фригидны, я уверен, — резко сказал он. — Вам нужен мужчина, настоящий мужчина, который сумеет показать вам, что такое любовь.

— Да пошли вы к черту!

Сэмми встал, глаза его сверкали.

— Вы ругаетесь, как извозчик.

Клео это не задело.

— Следую примеру великого мастера.

Рот Сэмми нервно скривился. Не сумев сдержать раздражения, он выбежал из-за стола.

На агента по рекламе было жалко смотреть.

— Вам не следовало этого делать.

Клео смерила его уничтожающим взглядом.

— Послушайте, я всегда делаю то, к чему обязывает ситуация. А то, что случилось, произошло из-за вашей некомпетентности. — Она встала из-за стола. — Вообще-то все нормально. Я взяла весьма откровенное интервью. Благодарю за ленч.

Она пошла к своей машине.

Месье Марсель, поберегитесь!

Глава двадцать четвертая

— Он вонючая свинья! — кричала Маффин. — Глупый идиот! Я ненавижу его, Джон, ненавижу.

— Прекрати орать, успокойся.

— Ты тоже орал бы! — Маффин подобрала с пола газету, которую раньше отшвырнула в ярости. — Послушай, — голос дрожал. — «Маленькая, толстая и богатая!» Это только заголовок. Тебе бы понравилось, если бы о тебе говорили как о маленьком, толстом и богатом?

— Я не против «богатого».

Глаза Маффин сузились.

— Я могу подать на него в суд?

— За что?

— За несправедливое оскорбление, ущерб, нанесенный личности... Ну, ты же понимаешь, о чем я говорю.

— Не глупи.

— Почему? — Маффин бросила газету в лицо Джону. — Прочитай еще раз, какая грязь, посмотри на фотографии. Они три года пролежали в папке. Я же так больше не выгляжу.

— Снимок не настолько уж плох, Маффин.

— О! Неужели? — Она начала плакать. — Как я посмотрю в глаза людям? Как я буду ходить в химчистку?

— В химчистку?

— Да, в чертову химчистку. Они меня знают, они хранят все мои фотографии. Как я заберу теперь шерстяной костюм?

— Когда ты знаменита, — спокойно объяснил Джон, — вполне естественно, что мнения прессы расходятся. Справедливые. Несправедливые. Хорошие. Плохие. Прочитай и забудь. Все так делают.

— Я хочу дать интервью журналу «Личный взгляд». Я хочу рассказать всем, что Энтони Прайт — дерьмо, и чтобы это было напечатано крупным шрифтом. Я действительно так хочу, Джон.

— Хорошо, — успокоил он. — Но зачем тратить деньги? Все, кто читал его материалы, и так знают, что он дерьмо. От него этого и ожидают. Именно благодаря своему злословию он и стал популярен. Я же тебя предупреждал.

Маффин сняла ночнушку и уставилась в зеркало, которое висело на стене в спальне.

— Я вовсе не толстая. У меня нет ни капельки жира.

Джон не возражал. Однако Маффин требовался кто-нибудь, на ком она могла бы сорвать накопившееся раздражение, и никого, кроме Джона, у нее под рукой не оказалось.

— Ты дрянь, — шипела она на него по дороге в студию. — Я больше не хочу выходить за тебя замуж.

— Ты обещаешь?

— Да, обещаю. Можешь забрать свой чертов календарь Шумана и разорвать его.

— Прекрасно. Я обойдусь без тебя. Найду какую-нибудь куколку и повезу ее с собой. Эрика обожает Барбадос. Может быть, я попытаюсь снять Эрику.

— Но они хотят меня.

— Ничего, я постараюсь переубедить их.

— Ты сволочь!

— Слишком плохие слова для маленькой девочки.

— Теперь я понимаю, почему Джейн ненавидит тебя.

В студии Джон занялся съемочной аппаратурой и своими ассистентами, а Маффин отдала себя в руки парикмахера, косметички и костюмерши. Ее готовили к съемкам для обложки новой пластинки Маленького Марти Перла. Маффин так мечтала с ним познакомиться, но чертов Энтони Прайт все испортил; настроение было ужасным.

Маффин хандрила, когда ее тело покрывали гримом. Ей осточертело раздеваться на людях. Осточертело втягивать живот, выставлять грудь, стоять на цыпочках, чтобы ноги казались длиннее.

— Вот так хорошо, — сказал парень, который занимался гримом. Он показывал на выбритые в форме сердечка волосы внизу живота. Она подбрилась так для одной журнальной фотографии.

— Спасибо, — мрачно ответила Маффин.

Парень поклонился.

— Раздвинь ножки, ты же не хочешь, чтобы бедра были другого цвета?

Маффин стояла, раздвинув ноги, пока парень накладывал грим. Хорошо, что он гомик. Не будет приставать.

— Ты уже видела Маленького Марти? — спросил парень с волнением. — Я слышал, что он голубой.

— Дорогуша, да у тебя все голубые, — воскликнула Маффин. — Скоро ты будешь рассказывать это о принце Филиппе.

— Как, неужели и он?

— Не будь дураком.

* * *

Маленький Марти приехал с мамой и Джексоном.

Он был затянут в белую кожу с головы до ног.

Появилась косметичка и увела его, чтобы закрасить прыщички.

Джексон подошел к Джону, пожал руку и сказал:

— Должно получиться прекрасно, по-моему, действительно здорово.

Джон согласился.

— Потрясающая затея. Маффин никогда не фотографировалась для конвертов пластинок. Это ваша идея?

— Да, моя. — Джексон не стал вдаваться в подробности. На самом деле все было организовано его английскими партнерами, которые рекламировали пластинки Марти.

Маффин вышла из гримерной. На ней были белые кожаные сапоги на очень высоких каблуках и белая ковбойская шляпа. Больше ничего.

— Черт возьми! — воскликнул Джексон.

Миссис Эмму Перл буквально сорвало со стула в углу студии.

— Мистер Джексон! — срывающимся голосом закричала она. — Эта девушка — голая! Уберите ее, пока Маленький Марти не увидел.

Терпению мистера Джексона пришел конец. Он взял миссис Перл за руку, вывел к лимузину, усадил в него и приказал шоферу отвезти в отель. Она громко жаловалась. Пусть поорет потом на Маленького Марти. А сейчас ее не должно быть здесь.

Джексон быстро вернулся назад и уединился в углу комнаты с Джоном. Маффин опять ушла в гримерную.

— Эта штучка, — тяжело дыша, спросил Джексон, — она свободна?

Джон засмеялся.

— Для меня — да, для тебя — нет. Это моя подружка. Мы собираемся пожениться.

— О Господи! Извини, я не знал.

— Не стоит волноваться, я привык к тому, что мужчины от нее без ума. Ведь Маффин потрясающая.

— Это уж действительно. Кто она? Модель, актриса?

— Я думал, что вы о ней все знаете.

— Нет, мы только вчера прилетели из Штатов. Я знал, что пригласили известную модель, но не мог предположить, что она настолько хороша.

Джон был доволен произведенным на американца эффектом. Чары Маффин действовали буквально на всех. Она была неотразима.

— Маффин — самая известная модель в Англии. Ее имя знают в каждом доме. В этом году мы собираемся попробовать ее в кино и на телевидении.

— Вы ее менеджер?

— Да. Я занимаюсь ее делами.

Джексон кивнул.

— А в Штатах уже есть контракты?

— Нет еще. Я повезу ее туда в этом году, не позднее.

— Возможно, я смогу чем-то помочь. Вам надо появиться в Штатах с хорошей рекламой. Все делать умненько. Ясно, что я имею в виду?

— Ну, когда они увидят Маффин...

— Этого недостаточно. Поверьте мне, я-то знаю. Когда я впервые увидел Маленького Марти, он был просто подростком с фермы. Приятный мальчик. Приятная внешность. Без меня он бы до сих пор убирал навоз. Я поработал с ним и сделал звездой. Нам нужно поговорить о вашей подружке, у меня полно идей, которые приносят деньги.

— Я всегда готов поговорить о деньгах.

Джексон потрепал его по плечу.

— Молодец, хороший у тебя нюх. Почему бы вам с подружкой не прийти на прием к Марти сегодня вечером? А потом можно поужинать. Ты не против?

— Здорово. Мы будем обязательно.

— Слушай, парень, ты же не хочешь остаться фотографом на всю жизнь. Не обижайся, я знаю, что ты профи. Но я могу указать вам дорогу к большим деньгам. Помогите мне, и я помогу тебе. Ясно?

Джон кивнул. Ему не нравился Джексон, но он понимал, что для заключения контракта нужны хорошие связи в Америке.

Опять появилась Маффин в прозрачной шелковой шали. Джон представил ее Джексону. Маффин злилась на Джона и бросала в его сторону недовольные взгляды.

— Послушай, — предложил Джексон, — а что, если Маффин приведет сегодня подружку?

— Зачем? — глупо спросила Маффин.

— Конечно, — сразу же согласился Джон, поняв намек. — Какую бы вы предпочли?

— Обычную, — хохотнул Джексон.

Появился Маленький Марти. Он шел намеренно раскачивающейся походкой, юношеское лицо было аккуратно покрыто крем-пудрой.

Маффин скинула шаль и улыбнулась.

Маленький Марти покраснел так сильно, что этого не мог скрыть даже грим.

— Привет, — сказала Маффин.

— Привет. — Голос Маленького Марти дрожал.

— Какая чудная парочка! — с энтузиазмом заметил Джексон. — Они классно смотрятся вместе.

Это действительно была прекрасная пара. Она небольшого роста, несмотря на высокие каблуки. Оба молодые. Оба симпатичные. Джон поставил их следующим образом: Маленький Марти стоял лицом к камере, а Маффин — спиной к Марти, слегка наклонив голову в ковбойской шляпе.

— Фантастически! — воскликнул Джексон. — Все точно! Сексуально, но не навязчиво. Как раз то, что необходимо для рекламы этому мальчику!

Маффин ушла из студии раньше Джона. Ему нужно было сделать еще серию снимков, а она хотела вернуться домой, вымыть голову и подготовиться к приему, на который их пригласил Джексон.

Маффин волновалась и знала, кто был причиной этого волнения. Маленький Марти Перл! Какой очаровашка!

— Мы можем увидеться позднее? — спросил он. — Может, заглянешь после вечеринки ко мне в отель?

— А почему бы и нет? — ответила она.

— Только никому ни слова. Это секрет. — И он приложил палец к губам.

— Секрет, — улыбнулась она.

Знакомство с Марти привело Маффин в восторг. Она видела его фотографии в журналах, слышала его голос на пластинках, но в жизни он оказался еще более привлекательным.

Маффин все еще дулась на Джона. В сущности, их размолвка произошла очень кстати. Ей легко будет поссориться с ним на приеме и уйти. В то же время злость на Энтони Прайта улетучилась. Джон был прав. Не стоило волноваться. Бедняга просто завидовал ей.

Потихоньку напевая, Маффин вошла в квартиру. Что ей надеть? Что-нибудь ультраоткровенное? Или шикарное?

Зазвонил телефон, и она подняла трубку. На другом конце провода молчали. Маффин нажала на рычаг. Опять эти странные звонки! Джон сказал, что есть множество скрытых обожателей, которые звонят хорошеньким девушкам.

— Они от этого ловят кайф, — объяснил он.

Если же он сам поднимал трубку, а в трубке молчали, то Джон обязательно кричал:

— Давай, давай, сынок, может, и меня полюбишь?

— Ты отвратителен, — обычно жаловалась Маффин, но не могла не смеяться вместе с Джоном.

Телефон зазвонил опять. Может быть, это Энтони Прайт? Он вообще-то похож на тех, которые звонят и молчат.

— Прият миссис Уилсон для холостяков слушает! — иронически сказала Маффин.

— Джон дома? — послышался неприятный голос Джейн, жены Джона.

— Нет. — Маффин ненавидела Джейн.

— Это Маффин? — Джейн выговаривала ее имя с явным отвращением.

— Да, а с кем я разговариваю?

— Это миссис Клептон.

— О, мама Джона?

— Нет, дорогая, его жена.

— Извините, голос похож на мамин.

— Ничего, дорогуша, я приняла вас за прислугу.

— Джона дома нет.

— Вы уже сказали. Передайте, пусть позвонит мне. Между прочим, я видела вашу фотографию с помолвки. Вот уж смешно! Молоденькие глупые девочки готовы на все ради рекламы. Джон вообще не имеет намерения снова жениться: он сказал мне, что сделал это для того, чтобы вы не возникали, а потом, с разводом еще не решено. Разве Джон не сказал вам? Не ставьте на него, ведь я могу еще передумать. Пока.

— О! — Маффин держала в руках трубку, в которой раздавались короткие гудки. — Отвратительная старая сука! Он хочет на мне жениться! Очень хочет! — Она в ярости бросила трубку.

Неужели Джон лжет? Если так, то она ему задаст!

Глава двадцать пятая

Когда самолет приземлился, в Лондоне было солнечно. Несколько часов полета Клео провела работая над материалом о Сэмми Марселе. Материал получился хлесткий и звучал как обвинение всем мужчинам, которые считали женщин привлекательными вещами, пригодными лишь для мужских удовольствий. Известный актер оказался настоящим женоненавистником. В острой, юмористической статье Клео разоблачила Сэмми Марсея и подобных ему мужчин. Она не могла дождаться, когда отпечатают материал и отошлют Расселу.

На такси Клео добралась до отеля, а поскольку она вернулась на день раньше, то комнату для нее нашли с трудом.

В отеле ее ожидали три записки от Доминик Ласт, в которых та просила немедленно позвонить. Клео набрала номер.

— Я благодарю Бога, что ты вернулась. Мне можно прийти? — спросила Доминик.

— Я только что вернулась. Хочу еще поработать.

— Пожалуйста! Это очень важно. Я должна поговорить с тобой.

— Хорошо, — без энтузиазма сказала Клео: опять она не сумела отказать.

Доминик пришла через час. Рыжие волосы спрятаны под шарфом, а заплаканные глаза — под солнечными очками. Вероятно, перед приходом она долго рыдала.

Клео вдруг стало жаль ее.

— Ты ужасно выглядишь! — воскликнула она. — Что случилось?

Доминик сняла очки, и Клео увидела огромный синяк.

— Посмотри, что сделал этот подлец!

— Дайан? — ужаснулась Клео.

— Нет, твой друг. Эта гадина, с которой ты меня познакомила.

— Шеп Стоун?

— Именно так зовут этого подлеца-импотента.

Клео села.

— Я ничего не понимаю. Когда мы в последний раз разговаривали с тобой, он был самым потрясающим мужчиной в твоей жизни. И ты собиралась оставить мужа и любовника ради него.

— Мне можно выпить?

Доминик сняла шарф и встряхнула волосами.

Клео посмотрела на часы. Было около четырех.

— Я не знаю, открыт ли бар.

— Они всегда обслуживают в номерах. Мне двойной виски.

Клео взяла трубку и заказала чай для себя и виски для Доминик.

— Может быть, все-таки расскажешь мне, что случилось?

Доминик вздохнула.

— Как я уже рассказывала тебе, Шеп заставил меня переспать с ним в тот день, когда ты нас познакомила. Наверное, я была немножко пьяна. Он воспользовался ситуацией. Если бы ты осталась, а не убежала...

— Позволь, но именно ты пригласила его присесть за наш столик.

— Я думала, что он твой друг.

— Если бы я хотела, чтобы он присоединился к нам, то пригласила бы его сама. Я Стоуна не выношу.

— Ну, во всяком случае, если бы ты осталась...

— По телефону ты мне сказала, — напомнила Клео, — что провела с ним великолепные часы, настоящая любовь и все в этом роде, и что ты собираешься оставить Дайана ради него.

— Чепуха! — резко сказала Доминик. — Ты ничего не поняла.

— Чушь! — воскликнула Клео.

В дверь вежливо постучали, и вошел официант с заказом.

Они дождались его ухода, а затем Доминик раскрыла карты:

— Представляешь, я потеряла в его номере бриллиантовое кольцо и, когда на следующий день пришла, чтобы забрать его, он меня ударил.

— Все было именно так?

— Да. Я не лгу.

Клео налила себе чаю. Нет слов! Доминик заслужила бы высшую награду на конкурсе лжецов.

— Ну? — спросила Клео. — И чего ты хочешь от меня?

— Договорись о встрече. Я хочу поговорить с ним.

— Поговорить? О чем?

— Я хочу поговорить наедине. Если ты ему позвонишь, он придет, чтобы встретиться с тобой. Тебя на месте не окажется. Вместо тебя пойду я. Все просто.

— Послушай, подожди минуточку. Зачем мне встречаться с человеком, который тебя ударил? Шеп Стоун мне страшно не нравится, но я никогда не смогу представить его бьющим женщину. За что он тебя ударил?

— Не знаю.

— Так. Или говори правду, или забудем обо всем.

— Ты что, хочешь сказать, что не сможешь мне?

— В твоем рассказе полно провалов. Пожалуйста, больше не приходи сюда, не лги и не пытайся меня использовать.

Доминик передернула плечами.

— Я и не думала, что ты мне сможешь.

Она допила виски, встала и сказала ровным голосом:

— Ты ревнивица, Клео. Не можешь пережить, что Шеп захотел меня, а не тебя.

— Да прекрати ты...

Доминик надела шарф и очки.

— Ты завидуешь, потому что у меня есть семья и ребенок. Ты всегда завидовала мне. Моим волосам, моей фигуре. Ты всегда...

Клео встала.

— До свидания, Доминик.

Клео зашла в ванную и хлопнула дверью. Господи! Как несправедливо! Она всегда хотела быть хорошим другом, и вот что из этого получилось.

Рассел Хейз. Подружка Сьюзен. А теперь и Доминик.

Выходит, что она ничего не знала о своих друзьях.

Зазвонил телефон. Когда Клео вошла в комнату, Доминик уже не было. Звонил Батч Кауфман.

— Вечером много приемов. Я думаю, можно будет заглянуть на них вместе.

— Отлично. Как раз сегодня это мне не помешает.

— Я заеду к восьми. А потом, может быть, организуем собственную вечеринку? Мой дублер достал нечто особенное.

— Не исключено.

— Хорошо, мисс Спокойствие. Увидимся позднее.

Глава двадцать шестая

Поскольку Джон не мог решить, какая девушка больше подойдет для Джексона, он пригласил Эрику и Лори. Они пришли обе, Маффин приветствовала их словами:

— У него для вас потрясающий мужик, настоящий огонь!

— Американец, — заметил Джон, — способен на многое.

— Да уж! — Маффин показала язык и побежала краситься.

Она ничего не сказала Джону о звонке жены, решив приберечь эту информацию до поры до времени.

На Эрике был коричневый шелковый костюм с большим вырезом. Светлые волосы разделялись посредине на пробор и ниспадали на плечи.

— Ты прекрасно выглядишь, — восхищенно сказал Джон.

Лори решила подчеркнуть свою смуглую кожу красным нарядом цыганки. Прическа была в африканском стиле, а косметика так и бросалась в глаза.

— Экстравагантно! — оценил Джон. Он был доволен. Девушки выглядели потрясающе, и одна из них обязательно понравится Джексону.

Появилась Маффин в белой с оборками блузке, заправленной в белые джинсы. Кроме того, на Маффин были белые сапоги. С ее появлением девушки как-то поблекли.

— Видела статью Энтони Прайта сегодня утром, — улыбнулась Эрика. — Ну и сука!

— Не надо. — Джон взял ее за руку. — Об этом предмете говорить сегодня не будем. Пошли.

У Маффин внутри все кипело.

Вот и доверяй Эрике! Неужели она действительно читала то, что написал о ней Энтони Прайт? Глупая, старая корова! Ей не меньше двадцати шести. Ей-то чего смеяться! Хорошо все-таки, что Джон пригласил Эрику и Лори на прием: они его займут. У Маффин были свои планы, в которые не входил проклятый Джон Клептон.

* * *

Весь день Майк Джеймс провел в деловых встречах. Он намеревался покончить со всеми делами и провести оставшееся время в Лондоне с женой. Свободное время. Время для разговоров. Время для любви.

Его повели в ресторан, где Майк, вопреки обыкновению, даже не пытался заговорить ни с одной из дюжины очаровательных девушек, обедавших там.

«У меня изменился характер, — думал он. — Я могу спокойно смотреть на красоток и не думать о сексе. Ну, может быть, совсем немножко. Но ведь подумать — не значит сделать. Кажется, я делаю успехи».

Майк имел серьезный разговор с Джексонem по поводу матери Маленького Марти.

— Нужно, чтобы она уехала, — сказал он. — Она только мешает турне. отошлите ее домой.

Джексон согласился:

— Будет сделано.

Вечером Майк пошел на прием к Маленькому Марти Перлу. «Не связывайся ни с

кем, — предупредил он себя. — Сделай это хотя бы раз в жизни».

Там было много девушек. Толстых. Худых. Умных. Глупых. Он оставался в одиночестве, немного поболтал и даже отказался от одного прозрачного предложения.

Майк гордился собой. Верный муж, мужчина, который бережет себя для жены.

— Эй, — позвал Джексон, когда вечеринка была в разгаре, — может, поужинаешь с нами?

— Не знаю, — ответил Майк и внимательно осмотрел девушек, которые держали Джексона под руку. Ему понравились обе: и блондинка, и негритянка.

— Вы знакомы с Джоном...

— Клептоном, — подсказал Джексон.

— Да, Клептоном. Джон сегодня делал снимки для нашей пластинки. Чудный парень, молодчина. А это Майк Джеймс, Джон. Майк входит в совет директоров компании «Хэмптон рэкордс». Тебе полезно с ним познакомиться.

Они пожали друг другу руки, и Майк повернулся к блондинке.

— Меня зовут Эрика, — сказала она, протянув руку и задержав ее в его ладонях дольше положенного.

Джексон по-хозяйски обнял Лори, он отлично знал репутацию Майка Джеймса в Нью-Йорке.

«Неважно, — доказывал себе Майк, — если я и пересплю с кем-нибудь до того, как увижу Клео. Это не в счет. Во всяком случае, она не узнает».

— А где мы будем ужинать? — поинтересовался Майк.

* * *

— Ты, как обычно, потрясающе выглядишь.

Клео вздохнула.

— Благодарю, Батч. Но я бы так не сказала. Я злая, обиженная, без настроения.

— Надеюсь, не из-за меня?

— Конечно, нет.

— Тогда почему?

— Не хочу вдаваться в подробности. Все скучно и грустно. Давай просто приятно проведем вечер и удовлетворим свое «эго».

— Полностью согласен. Вместе мы можем быть по-декадентски эгоистичны. Может быть, забудем о приемах?

— Нет, давай сходим туда. Хочется шума, музыки, я хочу понаблюдать за людьми.

На Клео было новое трикотажное платье, ниспадавшее складками, черные шелковые чулки и босоножки на очень высоком каблуке. Приятная перемена, потому что обычно она носила брюки. Клео знала, что Майку это пришлось бы по вкусу: он часто корил ее за то, что она прячет ноги.

— У тебя лучшие ноги в Нью-Йорке, — ворчал он. — А ты прячешь их, как португальская монахиня.

Мысли о Майке вызвали злость. Он перестал звонить. Просто так. Никаких писем. Ничего. Прошло так мало времени, а он уже смирился с ее уходом.

Нужно подумать о будущем. Осталось взять два интервью у актеров. А потом? Клео не

хотела возвращаться в Нью-Йорк. Возможно, она больше не будет работать на Рассела Хейза и журнал «Имидж».

— Сначала поедем в Дорчестер, — сказал Батч. — Я обещал появиться на приеме у Маленького Марти Перла. Если будешь себя хорошо вести, я тебя представлю. Ему шестнадцать лет, он девственник и симпатичнее, чем ты.

* * *

Джексон и Джон с видом родителей наблюдали за Маффин и Маленьким Марти, когда те позировали фотографам.

— Хорошая парочка, — заметил Джексон.

— Да, — согласился Джон. Он подумал, что не стоило объявлять об их с Маффин помолвке. Небольшая любовная история с Маленьким Марти — это же фантастическая реклама! К тому же это значительно улучшило бы его отношения с Джейн.

— Остерегайся моей матери, — прошептал Марти Маффин, когда они стояли в окружении фоторепортеров.

— Что? — прошептала Маффин.

— Подожди в холле. Я позову тебя, когда все будет спокойно.

— Так таинственно, — хихикнула Маффин.

— Ты мне действительно нравишься, — сказал Марти, — а я тебе?

— Конечно. — Она сжала ему руку, улыбнулась фотографам и выставила вперед грудь.

* * *

Майк держал Эрику под руку и говорил:

— Почему такая красавица оказалась в компании тупицы Джексона?

— Джон — мой старый друг. Я подумала, что будет весело. У тебя такие зовущие глаза.

— Зовущие только тебя.

— Куда поедем?

— Называй любое место.

— Ты слишком назойлив.

— Мне нравится твоя блузка.

— Блузка — такое старинное приятное слово.

— Я употребил его, потому что решил, что ты приятная девушка с прекрасными старомодными манерами.

— Ха-ха.

— Может, не поедем со всеми, а удерем куда-нибудь вдвоем?

— Неплохо бы.

Майк подмигнул.

— Я все устрою. Переговорю с Джексоном, и двинемся.

— Ты слишком торопишься.

— Ты еще плохо меня знаешь.

— Ну вот, — говорил Батч, — как только съемки закончатся, я сразу же вернусь в свой дом на побережье. Если будешь в Лос-Анджелесе, добро пожаловать! Там со мной живет одна девушка, но она всегда может переехать, она все поймет. — Он помог Клео выйти из машины. — Что ты об этом думаешь?

— Я сейчас ничего не планирую, Батч. Пусть все идет своим ходом.

К Батчу бросились поклонницы, желающие получить автограф, и Клео пошла в отель. Она стояла в холле и смотрела на приближавшегося к ней мужчину. Так похож на Майка. Та же походка. Он обнимал блондинку. Когда они приблизились, у Клео до боли сжалось сердце: это был Майк.

Он болтал с Эрикой: легкий двусмысленный разговор должен подогреть девушку. Потом он заметил пару потрясающих ног. Когда его взгляд добрался до лица, Майк понял, что перед ним была... О, черт! Клео!

Он отдернул руку от Эрики, но было уже поздно: Клео его заметила. В это время подошел мужчина, в котором Майк узнал киноактера Батча Кауфмана, и взял Клео под руку.

— Господи! — вырвалось у Майка.

— Что случилось? — спросила Эрика. — Почему мы остановились?

Пока Майк лихорадочно решал, что делать, Клео прошла мимо со своим спутником.

— Привет, Майк, — обронила она на ходу, — рада, что у тебя все в порядке.

Он открыл рот, чтобы ответить. Но она спокойно, держа Батча за руку, ушла. Сука!

И для этого он совершил перелет через Атлантический океан!

— Кто это? — поинтересовалась Эрика.

— Моя жена, — горько сказал Майк.

Глава двадцать седьмая

Портье подозрительно посмотрел на Маффин.

— Я ищу мистера Марти Перла.

— То же самое делают и многие другие девушки, — ответил он, вытягивая шею и заглядывая в вырез блузки.

— Мистер Перл пригласил меня. Я подожду в холле. Когда он позвонит, сообщите мне. Меня зовут Маффин.

— Как?

— Маффин, — назвала она по буквам.

— Вы же не можете провести в холле всю ночь. Почему не выйти на улицу с другими девушками?

— Я не поклонница, — обиженно возразила Маффин, — а близкий друг. Пожалуйста, сообщите мне, когда он позвонит.

Она выбрала место, откуда был хорошо виден портье, уселась в кресло и облегченно вздохнула.

Это было непросто. После того как ее сфотографировали на приеме, она старательно избегала Джона. Было полно знакомых, и она болтала то с одним, то с другим, пока Джон не отвел ее в угол и не сказал:

— Пойдем, и будь приветливее с Джексоном. Поболтай, очаруй его. Он тот человек, который нам нужен в Америке.

— Нет, — коротко возразила Маффин, — мне надоело развлекать людей, осточертели твои дела. И твоя ложь.

— Прекрати, Мафф, — попросил Джон, — это очень важно.

— Плевать. Оставь меня в покое.

— Это глупо!

— Если я хочу быть глупой, то я буду глупой, а ты убирайся!

Какое-то время они в упор смотрели друг на друга, потом Джону пришлось убраться к Джексону.

Маффин вышла из отеля и вызвала такси. Завтра они с Джоном помирятся, если она этого захочет и если он сможет толком объяснить звонок Джейн. Но сегодня для разнообразия она будет заниматься тем, чем захочет.

Ее позвал портье.

— Люкс 404, — сказал он, — четвертый этаж.

— Спасибо. Я же говорила вам, что он меня ждет. — Маффин пошла к лифту, чувствуя, что волнуется. Она и припомнить не могла, когда такое происходило с ней в последний раз.

Маленький Марти ждал ее у входной двери. На нем был короткий махровый халат.

— Быстро! — Он втолкнул ее в номер, захлопнул дверь и закрыл на ключ. Потом схватил Маффин и неумело поцеловал.

— Ты заставляешь меня дрожать! — воскликнула она.

— Ты такая сексуальная, — ответил он. — Пойдем в спальню, я покажу тебе свои пластинки.

Они побежали туда, смеясь и держась за руки. На кровати были разложены пластинки с фотографиями Марти на обложках.

— Я записал десять альбомов, — похвастался Маленький Марти. — И два золотых диска.

— Потрясающе. Мне раздеться?

Марти с изумлением наблюдал, как Маффин сняла вначале сапоги, потом брюки и блузку.

— Ты такая красивая, — сказал он и потянулся к торчащей груди.

Она развязала пояс у него на халате.

— А ты потрясающий мужчина! — воскликнула она.

— Неужели?

— Да ты и сам знаешь об этом.

— Спасибо. Может, поставить пластинку?

— Да. Здорово.

Марти поставил диск «Только для подростков», и Маффин завизжала от восторга.

— Может, займемся любовью? — несмело предложил Марти.

— Почему бы и нет? — согласилась Маффин и легла на постель.

Марти осторожно расположился рядом.

Все закончилось быстро. Они опять завели пластинку и продолжали заниматься любовью. В течение часа — четыре раза. Маффин не смогла сдержать восторга.

— Ты супермен! Я люблю тебя!

Вспомнив свои неудачные попытки с проститутками, Маленький Марти сказал:

— Я думаю, нам надо пожениться.

— Да, — ответила Маффин, которой понравилось это предложение. — Конечно. Давай еще поиграем и обсудим это.

Глава двадцать восьмая

Клео никогда не пила много, но на этот раз решила, что пришло время набраться до чертиков. Она всегда ограничивалась маленькими рюмками сухого вина, и переход к двойным порциям виски дался нелегко.

— Поехали ко мне и там покурим, — предложил Батч.

— Я лучше напьюсь, — твердила Клео. — Я праздную окончание семейной жизни на всю катушку.

— Может, отпразднуем другим способом?

— Сексуальный маньяк.

Они побывали на приеме Маленького Марти Перла, потом — еще на одной вечеринке, потом поехали на сборище киношников, где встретили Рамо, который присоединился к ним вместе с двумя девушками.

К этому времени Клео уже порядком набралась. Двойной виски, затем — шампанское, затем — бренди, а потом она почему-то оказалась в отеле у Рамо, и он давал нюхать нашатырь, а она пыталась сказать, что ненавидит этот запах — просто выносить не может.

Куда, черт возьми, подевался Батч? Кто-то пытался снять с нее платье, она с трудом встала на ноги и потребовала, чтобы ее отвезли домой.

— Но дорогуша, — объяснял голый Рамо, — Батч в спальне с девочками, так что остались только мы с тобой, давай займемся любовью.

— Нет. — Клео покачала головой; все плыло, ее подташнивало. — Я еду домой.

Как жаль, что у нее нет настоящего дома. Квартира в Нью-Йорке стала чужой, так что, пока все не уладится, придется жить в отелях.

Клео нетвердым шагом спустилась вниз — на улице уже светало.

Господи! На одиннадцать назначена встреча с английским актером Даниелом Онелом. В каком же виде она явится!

Клео взяла такси и по дороге с трудом сдерживала тошноту. У входа в отель злой Майк с побелевшим лицом нервно мерил шагами улицу.

— Уже пять утра! — завопил он. — Где ты, черт возьми, шлялась?

Майк всегда отличался умением мыслить логически. И он уже винил во всем не себя, а ее.

Клео заплатила за такси, попыталась не обращать внимания на мужа, который вскоре станет бывшим. Но он просто подпрыгивал от ярости.

— Ну? — потребовал Майк ответа.

Она посмотрела на него недружелюбным взглядом.

— Чего-то в тебе не хватает... А-а, вот теперь все ясно. Почему на твоей руке не висит блондинка? Что-то не в порядке, Майк, блондинки нет.

— Ты пьяна?

— И устала. И хочу спать. — Она вошла в отель.

Он проследовал за ней.

— Пошел к черту! — сказала она.

— Нам надо поговорить.

— Майк, иди куда-нибудь в другое место и там разговаривай, я тебя не держу. Делай все, что хочешь, я тебе не помеха.

— Клео...

Ее распирало от злости. Лживый притворник, неверный муж.

— Майк, малыш, сделай мне одолжение, убирайся немедленно.

Она ринулась в лифт, поднялась в номер и почувствовала приступ тошноты.

«Так тебе и надо, не напивайся».

* * *

Вначале Майк решил послать все к чертям. Его опять поймали со спущенными штанами — фигурально говоря.

«Кто это был?» — спросила Эрика. Когда Майк ответил: «Моя жена», он уже страшно винил себя за то, что так глупо попался во второй раз.

Наконец до него дошло, что его жена была не одна. Что она делала с таким повесой, как Батч Кауфман?

Они с Эрикой сидели в том же ресторане, где он обедал в предыдущий день; она болтала со знакомыми.

— Извини, — обратился Майк, — ты не будешь против, если я уйду?

— Нет, — ответила Эрика, решив, что ему нужно в туалет.

Он встал из-за стола, нашел официанта, оплатил счет и вышел из зала. Майк несколько не сожалел об Эрике. С ней все будет в порядке, ее окружали друзья.

На такси он вернулся на прием к Марти Перлу, но Клео там не оказалось. Все уже разошлись, осталось лишь несколько пьяных журналистов, которые никогда не упускали случая набраться за чужой счет.

Он прошелся по отелю, тщетно пытаясь найти Клео, потом поехал в ее отель, где ему объяснили, что днем она была в отеле, но сейчас отсутствует.

Остаток вечера Майк провел в баре. Потом ожидал в холле до двух ночи, пока его вежливо не попросили выйти. До самого утра он торчал на улице, пока в начале шестого Клео не приехала на такси. Пьяная. Язвительная. Злая.

Затем она убедительно, о да, убедительно приказала ему убираться. Подобные выражения Клео обычно употребляла в крайнем раздражении. Конечно, она была пьяна, но разве это смягчает ее вину? Ведь он прождал всю ночь.

Теперь она исчезла, удрала к себе в номер. Клео не была расположена прощать. Она не пожелала никаких объяснений.

«Сьюзен, Сьюзен, кто она? О, эта... ну, между нами ничего и не было, просто немножко оступился, пожалел ее. Это же ничего не значит. Вернись, Клео. Ты потрясающе выглядела сегодня. Я видел твои ноги. Я хочу тебя».

У себя в отеле Майк шагал по комнате взад-вперед. Он поспит несколько часов и пойдет к ней. Может быть, подарить ей что-нибудь? Ей всегда нравились подарки. После того как она простит его, он спокойно разузнает, что она делала с Батчем Кауфманом до пяти часов утра.

Глава двадцать девятая

Во время ужина Джон оказался рядом с Лори, Эрикой и Джексон. Компания, конечно, не из идеальных. Безусловно, Маффин она бы не понравилась. Во всяком случае, это ее вина. Она сбежала, как необузданный подросток.

Они уютно сидели в «Сан-Лоренцо» вчетвером. Джексон приклеился к Лори, все время шептал ей что-то на ухо, она хохотала.

Эрика держалась настороженно и беззаботно уминала за обе щеки все, что подавали.

— Майк Джеймс продемонстрировал трюк и исчез, — объяснила она, — но я осталась, потому что умирала от голода.

В «Сан-Лоренцо» обычно собирали информацию для колонок сплетен. Осведомителей хватало, и Джон был уверен, что завтра же появится сообщение о том, что его видели с девушкой. Не с Маффин.

А где сейчас Маффин? Без сомнения, дома, в постели и страшно переживает.

— А где Мафф-Мафф? — поинтересовалась Эрика, покончив с едой.

— Не могу понять, куда вмещается столько пищи, — удивленно покачал головой Джон.

— Все ты прекрасно знаешь. Неужели у тебя девичья память?

Боже! Он со страхом вспомнил о связи с Эрикой. Когда доходило до секса, она становилась сумасшедшей. Настоящая буря страсти! Джон никогда не забудет, как она впилась зубами в его тело, и он подумал: сейчас она откусит кусок. Он был уверен, что она собирается это сделать, и с трудом вырвался; остались лишь раны и твердая уверенность в том, что нужно держаться подальше от якобы холодных блондинок. Конечно, это было до Маффин.

Он радовался, что Джексон не выбрал Эрику, хотя, по словам Маффин, Лори тоже отличалась странноватым вкусом. Джон удивился, когда узнал, что Маффин с подружками часами обсуждали свои похождения. И в самых ярких деталях!

— Я спросила, куда запропастилась Маффин? — деликатно поинтересовалась Эрика.

— Она устала, — объяснил Джон, — был трудный день, и я отослал ее домой.

— Она расстроилась из-за статьи Энтони Прайта?

— Эрика, а ты бы расстроилась, если бы твое интервью опубликовали в популярной еженедельной газете? Я, конечно, уважаю тебя, ты прекрасная модель, но как часто твое имя помещают под фотографиями?

— Мне не нужна личная реклама. Работы всегда хватает.

— Это прекрасно. Но Маффин не обычная модель. Я собираюсь сделать из нее настоящую звезду.

— Тоже мне мудрец! Ты всегда был жуликом. Возможно, тебе что-то и удастся.

— Я могу этого добиться.

Эрика постучала длинными ногтями по столу.

— Может, заглянем ко мне на чашечку кофе?

— Нет, милашка.

— Спешись домой, к своему денежному вкладу?

— Нет, домой, к своей девушке.

Эрика пожала плечами.

— В таком случае, думаю, вы меня извините, если я иду и присоединюсь к своим

друзьям. — Она встала и слабо улыбнулась. — Если изменишь свое решение, позвони мне, Джон. Ты мое слабое место. Догадываешься, о чем я?

Джексон и Лори продолжали хихикать и шушукаться. Джон понял, что вечер вряд ли закончится серьезным деловым разговором, поэтому, похлопав Джексона по плечу, договорился о завтрашней встрече.

Джексон вульгарно подмигнул.

— Спасибо, дружище, завтра во всем разберемся.

Джон кивнул. Он решил использовать этого американца — узнать все ходы и выходы, завязать связи с нужными людьми. После съемок для календаря Шумана необходимо двинуть в Штаты. В Америке Маффин получит мировую известность, Джон с помощью друзей будет рядом. Он предложит Джексону маленький процент — всего лишь кусочек от Маффин, возможно, даже полпроцента. Джексон не тот человек, который будет делать что-то бесплатно.

В Америке Джон наконец-то избавится от Джейн. Какое это будет облегчение — не слышать ее ноющего голоса. Конечно, он будет скучать без детей, но они смогут приезжать и навещать его. К тому времени он сможет позволить себе оплатить расходы на няню, которая будет привозить детей. Вот будет здорово! Дом с бассейном. Несколько машин. Слуги. Вечеринки.

Джон улыбнулся. Жизнь станет действительно прекрасной. Он чмокнул Лори в щеку.

— Будь поласковее с моим другом, — посоветовал он.

Лори закатила глаза.

— Ну ты и паскудник, мальчик с детским лицом, — сказала она.

Ну, вроде Джексон при деле. Джон надеялся, что американец поймет, кого он должен благодарить.

Он заметил Эрику, которая болтала с друзьями, и для приличия кивнул ей на прощание.

Он был польщен тем, что она по-прежнему предлагала ему себя, но, если начистоту, она ему больше не нравилась. Домой, к Маффин. Симпатичной, уютной, обворожительной, глупой Маффин.

Хотя... Нет, она не глупа. Несправедливое обвинение. Наверное, просто по-детски воспринимает жизнь, а это даже приятно.

В свои двадцать шесть лет Джон был циником по отношению к женщинам. Он спал с ними с четырнадцати лет и перебрал их немало. Но все это было до Маффин. Она стала его пропуском в лучшую жизнь, они вместе добивались ее.

Джон тихо вошел в квартиру. Пусть Маффин поспит со своими обидами, утром ей станет лучше. Он потрепал Скаффа и долил молока в блюдце, разделся в ванной и на цыпочках подошел к постели. Он протянул руку, чтобы нащупать Маффин, и обнаружил, что ее нет.

Глава тридцатая

Телефон разбудил Клео рано утром. Она глянула на часы и ужаснулась: десять минут одиннадцатого! В девять будильник не зазвонил или она не слышала. Так или иначе, но чувствовала она себя отвратительно.

Телефонистка из Америки попросила подождать; во рту было неприятно сухо, а голова просто раскалывалась.

— Не могу же я ждать целый день, — заорала она со злостью и, не услышав ответа, стукнула трубкой.

Клео встала, самочувствие ухудшилось, но она заставила себя добраться до ванной и встать под холодный душ.

Голова немножко прояснилась, и неожиданно перед глазами всплыли картины прошлого вечера.

О Господи! Голый Рамо. Батч с двумя девушками. Майк. Или все это кошмарный сон?

Сейчас не время волноваться. В одиннадцать назначена встреча. Завтракать нет времени. Быстро накраситься. Одеться. Причесать волосы. Взять диктофон, кошелек, записную книжку, карандаши.

Без пятнадцати одиннадцать. Опять звонит телефон. На этот раз голос Рассела Хейза из Нью-Йорка звучит ясно и громко. Не мог выбрать более подходящее время!

— Материалы о Кауфмане и Калифе — просто чудесные, — похвалил он.

«Да! — подумала Клео, — я могла бы еще столько порассказать о них обоих, что у тебя бы просто голова лопнула. Например, как выглядит голый Рамо».

— Спасибо, Расс.

— Мы решили взять интервью с Кауфманом, чтобы открыть всю серию. Собираюсь послать Джерри сделать снимки. — Он остановился и затем спросил: — Ты уже виделась с Майком?

Она взглянула на часы и поняла, что опоздает.

— Нет, послушай, Расс, я...

— Ни о чем не беспокойся. Я с тобой. Буду ждать, и если захочешь, чтобы я приехал, то готов вылететь немедленно.

Черт возьми!

— Все нормально. Приезжать не нужно. Мне пора бежать, опаздываю на встречу.

— Хорошо, моя дорогая. Просто хотелось, чтобы ты знала: я всегда рядом, если ты нуждаешься во мне.

— Пока, Расс. — Она бросила трубку.

«Моя дорогая». Вот уж на самом деле. Грустно, но после этого задания она скажет «до свидания» журналу «Имидж» и всему, что с ним связано. Стыдно, но неизбежно.

Придется начинать сначала — абсолютно во всем.

Она позвонила портье и попросила заказать такси. Без пяти одиннадцать. Если удастся, она опоздает всего на несколько минут.

Даниел Онел жил в небольшом, похожем на конюшню доме.

Входную дверь открыла светлая датчанка, которую Клео приняла за иностранную студентку. Она улыбнулась и провела гостью в гостиную.

— Он скоро придет, — сказала она с сильным акцентом. — Хотите кофе?

Клео кивнула головой.

— Черный. Без сахара.

Датчанка неуклюже удалилась, и Клео осмотрелась. Огромная комната, очень современная, черные кожаные кресла и диван. Столики из хрома и стекла.

Даниел Онел явно принимал вчера гостей: пепельницы наполнены окурками, повсюду грязные стаканы. Конверты от пластинок разбросаны по полу, перевернутая ваза с розами на ковре...

— Почему ты решила взять интервью у Даниела Онела? — спросил Рассел, когда она подала список, собственноручно составленный ею для новой серии.

— Он талантлив, а женщины находят его привлекательным. И еще: не обязательно выглядеть, как мальчишки на пляже, чтобы стать знаменитостью.

— Хорошо, — согласился Рассел, — я просто так спросил.

Почему она решила переговорить с Даниелом Онелом?

Да потому, что хотела встретиться с ним. Потому, что он был ее любимым актером. Потому, что, несмотря на небольшой рост, очки и возраст, приближающийся к пятидесяти, он был по-прежнему очарователен, и это влекло женщин.

Клео досадовала на свое плохое самочувствие. Жаль, что она не смогла провести утро в постели. Порою она мечтала быть похожей на мать, которой не пришлось работать ни одного дня в своей жизни.

После замужества Клео вопрос о ее работе никогда не вставал. Майк понимал, что у нее есть свое дело, верил в женское равноправие и не очень жаловал женщин, которые ничего не делали.

— Неужели им не скучно? — спрашивал он ее о замужних подругах-бездельницах. — Черт возьми, что они делают весь день?

— Ходят к парикмахеру, по магазинам, обедают с друзьями, — объясняла она.

— Блестяще!

Даниел Онел вошел в комнату. Он был выше, нежели она ожидала, и стройнее.

Улыбнулся и сказал:

— Извините за разгром.

На нем была пестрая рубашка с расстегнутым воротничком, черные брюки и белые кроссовки. Черные волосы были выкрашены в ярко-рыжий цвет: это было необходимо для съемок в очередном фильме.

— Лучше, если вы сразу поймете, что я ненавижу интервью, — вежливо заявил он. — Я нахожу их скучными для всех — для вас, для меня, для того бедного дурачка, который будет читать мое мнение по всем вопросам — от кухни до парашютных прыжков.

— Вот как... — сказала Клео.

Он предупредительно поднял руку.

— Но я прочитал вашу статью о сенаторе Эштоне в журнале «Имидж»: объективно, хорошо написано, свежий взгляд. Я решил, что между нами есть что-то общее, так что встретиться будет интересно. — Он снял очки и уставился на нее. — Конечно, я имею в виду только наш разговор.

— Это понятно, — запинаясь, пробормотала Клео. Она вдруг почувствовала себя неуютно рядом со странным рыжим мужчиной в белых кроссовках.

— Хочу предупредить вас, — резко сказал он, — я не желаю обсуждать ни одну из моих жен. Может быть, только первую. И не скажу ни единого слова о последнем разводе.

Ужасная ошибка, она почти свела меня с ума. — Он замолчал, вдруг начал поднимать упавшие розы и ставить их в вазу.

Датчанка вошла с кофе.

— А, Хейди, — приветствовал ее Даниел, — ты познакомилась с Клео Джеймс?

— Похоже, что да, — сказала она.

— Принцесса Хейди Валмерштайн, разрешите представить вам Клео Джеймс. — Даниел в шутку поклонился. — Вот девушка, о которой вам стоит написать. Бедная маленькая Золушка, приехала сюда только с тем, что было на ней надето, и с несколькими телефонными номерами в кармане, из которых один оказался моим.

Клео почувствовала себя лишней.

Хейди сказала:

— Даниел, я ухожу.

— Хорошо, — ответил он, — потрать еще немного моих денег и повеселись так, как не можешь повеселиться со мной.

— О, Даниел, — воскликнула Хейди, — зачем ты всегда шутишь?

— Зачем всегда шутишь? — передразнил он. — Ты здесь уже чертовых шесть месяцев. Неужели нельзя научиться нормально говорить по-английски?

Хейди бросила на него грозный взгляд.

— Я ухожу. Приду позже.

— Господи, — воскликнул Даниел, наблюдая за тем, как уходила маленькая блондинка. — Сам не знаю, как я ее выношу. Она так молода, так тупа и даже не может выучить английский язык.

— Она очень хорошенькая.

— Достаточно хорошенькая, — внес поправку Даниел.

— Я вначале подумала, что она просто иностранная студентка, которая живет в вашем доме.

Даниел зашелся от смеха.

— Вы прощены за все, раз подумали так. Если внимательно присмотреться, то она действительно похожа на студентку университета. Вообще-то она принцесса. Я знаком с ее семьей.

— Приятное знакомство для вас, — пробормотала Клео и глотнула кофе, который оказался страшно крепким. — Ой! — воскликнула она.

— Ужасный вкус? Пошли на кухню, сварим настоящий кофе. Хейди не умеет этого делать, особенно когда он предназначен для другой женщины. Она почти отравила одну из моих жен.

На кухне царил еще больший беспорядок, чем в комнате.

— Здесь, как в туалете, — сравнил Даниел.

— У вас нет прислуги?

— Она приходит и уходит. Сейчас ее нет, как вы сами видите.

— Есть же специальные агентства. Можно позвонить, и они пришлют безработных актеров или кого-то другого.

— Послушайте, милая, если бы здесь появился безработный актер, вы что, думаете, он бы возился с пылесосом? Он бы немедленно заставил меня прослушать его!

Зазвонил телефон. Клео слышала только то, что говорил Даниел.

— Она меня доведет до ручки. — Пауза. — Ну конечно, я ей говорил. — Пауза. — Она

даже не говорит, не то чтобы понимать. — Пауза. — Я знаю, знаю, должен. — Пауза. — Да, конечно, всегда одно и то же. — Пауза. — Если бы мне нужны были такие отношения, то я бы смог найти себе пташку в Сохо, не так ли? — Пауза. — Хорошо, дружище, возможно, позднее. — Даниел повесил трубку.

— Я собираюсь сказать маленькой мисс Валмерштайн, чтобы она упаковала свои вещи и убралась отсюда.

— Послушайте, — искренне сказала Клео, — может быть, вы хотите, чтобы я зашла позднее?

— Нет, конечно, нет. Я же говорил, что будет скучно. И позже будет то же самое.

Клео сварила кофе, Даниел достал пачку печенья, и они вернулись в гостиную.

— Расскажите мне о сенаторе Эштоне.

— Вы же все знаете. — Клео было приятно, что он читал ее статью. Это, пожалуй, лучшее из всего, что сделано ею. Неделя в Вашингтоне, когда она следовала за сенатором по пятам. Шесть часов записанных на магнитофон бесед — неслыханно, ибо он никогда не уделял столько времени журналистам. Рассел сказал, что спрос на журнал вырос, когда появился этот материал. Майк гордился ею. Продюсер с телевидения предложил Клео прослушивание в любое время — для организации шоу, где она могла бы брать интервью.

— Вы замужем? — спросил Даниел.

— Да.

— Счастливы?

— Предполагалось, что вопросы буду задавать я.

Даниел широко раскинул руки.

— Задавайте. Спрашивайте о чем хотите. Только, пожалуйста, не надо глупых вопросов.

— А почему бы нам просто не поговорить? Тему выбирайте сами. Все, что вам нравится.

— Что мне нравится? Я больше ни в чем не уверен. Меня преследует то, что мне не нравится. Плохие браки. Плохие отношения. Плохие фильмы, в которых мне не следовало бы сниматься.

— А чего вы хотите от жизни?

— Хочу иметь рядом красавицу, которая заботилась бы только обо мне. Женщину, которая ставила бы меня на первое место. Верную подругу с неразвитым чувством собственности. Хорошую мать. Прекрасную любовницу. Фантастического повара. Леди с чувством юмора. Вы думаете, она существует?

— Если да, то я предпочла бы такой же вариант мужского рода.

Даниел засмеялся.

— У вас тоже проблемы? — поинтересовался он.

— У кого их нет? — вздохнула Клео.

Даниел скорчил гримасу отвращения.

— Жизнь была бы слишком проста, если бы не приходилось жить рядом с другими людьми.

— Вы явно хотели перефразировать знаменитую строчку Гарбо: «Я хочу быть одна»?

— А вы довольно наблюдательны, милая малышка, не так ли?

Клео залилась краской. Вот уж, действительно, малышка! Рост метр семьдесят и двадцать девять лет от роду. Даниел заставил ее почувствовать себя подростком лет четырнадцати.

— Почему вы не порвете с Хейди, если эти отношения вас не устраивают? — наобум спросила Клео.

Даниел безнадежно пожал плечами.

— Привычка. Одиночество. Вы когда-нибудь возвращались в пустой дом поздно вечером?

— Но ведь у вас много друзей.

— Знакомых, — поправил Даниел. — Эти друзья только для солнечной погоды. Они с радостью проводят с вами время. Если, конечно, ваш последний фильм имел успех.

— У вас ведь должны быть близкие друзья?

— А у вас?

Клео вспомнила Доминик, Рассела и Сьюзен.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — призналась она.

— У меня есть несколько близких приятелей. Этих людей я знаю с молодости. Но у них собственная жизнь. Семьи... — Он замолчал.

— А дети? Вы, должно быть, с ними близки?

— Они вырастают. Становятся взрослыми. Я иногда встречаюсь с Диком. Ему сейчас восемнадцать, и у него есть собственное дело. Послушайте, дорогуша, я сам по себе. Мне сорок девять лет, я прозевал свою личную жизнь и сейчас прилип к этой сумасшедшей датчанке, которую я, естественно, не люблю. Да, не люблю ее, но наша связь классно выглядит в глазах публики. Вы меня понимаете?

Клео кивнула.

— Думаю, что да, но мне очень жаль. Ведь где-то, наверное, все же есть та самая женщина.

— Может быть, поможете разыскать ее?

Почему он вызывает в ней такую нервозность?

— Я уверена, что она где-то есть...

Даниел цинично улыбнулся.

— Конечно.

— У вас развязался шнурок.

Он наклонился, чтобы завязать его. И тут она заметила, что он начал лысеть. Хотя это неважно. Все равно он был самым привлекательным мужчиной, которого она когда-либо встречала. Но Даниел даже не заметил, что она женщина. Для него она олицетворяла блокнот, карандаш и диктофон.

Клео прочистила горло.

— Давайте поговорим о вашем последнем фильме, — предложила она. — Правда ли, что вы послали продюсеру телеграмму, в которой заявили, что никогда с ним больше работать не будете?

— Правда ли, что птицы летают? — засмеялся Даниел.

Глава тридцать первая

Маленький Марти, как сумасшедший, тряс Маффин.

— Просыпайся, — умолял он, — моя мама у двери, и, если она тебя увидит, мы пропали.

Маффин открыла глаза, сонно огляделась вокруг. Где она? Ах да!

— Привет, Марти, — проговорила она, еще глубже забираясь под одеяло. Ей снился такой прекрасный сон о песчаных пляжах и о том, как ее, всю в мехах, фотографировали для обложки журнала «Вог». Интересно, сможет ли Джон устроить это? Он мастер всяких сделок. Почему она вечно должна сниматься раздетой, выставляя напоказ грудь?

— Вставай, — шипел Марти. — Тебя надо спрятать хотя бы на несколько минут.

— О, — обиженно воскликнула Маффин, — мне так тепло и удобно.

Послышались громкие стуки в дверь и пронзительный голос миссис Эммы Перл, требующей впустить ее.

— Поторопись! — Марти вытаскивал ее из постели. — В ванную, закрой дверь и не открывай до тех пор, пока я не скажу.

— Но я замерзну.

— Там куча полотенец. Пожалуйста, малышка, сделай это ради меня.

— Хорошо, — позевывая, Маффин позволила затолкнуть себя в ванную.

Марти помчался к входной двери и открыл ее. Миссис Эмма Перл ворвалась в люкс и подозрительно осмотрела все вокруг.

— Кто у тебя?

— Никого.

— Почему ты так долго не открывал?

— Я спал. Послушай, мам, сейчас только восемь часов, зачем было так рано будить меня?

Она заглянула в спальню и, удостоверившись, что там никого нет, грузно бухнулась на кушетку.

— Как будто ты не знаешь? — покачала она головой. — Меня отсылают в Америку. Мать не подходит для твоего сценического образа. — Ее голос поднялся до обычного визга. — С каких пор матери стали плохи для этого?

— Послушай, мам, — Марти украдкой посматривал на дверь в ванную, — я должен подчиняться всему, что мне приказывают, ты же знаешь.

— А кто проследит за тобой? Кто будет смотреть, чтобы ты нормально питался? Хорошо спал? Кто укутает тебя после концерта?

— Да ладно, мам, Джексон позаботится обо всей этой ерунде.

— Я еще не уехала, а ты уже говоришь таким тоном! А как с девушками?

— С какими девушками?

— С любимыми. Держись от них подальше. — И она таинственно добавила: — Есть такие ужасные болезни, что я даже не хочу называть их вслух.

— Да, мама.

Она резко встала.

— Будь хорошим мальчиком, Марти. В душе я знаю, что ты именно такой. Мне нужно уходить, но помни все, что я тебе сказала.

— Да, ма.

Она обняла его.

— Думай о своей маме. Не забывай чистить зубы три раза в день. Они для тебя очень важны. Не ешь сладкого. Шире открывай глаза, когда тебя фотографируют.

— До свидания, мам.

По ее щекам бежали слезы.

— До свидания, сынок, мы расстаемся ненадолго.

Марти закрыл за ней дверь. Господи! Наконец-то свобода! Свобода ругаться, есть конфеты, всю ночь не спать и, самое важное, — девушки! Девушка. Маффин. Сладкая. Очаровательная. Потрясающая. Сексуальная Маффин!

Марти поспешил к ванной и постучал в дверь.

— Все спокойно, — закричал он, — впусти меня.

Маффин свернулась калачиком на ковре и дремала.

— Впусти меня, — просил Марти, — давай, милая, она ушла.

— Зачем ты меня все время будишь? — бормотала Маффин, поднимаясь и открывая дверь.

Марти прыгнул на нее.

— Ура!

* * *

Майк поздно проснулся, позвонил в отель к Клео и узнал, что опять упустил ее.

Бреясь и одеваясь, он размышлял. Ему не нравилось, как все складывалось. Совсем не нравилось. В прошлом, когда между ним и Клео случались размолвки, они садились, обсуждали все и выясняли отношения. Прежде они всегда приходили к взаимному согласию. Клео ни в коей мере не была глупой, у нее был острый ум. В какие же игры она теперь играет?

Ладно, ну погулял он. Пусть! Но он готов к наказанию.

В дверь постучали, на одно мгновение ему показалось, что это Клео, но, открыв, он обнаружил Джексона.

— Поздравь меня! — похвастался Джексон. — Мамочка сейчас на борту прекрасного самолета, который отправляется в Нью-Йорк. Я лично посадил ее.

— Очень хорошо, — сказал Майк.

— Посмотри на нашу рекламу — неплохо? — Джексон бросил на пол кипу газет. Почти на всех первых страницах были фотографии Маффин и Маленького Марти, сделанные на вчерашнем приеме.

— Эта маленькая шлюха здорово нам помогла, — продолжал Джексон. — Ничто не сравнимо с горячими англичанками, особенно когда примешана кровь Ямайки.

— Как с продажей билетов на концерт? — поинтересовался Майк. Он не хотел выслушивать подробности сексуальных походов Джексона.

— Прекрасно, к полудню все будет продано.

— А что сегодня делает Марти?

— Я разрешил ему поспать подольше, потому что у него ленч с журналистом из популярной газеты. Затем — съемки в парке, парочка интервью для музыкальных изданий,

потом подготовка к концерту. Сейчас пойду и разбужу его. Хотите вместе пообедать?

— Вы, наверное, шутите?

Джексон убрался, и Майк закончил одеваться. Его план был готов. Он поедет в отель к Клео и дождется ее. На этот раз все образуется. Он больше не спасует. Каким же надо быть глупцом, чтобы дать послать себя подальше! Больше такого он не допустит. Нет, на этот раз все будет абсолютно по-другому.

* * *

Напевая под нос, Джексон постучался к Маленькому Марти. Он был доволен собой. Доволен тем, что избавился от матери. Удовлетворен хорошим приемом и вечером, проведенным с изобретательной Лори. Хотя он был несколько недоволен тем, что Джон Клептон не предупредил его, что девушке надо заплатить.

— Ты что, не занимаешься этим для любви? — спросил он ее.

— К черту любовь, — лаконично проворковала Лори. — Не будет денег, не будет и удовольствия.

Таким образом, ему пришлось сначала раскошелиться, а уж потом забраться в постель. Но затраты окупились с лихвой.

Марти подошел к двери и чуть приоткрыл ее. Джексон попытался войти, но Марти не позволил.

— Малыш, расслабься, мамочка уже летит.

— Я знаю, — сказал Марти. — Она приходила попрощаться. Послушай, ты не мог бы зайти позднее?

— Позднее? — Джексон с удивлением посмотрел на часы. — Постой-ка, парень, уже первый час. У нас назначена встреча. Пока ты оденешься и мы доберемся до машины...

— Встретимся в вестибюле без десяти час.

Джексон недоумевал.

— Ты не хочешь посмотреть газеты? Твое имя почти во всех.

Марти взял газеты и попытался закрыть дверь.

— Послушай, парень, что происходит? Ты что, спрятал девчонку под кроватью?

Марти покраснел.

— Малыш, — Джексон говорил приятным, добрым голосом, — гони ее, нам пора быть вместе. Много работы. Позволь мне взять все заботы о твоём сексе на себя, тогда тебя не будут беспокоить по утрам. Ты просто покажи пальцем — вот эту, — все остальное на моей совести. Я здесь для того, чтобы заботиться о тебе.

— Встретимся в вестибюле, — пробормотал Марти.

— Хорошо. Если тебе так хочется. Надень бежевую замшевую куртку и не опаздывай. Да, Марти, сегодня пусть все останется так, но в будущем все встречи буду организовывать я. Ты же не хочешь, чтобы мама вернулась, не так ли?

Глава тридцать вторая

День с Даниелом Онелом прошел изнуряюще. «Особенно, — решила Клео, — если ты после перепоя и явно недоспала». Она сожалела, что не потратила больше времени на косметику и выбор одежды. Хотелось бы выглядеть для Даниела лучшим образом. Это был сложный, талантливый человек, она чувствовала, что ее тянуло к нему, смешивалось странное чувство симпатии и жалости. Ей казалось, что этот мужчина, сам не зная, чего хочет, на ощупь брел в поисках верного пути, а это всегда приводило к неправильным решениям.

Их встреча наконец закончилась, когда Хейди вернулась во второй половине дня с группой друзей.

Даниел скорчил недовольную мину.

— Мне надо встречать Организацию Объединенных Наций, — торжественно объявил он. — Хейди приводит не только своих соотечественников-датчан, но и любителей поразвлечься отовсюду. Удивительное сборище безмозглых кретинов!

Клео улыбнулась.

— Я имела в виду побыть у вас часок, а провела весь день. У меня много отличного материала. — Она заколебалась. — Если хотите, я позвоню, когда интервью будет готово, чтобы вы его посмотрели.

Даниел кивнул.

— Это будет отлично. Позвоните. — Он взял ее руку и крепко пожал. — Я с удовольствием поболтал с вами. Надеюсь, что не очень утомил.

— Совсем нет.

Он еще держал ее руку, и она не старалась высвободиться.

— Даниел, — сказала Хейди недовольно. — Где ты прячешь шампанское?

— Ну... — сказал Даниел.

— Ну... — ответила Клео.

Они улыбнулись друг другу, и он еще крепче сжал ее руку, прежде чем она забрала ее.

— Я позвоню вам, — пообещала она.

— Буду ждать с нетерпением, — ответил он.

* * *

«Конечно, я не буду ему звонить, — думала Клео в такси по дороге в отель. — С моей стороны было сумасшествием предложить это. Любой дурак понимает, что если написанный материал показать актеру до публикации, то он заставит все переделать. «Эго» — вещь деликатная. Кроме того, люди всегда недовольны тем, что другие о них думают».

Когда она расплачивалась с таксистом у отеля, кто-то схватил ее сзади и закрыл глаза руками.

На один момент она запаниковала, подумав, что ее собираются похитить, а потом раздался высокий девичий голос:

— Ты никогда не догадаешься, кто это.

— Джинни! — воскликнула Клео. — Что ты здесь делаешь?

Они обнялись, и Джинни сказала:

— Делаю вид, что работаю. На самом деле занимаюсь любовью!

— С кем?

— Я влюблена! — торжественно произнесла Джинни. — В женатого мужчину, и думаю, что он, наверное, разведется с женой из-за меня. — Она хихикнула. — Настоящая любовь, смешанная с похотью. Не думала, что это возможно.

— Кто он? — поинтересовалась Клео.

— Может быть, мы спрячемся в баре и я расскажу тебе все в грязных деталях? Мы остановились здесь, я пыталась дозвониться. Тебе разве не передавали моих записок?

— Когда ты приехала?

— Только сегодня. Мне нужно встретиться с Рамо Калифом по поводу фильма, который собирается делать наше агентство. Не правда ли, я выгляжу стройной и красивой? Я похудела на пять фунтов, это заметно?

— Конечно, ты потрясающе выглядишь. Так с кем же ты здесь, Джинни?

— Затаи дыхание и приготовься к неожиданности. Мистер Эксперт по сексу собственной персоной — доктор Ричард Уэст!

— Да, мне действительно надо выпить. Поднимемся в мою комнату, и все расскажешь. Или ты собиралась уйти?

— Я собиралась пройтись по магазинам, но это может подождать. Хотела купить длинную черную сексуальную ночнушку. Ричард с ума сходит, когда я в черном. А что происходит между тобой и Майком? Опять воркуете или, может быть, бьетесь на шпагах? Эта Сьюзен действительно оказалась сукой. Какая лгунья!

— Приятно видеть тебя снова. Сколько ты здесь пробудешь?

— Три дня любви! Коль этот парень написал объяснение по сексу, я заставлю его рассказать мне все в мельчайших подробностях!

Клео улыбнулась. Джинни Сэндлер — одиозная личность. Но в чем-то она оригиналка.

— А как ты познакомилась с Ричардом Уэстом?

— Ты же сама представила нас на приеме, посвященном презентации его книги. Неужели не помнишь? Ну вот, мы как-то сблизились. Я затащила его к себе в квартиру, заставила накуриться травки. Можешь себе представить, что для него это было впервой? Сорок шесть лет от роду — и первый раз попробовал наркотик. Было здорово приучать его. Я чувствовала себя старой грязной дамой, которая демонстрирует все свои уродства. Ну так вот, все началось в ту ночь, и вот мы здесь! Он занят проталкиванием своей книги, а я явилась для того, чтобы заграбастать Рамо Калифа для новой картины.

— Зная тебя, — смеясь, сказала Клео, — уверена, что ты заграбастаешь Рамо Калифа не только для новой картины.

— Клео! — воскликнула Джинни обиженным детским голосом. — Я же сказала, что влюблена. Первый раз в жизни я не изменяю.

— Не могу поверить!

— Правда! Честно!

Они добрались до комнаты Клео. Как всегда, ее ждало много записок. Майк звонил три раза.

Джинни рассказывала все сплетни из Нью-Йорка, о своей новой любовной связи, о том, что она отказалась даже разговаривать с этой потаскушкой Сьюзен.

Клео слушала вполуха. Ей хотелось остаться одной. Она мечтала забраться в постель с хорошей книгой, которая поможет ей выбросить из головы все беды. Нужно поспать целую ночь. Затем, утром, на свежую голову она сможет обдумать все, связанное с Майком.

Что ей делать с Майком? Это было трудное и болезненное решение, которое, несомненно, скажется на всей будущей ее жизни. Хотела ли она провести остаток дней с человеком, который лгал и обманывал? Или ей следует воспользоваться случаем и попытаться начать все сначала?

— Во всяком случае, — продолжала говорить Джинни, — я хочу, чтобы ты пообедала с нами сегодня вечером. Ты могла бы прозрачно намекнуть Ричарду, какая я потрясающая девчонка, такая добрая, мягкая и все в этом роде. Я ему нравлюсь, но мне хочется, чтобы он

пищал от свалившегося на него счастья. Ты понимаешь?

— Извини, но не могу. Может быть, завтра? Это подойдет?

— Здорово! Просто здорово. Возможно, я попытаюсь познакомить тебя с Рамо Калифом. Нравится эта идея?

— Не очень. Я уже познакомилась с ним, взяла интервью и видела во всей красе. Так что благодарю. С меня довольно.

— Ну ты и шутница, — рассмеялась Джинни.

Клео улыбнулась. Если бы Джинни знала! Но она не собиралась делиться с ней ни по поводу Рамо, ни по поводу Батча. Поделиться с Джинни — то же самое, что дать объявление на целую страницу в журнале.

Раздался стук в дверь.

— Выпивка, — обрадовалась Клео и открыла дверь.

На пороге стоял Майк.

Они молча смотрели друг на друга, затем Майк ухмыльнулся, протянул руку и сказал:

— Привет, малышка!

Клео отступила назад, делая вид, что не заметила его протянутой руки. Он пошел за ней в комнату, но внезапно остановился, заметив Джинни.

— Майк, я рада тебя видеть.

— Не знал, что ты здесь.

— Это говорит только о том, что ты не можешь знать все. Ведь ясно, что я возвращаюсь в высшем свете. — Она захлопала длинными фальшивыми ресницами. — Ты выглядишь, как всегда, уважаемым и сексуальным.

Майк нахмурился. Клео нервно стучала ногтями по стене.

— Я думаю, мне лучше уйти, — предложила Джинни.

— Нет, — быстро возразила Клео. — У меня еще есть вопросы. — Она повернулась к Майку: — Мы с Джинни как раз ведем деловые переговоры.

— Я прождал тебя почти целый день, — объяснил Майк.

— Это не моя вина. Я не обещала, что буду здесь.

— Я думаю, что нам следует поговорить.

— А я не думаю, что у нас найдется тема для разговора.

— О, прекрати, Клео. Нужно все обсудить.

— Послушайте, ребята, — сказала Джинни, поднимаясь. — Я думаю, мне пора бежать...

— Да, — согласился Майк.

— Нет, — настаивала Клео.

— Господи! — воскликнул Майк. — Когда ты хочешь быть упрямой...

— Упрямой? Я просто делаю то, что хочу. По-моему, так принято в нашей семье?

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине. Не думаю, что прошу тебя слишком о многом.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не врывайся сюда, как будто я твоя собственность. Договорись о встрече.

— С кем? С твоей чертовой секретаршей?

— Если ты собираешься язвить, то нам вообще не стоит разговаривать.

— Ты не облегчаешь мне задачу, Клео.

— О, извини. Наверное, мне должно быть стыдно.

— Я вернусь позднее, когда ты будешь одна. Думаю, что ты несправедлива и по отношению к Джинни. Она не хочет вмешиваться в наши проблемы.

— В твои проблемы.

— Я вернусь позднее.

— Не стоит беспокоиться.

— Боже! Ты иногда ведешь себя, как сука.

— Пошел ты к черту, Майк!

* * *

Опять. Еще раз. В ярости Майк выбежал из комнаты. Кто эта странная, злая женщина, которая постоянно гонит его? Это не та Клео, которую он знал, не та спокойная, красивая женщина, на которой он женился. Леди со стилем. Что он такого сделал, что заставило ее превратиться в незнакомку? Она ведь всегда была готова обсудить с ним любой вопрос. Он лишь допустил, чтобы его поймали во время самого акта, но это же не преступление.

Майк пошел в бар. Нужно подождать часок, дать ей время успокоиться и избавиться от Джинни. Потом он вернется, она будет разумной, они поговорят, и все будет хорошо.

* * *

— Ты когда-нибудь спала с Майком? — Клео в упор смотрела на Джинни.

— Что-о? — начала заикаться Джинни.

— Это обыкновенный прямой вопрос. Так как?

Джинни покраснела.

— Клео, я твоя подруга. Как ты можешь говорить такое.

— Запросто. Мы же обе все прекрасно понимаем. Тебе нравятся мужчины, нравится секс. Поэтому я тебя не виню. Давай откроемся друг другу. Не бойся, я не разозлюсь.

— Просто не понимаю, почему ты задаешь такой вопрос.

— Потому что было бы просто здорово получить такой же прямой ответ. — Она остановилась. Майк назвал ее сукой. Ну и хорошо. Значит, у нее развязаны руки. — Послушай, Джинни, Майк многое открыл мне с тех пор, как он здесь... Неужели нет ничего такого, о чем бы ты мне хотела рассказать?

— Сукин сын! — воскликнула Джинни. — Господи, Клео. Последний раз это было три года назад. Прошло проклятых три года!

Клео почувствовала себя так, как будто ей дали пинок в живот. Внезапная догадка обернулась ужасной правдой. Она заставила так называемую подругу сознаться в том, о чем догадывалась, но во что не хотелось верить.

— Не знаю, зачем он тебе это сказал, — начала униженно ныть Джинни. — Ничего серьезного не было — просто голый секс в память о старой дружбе. Во всяком случае, — добавила она в свое оправдание, — мы с тобой тогда не дружили. Я была знакома с Майком еще до того, как он встретил тебя.

— Ну, теперь ты и Сьюзен. С кем еще из моих дорогих подружек спал мой любимый муж?

— Не знаю... — протянула Джинни.

— Ты все знаешь. Все, что происходит. Думаю, что ты обязана дать мне хоть какую-то информацию. Майку-то ты ничего не должна?

— О Господи, я ужасно себя чувствую. Я была уверена, что ты все знала о Майке.

— Что именно?

— Давай посмотрим правде в глаза. Он здорово любит погулять. Я думала, что ты знаешь о его похождениях, но просто стараешься их не замечать. Я полагала, что ты так страшно разозлилась только потому, что поймала его с подругой.

— Он здорово любит погулять, — спокойно повторила Клео. — И все об этом, конечно, знают. Только я похожа на дурочку жену из телевизионных сериалов, которая всегда узнает последней.

— Это вовсе не означает, что он тебя не любит, — раздраженно сказала Джинни. — Он тебя обожает, все это знают.

— Просто потрясающе! Все это знают и все знают, что он здорово любит погулять. Красота!

— Ну, так бывает. Некоторым мужчинам всегда не хватает...

— В таком случае Майк — это мужской вариант тебя.

— В этом ничего страшного нет! — как бы защищаясь, ответила Джинни. — Я не стыжусь, что мне нравится секс!

— Доброй ночи, Джинни.

— Послушай, не злись на меня, я ничего такого не сделала.

— Нет, ты просто потрясающе очаровательная блондинка. Может быть, мне еще поцеловать тебя и сказать «спасибо» за то, что ты переспала с моим мужем?

— О черт! Извини, если я расстроила тебя!

— Ты меня не расстроила. Просто удивила. Хотя меня еще больше удивляет вкус Майка.

— Я не собираюсь выслушивать оскорбления. Если уж хочешь знать всю правду, то вспомни трех негритянок, с которыми Майк заключил контракт в компании «Хэмптон». Все три были похожи на собак, но только Майк так не думал. Вспомни Фэмми Мэйсон, грязную, сопливую Фэмми. От нее он получил маленький подарочек в виде триппера, который ему совсем не хотелось делить с тобой. Ну и, конечно, ты помнишь...

Клео как можно спокойнее зашла в ванную и закрыла дверь, чтобы прекратить тираду Джинни. Она не хотела больше слушать о многочисленных изменах Майка. Достаточно и того, что они существовали. Теперь она знала об этом наверняка.

Клео сидела на полу и размышляла о том, что всего за несколько дней ей уже во второй раз приходится искать убежище в ванной. Сначала Доминик, потом Джинни.

Джинни орала у двери:

— Я не удивляюсь, что Майк гулял от тебя. Все знают, что ты холодна, как айсберг. И Майк тоже это чувствовал.

Как здорово иметь друзей. Сердечных, честных, понимающих людей, которые всегда рядом, когда они нужны. Ей не с кем даже поговорить. Все они одинаковы. Мать, Доминик, Сьюзен, Джинни, Рассел. Друзья-мужчины, очевидно, так же преданны, как и друзья-женщины.

В запале Клео решила, что сядет на самолет, вернется в Нью-Йорк и прыгнет прямо в постель к Расселу. Она покажет Майку. Сладкий реванш. Но на поверку мысль оказалась слишком детской, и вскоре Клео уже не думала об этом. Легла в постель. Ей нужно было

выспаться хотя бы этой ночью. Она позвонила портье и попросила, чтобы ее не беспокоили. Заперла дверь, приняла две таблетки снотворного и вскоре погрузилась в глубокий, но беспокойный сон.

Глава тридцать третья

Марти протянул Маффин газеты.

— Полюбуйся: наши фотографии на первых страницах.

Маффин завизжала от радости, с удовольствием просмотрела снимки, а Марти нервно закашлялся.

— Мой менеджер начинает на меня злиться. Я... Я... Я не хочу рассказывать ему о нас. Он начнет глупо протестовать, ну, ты понимаешь, что поклонницам это не понравится, и все в этом роде.

Маффин понимающе кивнула.

— Весь день я встречаюсь с прессой, а вечером — большой концерт. Мы можем потихонечку выбраться утром и пожениться, пока они ничего не заподозрили. Они ничего не смогут предпринять, когда дело будет сделано. А как здесь женятся? Это легко?

Маффин хихикнула.

— А я откуда знаю.

Марти нахмурился.

— В Штатах необходимы анализы крови, нужно заполнить разные формуляры и, по моему, ждать.

— Давай позвоним в Какстон-холл — там регистрируют брак все звезды. Они скажут нам, что нужно делать.

— Великолепная идея, — расцвел Марти. — Какое счастье, что маму убрали отсюда. С ней все было бы гораздо сложнее. Она повсюду таскается за мной — даже в ванную!

Он набрал номер телефонистки и попросил Какстон-холл. Маффин присела к нему на колени. Что скажут девчонки, когда они прочитают о ее свадьбе с Марти? И что подумает Джон?

— Извините, — поинтересовался Марти, — вы не могли бы рассказать мне, что нужно для бракосочетания.

— Ну? — взволнованно спросила Маффин, когда он повесил трубку.

— Ничего сложного, — ответил счастливый Марти. — Нужно твоё свидетельство о рождении и мой паспорт. Сходишь в мэрию и скажешь им, что собираешься выходить замуж. Не забудь отметить, что мы прожили в твоём районе более пятнадцати дней. Потом должен пройти ещё один день. Ну вот. Таким образом, мы можем пожениться послезавтра!

— О, Марти, это чудесно!

Смеясь и целуясь, они катались по кровати.

— Послушай, — вздохнул Марти, — я должен одеваться и бежать. А тебе нужно все организовать. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, смогу.

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы никто ничего не заподозрил. Может быть, лучше ты пойдешь домой, а утром мы все спокойно обговорим. Я позвоню тебе. Если ты сможешь пробраться сюда завтра вечером, то мы все подготовим послезавтра к утру.

— А что мне сказать Джону?

— Тяни время. Ничего не говори ему.

— Как будто ничего не случилось?

— Вот именно. Мы не виделись с момента приема.

— Я провела ночь у подруги.

— Конечно. А сейчас зайди в мэрию и заяви о намерении вступить в брак. Правда, здорово?

— Даже слишком!

— Скоро ты будешь миссис Перл.

— Не знаю, как я продержусь без тебя эту ночь.

— Может, попросишь Джона привести тебя на концерт?

— Да. Я буду смотреть на тебя из зрительного зала. Постараюсь не умереть от восторга.

— Ой, какая ты молодец!

* * *

— Где ты, черт побери, шлялась? — требовал ответа Джон. — Я беспокоился.

Маффин наклонилась, чтобы потрепать Скаффа, который от радости прыгал вокруг нее и лаял.

— Отвечай, — настаивал Джон.

— У меня все хорошо, благодарю, — язвительно ответила Маффин.

— Прекрати! — Джон разозлился. — Я обзвонил все больницы.

— Я ночевала у подруги.

— У какой?

— Не твое дело.

— Ты ведешь себя как ребенок.

— А ты не будь таким любопытным.

— Я опаздываю на работу. Нам надо быть на примерке париков в одиннадцать. Лучше позвони им и немедленно отправляйся. Поговорим позднее. Но я хочу тебе сказать, что мне все осточертело.

Маффин нахмурилась.

— Вернись к пяти, — проинформировал Джон, — возможно, придется встретиться с Джексоном, он влиятельный человек в Штатах, поэтому постарайся быть более приветливой с ним сегодня. Он может здорово помочь нам в Америке. Видишь, что он сделал для Марти Перла?

— Мы пойдем на концерт?

— Не знаю.

— Мне бы хотелось.

— Все, что вы пожелаете.

Когда он ушел, Маффин позвонила своей матери.

— Мне нужно мое свидетельство о рождении.

— Какие прекрасные фотографии в газетах, дорогая. Для разнообразия так приятно видеть тебя одетой. Папа говорит...

— У тебя есть мое свидетельство о рождении?

— Да, дорогая. Тетя Хильда говорит...

Маффин взяла такси и поехала в Уимблдон. Потом поспешила в мэрию и заявила о предстоящей свадьбе. Сильно возбужденная, она добралась до магазина «Хэродс» и прекрасно провела там время, воруя мелкие вещи: две пары колготок, голубоватого тона

солнечные очки, пару трусиков. Для грандиозного финала она пошла туда, где продавались пластинки, и украла последний диск Марти Перла.

Довольная собой, Маффин вернулась домой.

* * *

— Расскажите мне, — спрашивал Энтони Прайт у Маленького Марти, — что вы думаете об одиннадцатилетних или двенадцатилетних девочках, которые абсолютно теряют контроль над собой на ваших концертах?

Марти нервно взглянул на Джексона.

— Мы чувствуем, — важно заявил Джексон, — что дети получают удовольствие. Вы же понимаете: они расслабляются.

— Марти, — настырно сказал Энтони Прайт, — а что лично вы об этом думаете?

— Мы думаем... — голос Марти сломался. Он прочистил горло. — Мы думаем, что дети получают удовольствие.

— А вы не думаете, что это может быть опасно? Сама жизнь доказала, что это опасно. Одну молоденькую девушку раздавили насмерть.

— Это было не на концерте Марти, — быстро подчеркнул Джексон.

— Я знаю, но тем не менее...

— Если бы он думал, — Джексон указал на Марти, который ковырялся в салате с креветками, — что хотя бы одна малышка подвергается риску, то немедленно бросил бы это занятие.

— Неужели, Марти?

— Конечно.

Энтони Прайт скривил губы и что-то нацарапал в записной книжке.

— А как насчет секса?

— Насчет чего? — вмешался Джексон.

— Я подумал, что было бы интересно, если бы Марти рассказал о своем первом опыте.

Джексон нахмурился и, показывая на Марти, произнес:

— Это очень религиозный мальчик. Очень религиозный. Он понимает, что слишком молод для того, чтобы серьезно влюбляться. Да он даже на свидания не ходит. Сердце Марти принадлежит его поклонницам.

— Вы что, хотите сказать, что он девственник? — Брови Энтони Прайта в недоумении поднялись.

— А что, в этом есть что-то ненормальное? — потребовал объяснений Джексон.

— Да нет, ничего.

Марти отставил в сторону салат с креветками. Есть он не мог. Образ голой Маффин плясал у него перед глазами.

— Неужели вам никогда не хотелось встречаться с девушками? — обратился к нему Энтони Прайт.

— Нет, сэр, — голосом автомата ответил Марти. — Тысячи прекрасных девушек пишут мне, посылают свои фотографии. Их письма и любовь — более чем достаточно.

— Да, — сказал Энтони Прайт, — конечно.

Глава тридцать четвертая

Джинни Сэндлер нашла Майка в баре. Она опустилась на стул рядом с ним.

— Для того чтобы ты не думал, что я полная сука, я решила все-таки предупредить тебя.

— О чем? — резко обернулся Майк.

— Я подтвердила твой рассказ. Между прочим, премного благодарна. Ты же знаешь, что мы с Клео все-таки были подругами.

— О чем ты говоришь?

— О тебе и обо мне.

— О тебе и обо мне?

— Ну ты же все рассказал Клео, не так ли? Только непонятно зачем. Во всяком случае, я сказала ей, что в последний раз это было три года назад. Я решила не вспоминать, что мы с тобой встречаемся каждый месяц. Между прочим, я имею намерение покончить с этой связью. Я влюбилась по-настоящему и собираюсь хранить верность. Закажи мне мартини, будь любезен.

— Ты рассказала ей о нас? — недоуменно спросил Майк.

— Да, но ведь и ты тоже?

— Нет, глупая ты тварь! Я ничего не говорил. Она бросила приманку, а ты на нее клюнула. У тебя никогда не было мозгов.

— Но зато я хороша в постели, не правда ли? Ты никогда ничего не имел против наших ежемесячных встреч.

— О Господи! — Майк схватился за голову. — Святой Боже! Тебя она мне никогда не простит.

— Ну, малыш, разбирайся сам со своей женой. Я ухожу.

Майк не мог сосредоточиться. Придется все отрицать. «Джинни просто хотела нас поссорить. Толстая болтливая дура! Клео, дорогая, разве я могу даже посмотреть на такую женщину?» Да, он мог. Он спал с Джинни Сэндлер с тех пор, как ей исполнилось семнадцать лет. Она раскованна. Мозги как у курицы. Немножко толстовата. Но потрясающая в постели.

Если он признается в этом Клео, что она скажет? Она не поймет. Точно так же, как не поймет и то, что произошло с другими женщинами. И он не мог винить ее. Поэтому единственный выход — все отрицать.

Он подошел к внутреннему телефону и набрал номер ее комнаты. Ответа не было. Он поднялся на лифте и забарабанил в дверь. Никто не открыл. Он написал записку и сунул под дверь: может быть, завтрашний день будет для него более удачным.

* * *

Толпы поклонников окружили здание театра, в котором должен был состояться концерт Маленького Марти Перла. Маленькие девчушки хихикали и истерически кричали, некоторые были одеты в майки с именем Марти Перла, другие держали транспаранты, сообщавшие о любви к нему.

Майк выбрался из машины у парадного входа и осмотрел специально организованные стенды сувениров. Красиво разложенные последние диски, огромное количество афиш с фотографиями Марти Перла.

Охрана была на уровне, крупного телосложения молодцы виднелись повсюду.

Майк встретился с менеджером, коротко и по-дружески поболтал с ним, а затем пошел за сцену.

Маленький Марти сидел на стуле перед зеркалом. Его лицо напоминало рождественский пирог: в воротник рубашки гример затолкал салфетки, чтобы не испачкать костюм.

— Как дела? — спросил Майк.

— Хорошо, — ответил Марти. — Скорей бы все кончилось.

— Конечно, малыш, — согласился Майк и посмотрел на собственное отражение в зеркале. Выглядел он ужасно: усталый, издерганный. Он знал, что ему сейчас нужно.

Ввалился Джексон.

— Майк, все вроде нормально? Зал полон, им нравится наш мальчик. Хочу встретиться с журналистами, чтобы вместе выпить: там несколько гостей. Ты поужинаешь с нами позднее?

— Какие гости? — поинтересовался Майк.

— Ты помнишь Лори? Маленький цыпленок, о котором я тебе говорил, — подмигнул он. — Фотограф со своей девушкой — той, что на фотографиях с Марти. И блондинка, которую ты бросил вчера.

— Эрика, — сказал Майк.

— Я всегда забываю имена.

— Мне нужно выпить, — заявил Марти.

— После концерта, — отказал Джексон.

— Сейчас, — требовал Марти. — Почему бы и нет? Мамы здесь нет, так что жаловаться некому.

— О черт! — воскликнул Джексон. — Я знал, что ее не следовало отправлять.

— Только виски с кока-колой, — умолял Марти.

— Не забудь, что в этой одежде ты не можешь пойти в туалет.

— Я об этом буду помнить.

Марти встал.

— Куда ты идешь? — спросил Джексон.

— В комнату для прессы.

— Сядь, я принесу тебе выпить.

— Мне что, нельзя встречаться с людьми?

— Нет. Только после концерта. Ты можешь с ними поужинать, если не будешь чувствовать себя усталым.

Лицо Марти ожило.

— Ну, спасибо.

Майк пошел в комнату для прессы и принялся искать Эрику. В такие моменты секс был единственным способом снять напряжение.

— У меня болит голова, — сказал он.

— Ты просто дерьмо, — ответила она. — Почему ты сбежал вчера?

— Потому что был готов изнасиловать тебя прямо за столом, а это может поставить

даму в неловкое положение. Может, переспим? — Майк решил отныне быть откровенным с женщинами.

— А ты не теряешь времени, дружок.

— Ну так как же?

— Я думаю, ты слишком прямолинеен.

— А я думаю, что ты красивая и современная девушка. Что особенного, если два человека занимаются любовью к обоюдному удовольствию?

— Ничего. Но...

— Что «но»?

— Но я же не сказала, что мне этого хочется.

— Но тебе же хочется?

— Неужели?

— Ты знаешь, что хочется.

— Концерт начинается, друзья, — появился Джексон. — Пошли. Кто-нибудь может занять наши места. Пойдемте же.

Майк легко сжал руку Эрике.

— Мы остаемся здесь.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

— Но я хочу попасть на концерт.

— Я тебе его устрою.

Она засмеялась.

— Ты просто подлец.

— Нет, я просто мужчина.

Они дождались, пока комната опустела, а потом Майк закрыл дверь.

— Эй, — воскликнула Эрика, — здесь нет даже дивана. Майк положил ей руки на плечи и спустил тонкие шлейки платья: лифчика на ней не было. Он потянулся губами к маленькой груди, к острым, твердым соскам.

Она расстегнула ему ширинку.

Он подтолкнул ее и поставил на колени.

— Я порву колготки, — пожаловалась она.

— Я куплю тебе новые, — успокоил он.

— Пол твердый.

Не слушая, он снял с нее колготки и платье. Без одежды Эрика выглядела очень худой.

— Я буду сверху, — потребовала она, — а ты ложись на пол.

Он лег на спину, она забралась на него и села как-то внезапно. Эрика знала, что делает.

— Ты готов? — прошептала она через некоторое время.

— В любое время.

— Сейчас!

В зале раздавались аплодисменты и крики подростков...

— Мне всегда требовалась овация, — пробормотала Эрика, когда все кончилось.

Глава тридцать пятая

Девушки в зале вытворяли Бог знает что. Маффин орала вместе со всеми.

На сцене Маленький Марти неестественно дергался и делал грязные движения гитарой.

— Какой сексуальный малыш! — кричала Лори. — Так трясет своей маленькой задницей, просто ужас!

Джона ничто не трогало. Джексон сделал этого мальчика звездой, а что в нем особенного? Обычный американский паренек, живущий с вами по соседству. В сущности, бездарный. Из-за девичьих криков его голоса вообще не слышно, а играть на гитаре так, как это делает Марти — брынь, брынь, — каждый может.

Но девушкам он нравился, они были от него без ума. Настоящее идолопоклонничество.

Джон подумал: а что, если и Маффин поставить вот так на сцену? У нее есть музыкальный слух, а дергать за струны гитару всегда можно научить. Прекрасная идея! Мальчишкам она понравится. Он предложит эту идею Джексону. Можно будет записать пластинку или хотя бы одну песню на диске «Парад поп-музыки».

Вот это идея!

Маленький Марти дорабатывал концерт. По лицу вместе со струйками пота стекал грим. Кожаный костюм, казалось, был пропитан потом.

Маффин подпрыгивала на своем стуле. Лори вопила от возбуждения. Джон в изумлении качал головой. Он не ожидал, что такие девушки, как Маффин и Лори, могут увлечься этим подростком.

Наконец концерт закончился. Толпа истерически кричала и требовала еще. Шум в зале стоял невообразимый.

— Пошли, — кричал Джон, — давайте выберемся отсюда.

— Где Джексон? — орала Лори.

— Мы договорились встретиться в ресторане «Трэмп».

— Вот здорово, — одобрила Лори. — Я обожаю туда ходить.

— А мы не пойдем за сцену? — спросила Маффин.

— Ты хочешь, чтобы нас задушили? Нет, спасибо.

Маффин заныла:

— Я только хотела сказать Марти, какой замечательный был концерт.

— Уверен, что гримерная сейчас полна людей, говорящих ему именно это. Не волнуйся: Джексон приведет его на ужин.

— Вот это да! — воскликнула Лори. — Так хотелось бы добраться до этого сексуального малыша.

Сердце Маффин учащенно забилося. Ох, и ревновала бы Лори, если бы знала про вчерашний вечер. Еще денек, и все они умрут от зависти!

Она чувствовала вину перед Джоном, но ему придется смириться. А потом, когда он привыкнет, ее шаг, возможно, ему понравится. В глубине души она знала, что Джон никогда не женится на ней. Звонок Джейн подтвердил ее подозрения.

Но все останется по-прежнему. Джон будет продолжать заботиться о ее делах. Он будет делать все ее фотографии. Они станут партнерами по бизнесу и друзьями.

Да, решила Маффин, в конце концов, так будет лучше и для Джона. Они хорошо пожили вместе. Но теперь она встретила Маленького Марти Перла, и не ее вина, что они бешено

влюбились друг в друга. Это просто доказало, что Джона она никогда не любила, ну, может, только в самом начале. Более того, Джон не хотел на ней жениться, а Марти хотел. Для девушки это значило многое.

В ресторане «Трэмп» было полно народу, но Гидо оставил для Джона большой столик в углу, и он устроился там с Маффин и Лори.

— Я надеюсь, что мне не придется одному оплачивать счет, — пробормотал Джон, обращаясь к Маффин.

— Не будь жадным, — скривила она губы.

— Не знаю, с кем ты провела прошлую ночь, — ехидно сказал Джон, — но кто бы он ни был, домой ты пришла в плохом настроении.

— Я тебе говорила, что была у подруги.

— Не понимаю, зачем ты лжешь. У нас же соглашение. Все остается в силе: один раз с тем, кто тебе понравился.

Джон лукавил. На самом деле он решил поставить крест на их договоре. Соглашение годилось для двух людей, которые просто жили вместе, но не для его жены. Когда дела с Джексоном уладятся, им с Маффин предстоит долгий разговор.

— Эй! — вскрикнула Лори. — Кажется, за тем столиком сидит Батч Кауфман?

Все посмотрели в ту сторону.

— Да, — сказала Маффин, — такой загадочный!

— Еще бы, — согласилась Лори, — очень.

— Сделай мне одолжение, попытайся сегодня обрушить весь свой шарм на Джексона, — проинструктировал ее Джон.

— Я делала это уже прошлой ночью, — выпалила Лори.

— Отлично. Продолжай в том же духе, и я сделаю тебе еще серию фотографий.

— Неужели? Это как раз то, что мне нужно.

* * *

Они приехали целой группой: Маленький Марти, Джексон, Майк Джеймс и Эрика.

Джон усадил Джексона рядом с собой и поэтому был счастлив. Маффин удалось захватить Марти, и она тоже была счастлива.

— Ты-то что замолчал, — повернулась Эрика к Майку. — Ты что, не хотел сюда идти?

— Нужно же мне где-то есть. Я не такой стройный, как ты.

— О, ты мне льстишь.

— Если ты нуждаешься в комплиментах, то парень тебе попался неподходящий.

Под столом она легонько потрогала его колено.

— Если судить по твоему недавнему поведению, то я с подходящим парнем. Я подумала, что ты можешь провести ночь в моей квартире.

Майк кивнул головой: так легче пережить ночь. Если он останется один, то будет думать о Клео, а это ему не поможет.

Маффин обратилась к Марти:

— Концерт был потрясающим!

Марти ухмыльнулся, подмигнул, и под столом их ноги сплелись.

— Спасибо! — хмыкнул он. — Детишкам, по-моему, здорово нравится.

Джон сказал Джексону:

— У меня появилась интересная идея. Ты мог бы представить поющую Маффин с гитарой в руках на экране телевизора?

— Она умеет петь? — удивленно спросил Джексон.

— Да, — подтвердил Джон.

— Это хорошая идея. Место для гостей на телевидении достать не проблема. Я думаю...

Вдруг Лори обняла Джексона за шею и приникла долгим поцелуем к его губам. Джон нахмурился: не сейчас, Лори, позднее. Займись им позднее.

К столу приближался Батч Кауфман. Крупный блондин в голубых джинсах и большом белом вязаном свитере.

— Марти, малыш! — поздоровался он. — Рад тебя видеть. Эй, Джексон, судя по всему, у вас с малышом дела идут отлично. Нет ни одной газеты, в которой не было бы этой мордашки.

— С кем ты? — поинтересовался Джексон.

— Парочка птичек женского пола.

— Почему бы вам не присоединиться к нам?

— Разумеется. Почему бы и нет? Эй, Франко, приведи моих приятельниц сюда.

За стол втиснули стулья, появились две подружки Батча. Одна была женой популярного певца, другая — кучерявая негритянка с выкрашенными в белый цвет волосами. Обе больше интересовались друг другом, нежели Батчем.

— Как идут съемки? — спросил Джексон.

— Медленно. Я пробыл здесь уже три месяца и начал страшно скучать по пляжу. Дружище, я действительно соскучился по дому в Малибу. Встаю утром, потом — на океан, купаюсь, гуляю по пляжу, жарю бекон на завтрак прямо у воды. Что может быть лучше?

— Конечно, — согласился Джексон. — Ты со всеми здесь знаком, Батч? Это Лори, Джон, Маффин, Эрика. Ты знаешь Майка Джеймса из компании «Хэмптон рэкордс»?

Батч искренне пожал руку Майку.

— Не имел удовольствия, но я знаком с Би-Би и Мэри Эллен. Потрясающая пара!

— Я видела фильм «Романтическая история» несколько раз, — объявила Лори. — О, я плакала!

— Я смотрела его дважды, — вставила Маффин и тронула ногу Марти под столом, чтобы он понял, что ее мысли оставались с ним.

— Да неужели? — воскликнул Батч, одарив всех присутствующих знаменитой улыбкой. — Мне заплатили сущие пустяки за эту картину, а она явно соберет кучу денег. Вчера я случайно встретился с продюсером и спросил его — как насчет добавки, мне платят мизер. Очень жаль, ответил этот парень. А он сделал миллионы, миллионы!

— Было так грустно, когда вы умерли в конце фильма, — поделилась Лори. — Все было так правдоподобно!

Батч расцвел.

— Именно поэтому, милая, фильм и имел успех.

— Эй, — с энтузиазмом поинтересовался Джексон, — ты не думал о том, чтобы записать пластинку?

— Я не умею петь... — признался Батч.

— А разве Ли Марвин умеет? Или Рекс Харрисон? Или Телли Сабалос? А что ты думаешь, Майк, по этому поводу? По-моему, неплохая идея? Батч Кауфман записывается в

компании «Хэмптон». Может быть, предложишь ему контракт прямо сейчас?

— Вчера вы были с моей женой, — холодно заметил Майк.

— Что? — Батч сделал вид, что не расслышал.

— Вы были с моей женой, — повторил Майк.

За столом воцарилась тишина. Батч тщетно пытался вспомнить имена двух девушек, с которыми он оказался в постели предыдущим вечером, но все было напрасно — их имен он не спрашивал.

— Я?! — наконец-то сказал Батч, а его губы расплылись в улыбке.

— Мою жену зовут Клео, — ледяным тоном объявил Майк.

— О, Клео! — воскликнул Батч. — Леди высшего класса. Она пишет обо мне материал для журнала «Имидж».

— Я знаю, — резко сказал Майк. — Она мне все рассказала.

— Вот и хорошо, — нервно пробормотал Батч. — Она удивительная личность. Вы давно женаты?

— Четыре года. А разве она вам не сказала?

— Нет. Вы же знаете, как бывает с нами, актерами. Мы всегда говорим только о себе. У меня никогда не было никаких личных разговоров с Клео. Эй, Джексон, я могу потанцевать с твоей подружкой?

— Конечно. — Джексон кивнул. Лори с удовольствием выскочила из-за стола, и они с Батчем удалились.

— Так ты еще и ревнивый муж? — поинтересовалась Эрика с понимающей улыбкой.

— Я не ревную, — сказал Майк, — я просто хотел дать понять этому мальчику с пляжа, где его место.

— Ну и где же оно?

— Неважно. Давай больше не будем об этом.

— Вы с женой не живете вместе?

— Нет, живем.

— Но предоставляете друг другу полную свободу?

— Да нет же, Клео просто устала, спит, поэтому сегодня вечером я без нее.

— Тогда кто же я?

Майк пожал плечами. Он страшно злился на Батча Кауфмана, который так ехидно улыбался. Конечно, у Клео с ним ничего не было, он знал это наверняка. Но этот подлец явно пытался соблазнить ее. Любой мужчина на его месте поступил бы так же.

— Если ты занимаешься любовью со мной, то почему твоя жена не может заниматься любовью с другим мужчиной? Око за око, не так ли? — сказала Эрика.

Майк посмотрел на нее уничтожающим взглядом.

— То, что я делаю, касается только меня. С Клео все по-другому. Она не интересуется такими гуляками. У нее есть я.

— Ба, да ты суперэгоист!

Майк проворчал в ответ:

— Можешь называть меня эгоистом, если хочешь. Клео не захочет продешевить. У нее слишком хороший вкус.

— Господи! — воскликнула Эрика. — Какой же ты старомодный!

— Хочешь, чтобы я кое-что сказал?

— Что?

— На полу в костюмерной ты приносишь удовольствие, но сидя рядом и выставя напоказ свои глупые мнения о том, что тебя вовсе не касается, ты становишься как бревно в глазу.

Батч увел Лори танцевать, и Джон погрузился в серьезный разговор с Джексоном. Маффин воспользовалась этим и прошептала на ухо Марти:

— Все готово.

— Ура! — обрадовался он. — У всех мозги от этой новости повывлетают.

— Я знаю, — хихикнула Маффи. Она сжала его колено, и под прикрытием стола ее пальцы заскользили вверх по его ноге.

— Будь осторожна, — предупредил Марти, — а то может случиться непредвиденное.

— Положи салфетку на брюки, — прошептала Маффин.

Он сделал так, как она сказала. Маффин опустила руку и стала щупать его. Марти был одет в голубые брюки и такого же цвета рубашку.

— Не могу найти молнию, — пробормотала Маффин.

— А ее там и нет, — заерзал Марти.

Маффин захохотала.

— А как ты ходишь в туалет?

Голос Марти звучал смущенно:

— Я снимаю брюки.

— Вот это да! — воскликнула Маффин.

— Что «да»? — поинтересовался Джон, внезапно вклинившийся в их разговор.

— Да ничего. — Маффин медленно вытащила свою руку из-под салфетки.

— Я думаю, после съемок календаря на Барбадосе мы поедem прямо в Нью-Йорк. У Джексона есть кое-какие идеи, касающиеся тебя. Они могут сработать.

— Чудесно, — ответила Маффин, — не правда ли, потрясающая перспектива, Марти?

Он рассмеялся.

Джон злился. Он не переносил Маффин, впадающую в детство.

Глава тридцать шестая

Клео проснулась рано. Она чувствовала себя более свежей, готовой справиться со всеми неприятностями. Плотно позавтракав, она села писать материал о Даниеле Онеле. Четыре статьи были уже готовы, оставалась одна. Потом ее задание закончится, и она будет вольна делать все, что ей заблагорассудится.

Позвонив портье и сообщив, что готова отвечать на телефонные звонки, Клео по телефону вызвала временную секретаршу.

Звонок раздался сразу же, как только она положила трубку.

К своему удивлению, Клео услышала в трубке голос матери.

— Мы совсем не видим тебя, дорогая, — объявила Стелла. — Никаи вернулся из Афин, и мы решили дать небольшой обед в твою честь.

— Это будет очаровательно, — солгала Клео. — Когда?

— Сегодня, дорогуща, около восьми. Надень что-нибудь хорошенькое.

Потом позвонил Майк.

— Я звоню, чтобы договориться о встрече, которую ты обещала.

— Это было до того, как я сердечно побеседовала с твоей подружкой Джинни.

— Прекрати, Клео, нам нужно поговорить.

— Зачем?

— Ну, — Майк подыскивал слова, — я хочу объяснить...

Клео грубо расхохоталась.

— Объяснить? Что?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Хотя бы то, что ты слышала.

— А как же с тем, что я видела?

— Идеальных людей не существует.

— Я и не ищу идеала, я ищу правду, и, честно, Майк, ты не тот человек, который может дать ее мне.

— Я могу дать ее тебе, малышка, ты же знаешь, что могу.

— О, Майк, это очень грустно. С тобой все. Возвращайся к сексу и маленьким глупым интрижкам.

После долгого молчания Майк сказал:

— Ты нужна мне, Клео, я не могу жить без тебя.

— Но ты ведь жил до того, как я появилась.

— Ты можешь быть настоящей сукой.

— Это я уже слышала.

Они опять замолчали. Майк нарушил тишину первым.

— Я много думал обо всем, Клео. Я думал о том, что, может быть, нам стоит вернуться к самому началу.

— К началу, Майк?

— Да. Все начать снова. С нуля.

— Слишком поздно.

— Никогда не бывает слишком поздно, — просил он с отчаянием. — Мы могли бы сделать то, что ты всегда хотела, например завести ребенка.

— Извини, но многое изменилось.

— Мы могли бы все вернуть на круги своя.

— Только не я, Майк. Только не я.

Он повесил трубку, и Клео вздохнула. Встреча ничего бы не дала. Зачем давать ему возможность снова осыпать ее ложью и извинениями: это будет больно обоим. Пусть лучше думает, что она сука, таким образом, часть вины перейдет на нее, и он почувствует себя лучше.

Телефон зазвонил опять.

— Клео, это Шеп Стоун. Помоги мне избавиться от твоей подруги. Она мне страшно мешает. К тому же она сумасшедшая, у нее не все дома.

— О ком ты говоришь?

— О твоей подруге Доминик. Эта сумасшедшая потаскуха обвиняет меня, Шепу Стоуна, в краже ее бриллиантового кольца.

— В краже? Я правильно тебя поняла?

— Именно. Послушай, я хочу рассказать тебе кое-какие подробности. Может быть, ты сможешь что-то сделать. Дело не терпит отлагательств. Может, пообедаем вместе?

— Думаю, что придется, — неохотно согласилась Клео.

— Я заеду через двадцать минут.

— Хорошо.

Господи! Опять проблемы.

Не успела она причесать волосы и поправить макияж, как телефон зазвонил снова. Клео подумала о том, что надо бы попросить портье не связывать ее больше ни с кем.

— Да, — ответила она, сняв трубку.

— Это Батч Кауфман. Звоню из студии. Почему ты не сказала мне, что имеешь ревнивого мужа?

— Ты не спрашивал.

— Смешно. Я встретил его вчера вечером, он был на взводе. Ты что, ему что-то рассказала?

— Нет еще.

— Как понимать «нет еще»? Он из тех типов, которые сразу бросаются в драку, а мне моя жизнь дорога.

— Где ты его встретил?

— В ресторане «Трэмп». С ним была блондинка, но ему не нравится то, что ты проводишь время со мной.

— Извини, если я заставила тебя понервничать.

— О черт, да я не нервничаю. Просто подумал, что нужно тебе рассказать. Но что между вами происходит?

— Я развожусь.

Она впервые сказала это вслух и почувствовала облегчение. Ее чувства к Майку как будто онемели. Нечего сказать — хорош! Не успели они окончательно порвать, а он уже развлекается с блондинкой.

— Может, это и разумно, — заметил Батч. — Давай повеселимся вечером.

— Извини, но я провожу вечер с семьей.

— Только ты могла поменять меня на свою семью! А как насчет завтра? Или ты будешь ухаживать за ребенком подруги?

— Завтра было бы прекрасно, если бы мне не улетать в Рим. Я буду работать с Поло

Массерини.

— Что значит — работать?

— Я буду брать интервью у синьора Массерини.

— Вот так-то лучше. А то уж я подумал...

— Да замолчи ты!

— Эй, я слышал, ты отвергла Рамо. Он поражен. Ты — первая леди, которая, увидев его во всей нагой красе, сказала: «Спасибо, нет».

— Ну, когда-то же нужно начинать. Между прочим, по-моему, вчера я должна была быть с тобой?

— Не знаю, как это случилось. Мы слишком накурились. Во всяком случае, спасибо...

— За что?

— За то, что не поддалась этому арабу. Я люблю его, как брата, но не хочу, чтобы ты его любила.

— Ничего не понимаю. Когда ты удаляешься в спальню с двумя девушками, все нормально. Но ты очень рад, что я не согласилась принять ухаживания Рамо. Почему?

— Потому что я крыса, а ты красивая женщина. Я веду себя так, как это принято в моем окружении, хотя на все это нужно было бы наплевать. Мы еще поговорим об этом.

Клео позвонила портье и попросила больше ее не беспокоить. Потом приехала ее временная секретарша, чтобы отпечатать интервью с Онелом.

— Три экземпляра, — попросила Клео. Один для Нью-Йорка, один для нее. И, возможно, для Даниела. Она об этом еще подумает.

В вестибюле ждал Шеп Стоун.

— Я улетаю завтра, поэтому очень нервничаю, — поделился он. — А твоя подруга не облегчает мне жизнь.

Он взял ее за руку.

— У меня машина и шофер. Может быть, поедем в ресторан «Терраза»?

— У меня мало времени, — предупредила Клео.

Именно в тот момент, когда они выходили, Майк схватил ее за руку.

— Шеп, — устало сказала Клео, — познакомься с моим мужем. Майк Джеймс.

— Майк, — поздоровался Шеп, — тысячу лет тебя не видел. Клео — твоя жена?

— Моя жена. Куда ты ее тащишь?

— Мы едем обедать. У меня небольшая проблема, которую Клео поможет мне разрешить.

— Неужели?! Может быть, мне присоединиться к вам?

— Лучше не надо, — резко возразила Клео.

— Я не знал, что вы с Майком женаты, — обиженным тоном сказал Шеп. — Мы с Майком не один год провели вместе. — Он хлопнул Майка по плечу. — Как дела, старина? Я не знал, что ты женат.

«Даже если и знал, — подумала Клео, — не все ли равно?»

— Ты пишешь материал о Шепе? — с сарказмом спросил Майк. — Перешла на певцов?

— Нет, — ласково ответила Клео, — мы удираем в ближайший кабинет, чтобы найти там кушетку.

— Мы с Клео встретились в самолете, — сообщил Шеп. — Она помогла мне пережить это путешествие. Ты же знаешь, как я ненавижу летать.

Майк будто не слышал.

— Клео, я хочу поговорить с тобой.

— Потом она познакомила меня со своей подружкой, хорошенькой девушкой, но сумасшедшей, — продолжал Шеп, словно не замечая грозовой атмосферы.

— Если мы не поговорим, я не оставлю тебя в покое и буду ходить за тобой повсюду, мешая всем подонкам, которые вьются возле тебя. — И он уставился на Шепу.

— Хорошо, — согласилась Клео, — мы поговорим.

— Сейчас?

— Вечером. Только давай условимся: поговорим один раз и все. Никаких телефонных звонков, посещений, приставаний больше быть не должно.

— Ты изменишь свое мнение после нашего разговора.

— Ты согласен на это условие, Майк?

— Хорошо, я согласен. В котором часу мы увидимся?

— Половина восьмого — восемь.

— Договорились.

— Ты с нами пообедаешь? — сфальшивил Шеп.

— Нет. Он не будет с нами, — твердо ответила Клео. — Пошли, Шеп, если у тебя есть проблемы, расскажи о них побыстрее, потому что времени у меня мало.

— Увидимся позднее, — нежно сказал Майк. — Позаботься о моей старушке, Шеп. Она у меня особенная.

В машине Шеп бросился обвинять:

— Почему ты не сказала мне, что замужем за Майком Джеймсом?

— А ты и не спрашивал. Во время нашей первой встречи ты дрожал от ужаса, а потом все наши разговоры были только о тебе.

— Все же следовало сказать мне, — настаивал Шеп.

Клео нахмурилась. Какой отвратительный человек, этот Шеп Стоун. Вполуха слушая то, что Шеп рассказывал ей о своем знакомстве с Майком, Клео думала о своем.

Конечно, невозможно избежать разговора с Майком. Нельзя же выбросить четыре года, даже не поговорив о том, что между ними случилось. Кое-что нужно обсудить. Разделить собственность. Подготовиться к разводу. Ей не нужно от него никаких денег. Пусть забирает себе квартиру, мебель. Большая часть имущества принадлежит ему. Она была уверена, что дележка вещей ее просто травмирует. В ее голове уже созрел план. План свободы.

Как здорово иметь всего один чемодан, в котором уместится все, что тебе необходимо! Можно бродить по свету, поехать куда захочется, взять интервью у любого человека, который показался тебе интересным. Она сумеет продать свои интервью. Возможно, Рассел захочет покупать их для журнала «Имидж». А если нет, так ведь существует немало других изданий. После интервью с сенатором у нее было много предложений, а эта идея пришлась по душе.

В ресторане Шеп сильно пошумел, приветствуя официантов и делая все возможное, чтобы его узнали. Они заказали спагетти с белым вином, и в конце концов Шеп сознался:

— Я переспал с твоей подружкой, ты же знаешь.

Клео кивнула головой.

— Она очень симпатичная. А поскольку предложение исходило от нее, я, как истинный американец, не мог отказать даме. Мы поехали в отель, занялись любовью. Вот так все случилось. Ты понимаешь, я человек женатый и не могу позволить себе ввязываться в разные истории.

— Конечно, — с издевкой поддакнула Клео.

— Ну вот, после этого она начала трезвонить мне. Я пытался отвязаться от нее по-хорошему, но она не понимала и на следующий день ворвалась ко мне в номер как раз тогда, когда я разговаривал по телефону с женой. И, черт побери, я вынужден был отбиваться от нее. Она хотела выхватить трубку и рассказать все моей жене. Пришлось прервать разговор, а в потасовке твоя подружка заработала фонарь. Это произошло случайно, она вела себя, как дикая кошка. — Шеп остановился, чтобы глотнуть вина. — Во всяком случае, — продолжал он, — она так возбудилась, что начала срывать с себя одежду, но на этот раз я не дал себя одурачить. Это разозлило ее еще больше, и она начала кричать о бриллиантовом кольце и обвинять меня в краже. Я в глаза не видел этого проклятого кольца! Мне пришлось ее успокоить единственным возможным способом: опять переспать с ней. Я не хотел, но другого выхода не было — она кричала, что вызовет полицию и позвонит во все газеты. Я был вынужден сделать это. Я не могу себе позволить такого рода рекламу. Зрители знают меня как добропорядочного мужчину.

— Тебе следовало думать об этом несколько раньше, — нарочито язвительно подчеркнула Клео.

— Теперь я понимаю. Я допустил ошибку.

— Да, твоя ошибка заключалась в том, что ты переспал с женщиной, которой было мало интрижки на одну ночь.

— Я не нуждаюсь в лекции на темы морали, — отпарировал Шеп. — Это будет уроком. Мне удалось от нее избавиться. Я попросил портье, чтобы ей не разрешали ни звонить, ни приходить. — Он поискал в кармане и вытащил телеграмму. — Сегодня утром я получил это: «ПОЗВОНИ МНЕ ДО ШЕСТИ ВЕЧЕРА ИНАЧЕ Я СВЯЖУСЬ С ПОЛИЦИЕЙ ТВОЕЙ ЖЕНОЙ И ГАЗЕТАМИ ДОМИНИК». Моя жена в больнице. Через месяц она должна родить, — бормотал Шеп. — У нее уже было два выкидыша, и ей категорически противопоказаны всякие волнения. Если это дойдет до нее... — Он озабоченно замолчал.

Клео грустно покачала головой.

— Почему же ты раньше не думал о жене?

— Но я же не сделал ничего такого, что могло бы повредить ей!

Наверное, то же самое ей скажет Майк!

— Ты должна помочь мне, Клео.

— Да, думаю, что должна. Но я помогу не тебе, а твоей жене. На тебя смотреть тошно. — Она отвела глаза. — Я не могу обещать ничего определенного. Мне и самой Доминик казалась странной в последнее время. Но я схожу к ней и попытаюсь поговорить. Ты можешь одолжить мне машину с шофером?

У Шепа поднялось настроение.

— Конечно. Все что угодно.

Глава тридцать седьмая

— Я думаю, — объявил Джон, когда они вернулись домой из ресторана, — у нас все будет здорово, Мафф.

— Что? — позевывала Маффин.

— С Джексоном. С американцами. Для тебя будет зеленая улица, когда мы туда поедем.

— О!

— Ты что, кроме «о» ничего сказать не можешь? Ты должна плясать от радости!

Именно такие связи я искал. Иди сюда, малышка, я хочу тебя.

Она наклонилась, чтобы погладить Скаффа, а Джон подошел сзади и обнял ее.

— Прекрати, — обиженно сказала Маффин.

Джон засмеялся и начал стаскивать с нее бикини.

Маффин быстро выпрямилась.

— Я сказала, прекрати!

— Ты что, до сих пор злишься из-за статьи? Не я же писал ее.

— Я не злюсь, я просто устала.

— После того, как всю ночь прозанималась любовью?

— Это неправда, я была у подруги.

— О, смени пластинку.

Джон внезапно почувствовал себя счастливым. Все складывается как нельзя лучше. Его развод. Календарь Шумана. Джексон.

— Давай сделаем фотографии, — предложил он.

— Какие фотографии?

— Личные. Для нашего удостоверения.

— Мне это не нравится.

— Да ладно, понравится.

— Нет.

— А где последние фотографии, которые мы делали «Поляроидом»?

— Я их выбросила.

— Что?

— Я разорвала их на маленькие кусочки и выбросила.

— Зачем?

— Потому что они были грязными.

— Грязными? — возмутился Джон. — Да они были веселыми. Ведь мы их делали только для себя.

— Мне такие снимки не нужны!

— Но тебе же нравилось, когда мы фотографировались!

— Тогда все было по-другому.

— Давай попробуем еще.

— Нет.

— Почему «нет»?

— Потому что я не хочу.

Джон пожал плечами и спросил:

— Что Лори рассказала тебе о Джексоне?

— Ничего.

— Как ничего? Ты, Лори и Эрика провели в туалете целых двадцать минут.

— Эрика рассказывала нам о Майке Джеймсе.

— Что именно?

— Они занимались любовью на полу в костюмерной, когда мы все смотрели концерт. Джон ухмыльнулся.

— Старушка Эрика верна своим привычкам.

Маффин разделась. На ней остались только свитер и трусики. Джон сидел на кровати.

— Иди посиди у меня на коленях, — позвал он.

— Зачем?

— Я хочу любить тебя.

— А я не хочу, — наотрез отказалась Маффин.

Она стаскивала свитер через голову. Джон быстро прижал свитер к ее голове одной рукой, а другой стал ласкать ее грудь. Маффин визжала от ярости. Джон смеялся и тащил ее в постель.

— Я не могу дышать, — умоляла Маффин.

— Ты моя пленница, малышка, — объявил Джон, стягивая с нее трусики.

— Ты грязная свинья, — бормотала Маффин.

— Конечно, я такой, — согласился он, расстегивая брюки.

— Отпусти меня, — потребовала Маффин.

— Только после того, как я добьюсь тебя, женщина.

Она собрала все силы, чтобы вырваться.

— Десять ударов розгами, — засмеялся Джон, — или лучше двадцать?

Ответа не последовало. Маффин нравились игры. Обычно она начинала их первой.

— Как тебе понравится, если тебя изнасилуют? — пошутил Джон.

Маффин молчала, и Джон почувствовал, что она желает его.

— Ты действительно свинья, — жаловалась позднее Маффин.

— Что с тобой? Тебе же понравилось?

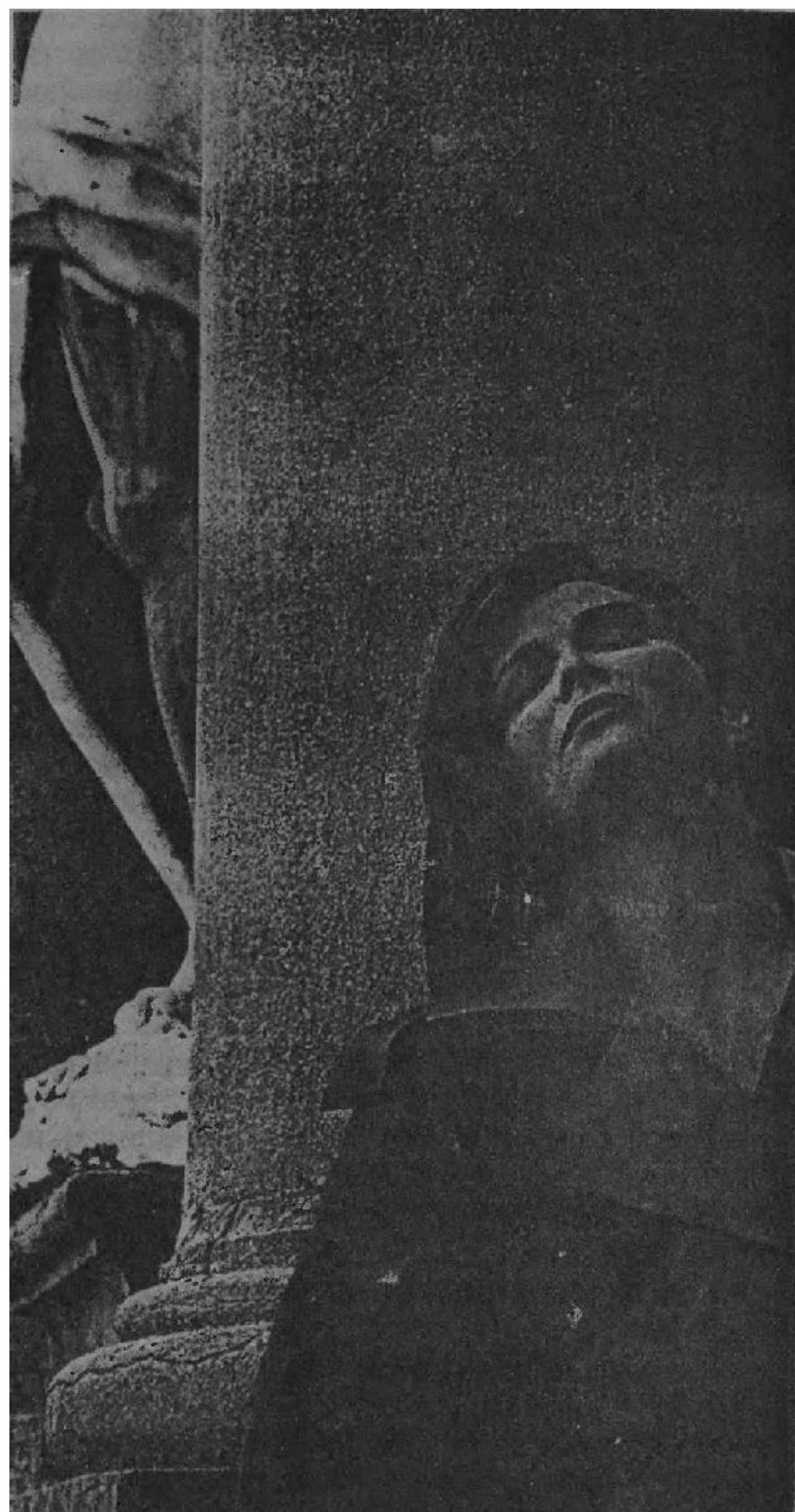
— Я этого не хотела.

— Но получила. И тебе это понравилось.

— Но только никому не рассказывай.

— Кому я должен рассказывать?

— Я хочу спать.

— Тебе никто не мешает, — покачал Джон головой. Иногда Маффин была такой смешной и глупой.

* * *

Джексон, Лори и Маленький Марти вместе вернулись в отель. Когда они приехали, Джексон сказал Марти:

— У меня для тебя сюрприз.

— Ой, спасибо! А где он?

— Иди в комнату и жди. Когда я постучу три раза — открой.

Джексон корчился от смеха и заговорщицки подмигивал Лори.

— Обещаю, малыш, что такого ты еще не видел. Это подарок от старого дядюшки Джексона.

— Мне нравятся сюрпризы, — заметил Марти. — Когда я был совсем маленьким, папа подарил мне пианино. Конечно, это было до того, как он умер.

Джексон пьяно засмеялся.

— Это не пианино, но я могу тебе сказать, что оно с ногами! Тебе нравится шоколадное мороженое, сынок?

— Ты же знаешь, что нравится, Джексон. Но я его не заказываю из-за прыщиков.

Джексон согнулся от смеха.

— Это блюдо избавит тебя от всех прыщиков, — он обнимал Лори. — Правда, милая? Я прав?

— Еще бы, — хохотала Лори.

Марти пошел к себе в люкс, снял одежду и надел махровый халат.

Он надеялся, что сюрприз Джексона связан с едой. Он бы все отдал за мороженое с бананами или двойную порцию шоколада. Интересно, а Маффин такая пища нравилась? Он надеялся, что, когда они поженятся, вместо обычной еды будут устраивать себе праздники мороженого. Никто им не будет мешать. Джексон больше не будет ему приказывать, когда они с Маффин поженятся!

Послышались три удара в дверь, и Марти бросился открывать.

В коридоре стояла абсолютно голая Лори, ярко-красной помадой на груди было написано: «Подарок от Джексона».

— Господи! — воскликнул Марти и поперхнулся.

— Нет, это просто Лори, малыш, — засмеялась она и вплыла в комнату. — Иди сюда, сладенький. Я научу тебя, как быть звездой!

Глава тридцать восьмая

Клео никогда не была в доме, где жила Доминик, но шофер Шеп знал, как добраться до Хэмпстеда, и они быстро отыскали нужное место.

Дом выглядел очень симпатично, с небольшой дорожкой и аккуратными клумбами. В гараже стояли две машины, около двери — пустая детская коляска.

— Пожалуйста, подождите, я недолго, — попросила Клео.

Она еще не решила, что скажет Доминик. Может быть, придется объяснить положение жены Шеп, а может быть, лучше заставить ее понять, каким гнусным животным оказался Шеп. Если Доминик снова будет оскорблять, не стоит обращать на это внимания. Их дружба была давней, Доминик явно переживала тяжкое время. Задумавшись, Клео позвонила в дверь.

Открыл Дайан. Ей и в голову не приходило, что он может быть дома. Он выглядел расстроенным. Похоже, что он плакал. Дайан посмотрел на Клео, с трудом узнавая ее.

— Я Клео, Клео Джеймс, подруга Доминик. Вы помните, мы встречались как-то вечером?

— Да, помню, — наконец ответил он.

Клео неловко топталась на ступеньках и ждала, пока он пригласит ее войти. Но он не двигался.

— Мне можно войти? — спросила Клео.

Он вдруг начал рыдать, закрывая руками лицо.

— Извините, — бормотала Клео. — Не понимаю, что происходит. Что-то случилось? Доминик здесь?

В этот момент появился Исаак, осунувшийся и озабоченный. Он взял своего друга за руку и потихоньку повел его обратно в дом. Клео он жестом приказал молчать, и она с ужасным предчувствием ждала, пока Исаак уводил Дайана.

Через минуту он вернулся.

— Дайан в шоке, — объяснил он. — Да и мы все тоже.

— Что случилось? — в тревоге спросила Клео.

— Извините, я полагал, что вы знаете. Я думал, что именно поэтому вы пришли.

— Что знаю?

— Доминик покончила с собой сегодня утром.

— О Господи! Не могу поверить!..

У Клео подкосились ноги.

Исаак поддержал ее и помог войти в дом.

— Садитесь, — сказал он любезно, — я принесу немного бренди.

Она сидела на стуле в прихожей, опустив голову. В это невозможно поверить! Такие, как Доминик, не накладывают на себя руки.

Исаак вернулся с бренди, и она залпом выпила.

— Почему? — спросила она.

Исаак пожал плечами.

— Никто не знает. В последнее время у нее была депрессия. Она уже пыталась это сделать раньше.

— Она была такой молодой, — вздохнула Клео, — и у нее все было.

— Да, — согласился Исаак.

— Как она это сделала?

— Лучше я не буду вам рассказывать. Это не слишком красиво...

— Кто нашел ее?

— Дайан. Он позвонил мне, и я приехал одновременно с полицией. Вы знаете, у него здесь никого нет. Вся семья в Израиле... Я даже не знаю, что он будет делать.

— Где ребенок?

— Нянечка увезла на прогулку.

— Она оставила записку? Может быть, какое-нибудь объяснение?

Исаак покачал головой.

— Ничего. Она постоянно принимала транквилизаторы и снотворное. Любая мелочь могла привести ее к глубокой депрессии.

— Жаль, что я этого не знала. Я ведь не проявила понимания по отношению к ней. Если бы я знала, что она больна...

— Я тоже чувствую себя виноватым, — перебил Исаак. — Я мог сделать для нее больше, чем кто-либо другой. Но только усугубил все. Вы же знаете, что мы были любовниками?

— Да, знаю, она рассказала мне.

— Несколько дней назад я сказал ей, что нам надо расстаться. Я любил ее, но Дайан — мой самый близкий друг, и я не мог так больше относиться к нему. Она была в ярости. Она всегда приходила в ярость, когда ее по каким-либо причинам отвергали.

Клео кивнула головой.

— Я знаю.

— Она рассказала мне об американце. Я думаю, она хотела заставить меня ревновать. Так и было. Последний раз, когда я разговаривал с ней, она сказала, что собирается с ним в Штаты. Это правда?

— Он женат. Ее опять отвергли. Может, поэтому все так и получилось.

— Наверное, да. Господи! Мне следовало что-то предпринять. Но что?

— Не знаю. Я чувствую то же самое. Но я не знала, что она в депрессии, я думала, что она просто изменилась. — Клео встала. — Могу я увидеть Дайана?

— Лучше не трогать его сейчас.

— Мне хотелось бы прийти на похороны. Если я могу что-нибудь сделать...

— Я скажу Дайану.

Ничего не видя перед собой, Клео вернулась к машине. Хотелось заплакать. Зарыдать так же, как это сделал Дайан. Но не могла. Слезы не приходили. В душе была пустота.

Из отеля она позвонила Шепу.

— Твои проблемы решены, — сказала она.

— Здорово! — воскликнул он. — Я знал, что ты сможешь это сделать. Что случилось? Что она сказала?

— Она ничего не сказала. Она покончила с собой сегодня.

Клео тихо положила трубку. «Да, ты сволочь! Да, сволочь! Она убила себя. А ты ей в этом здорово помог. Я надеюсь, что ты задохнешься, как только притащишь какую-нибудь женщину к себе в постель», — думала Клео.

Стелла была в безупречном черном платье от Сен-Лорана, а ее короткие платиновые волосы по-новому причесал Ричи Бэрнс.

— Вы выглядите как сестры, — сделал комплимент Никаи, приветствуя Клео. — Никто не поверит, что Стелла твоя мать.

— Не говори глупостей, дорогуша, — по-детски протянула Стелла. — Все знают, что я старая кошелка!

Она взяла Майка под руку и, заигрывая, сказала:

— А как поживает второй по красоте мужчина, которого я знаю?

— А кто первый? Я убью его! — пошутил Майк.

— Конечно, мой муж, — засмеялась Стелла. — Клео, дорогуша, Майк потрясающе выглядит. Что это такое ты с ним сделала?

Клео хотела сказать мамочке, что Майк переспал с кучей блондинок. Именно поэтому он в хорошей форме.

Она загадочно улыбнулась и залюбовалась кольцом с огромным рубином и бриллиантами, которое демонстрировала мать.

— Подарок Никаи, — призналась Стелла. — Он балует меня, не так ли, дорогой?

Никаи радостно согласился:

— Если я не буду тебя баловать, то тут же найдется кто-нибудь другой.

«Какая ошибка, что я сюда пришла, — думала Клео. — Какая скучная и эгоистичная женщина моя мать. Единственное, что ей нужно в жизни, — подарки, комплименты и немного обожания. Да ну ее к черту, к черту Никаи, к черту Майка!»

— Ты выглядишь усталой, дорогуша, — заметила Стелла.

— Я действительно устала. У меня был ужасный день. Ты помнишь мою подругу Доминик?

— Хорошенькая девушка с очаровательными рыжими волосами?

— Да. Она сегодня покончила жизнь самоубийством.

— О, дорогуша, как ужасно! Майк, дорогой, налей мне еще мартини с соком. Он стоит в кувшине на столе.

«Как она сказала, — подумала Клео. — О, дорогуша, как ужасно. Неужели Стелле нечего больше сказать о Доминик? Она же ее знала, помнила. Даже Майк был тронут больше».

— Я думаю, — сказала Стелла, — давайте пошалим после обеда и завалимся в ресторан, попробуем горькое шоколадное мороженое.

— Ну и ну, — пробормотала Клео.

— Что, дорогуша? — спросила Стелла.

— Ничего. Ты не поймешь.

— А как насчет игры в нарды? — спросил Никаи. — Ты ведь умеешь играть, не так ли?

— Конечно. — Майк посмотрел на Клео, как будто она могла иметь по этому вопросу какое-то мнение.

— Играйте.

После того как она уехала из домика в Хэмпстеде, все происходило как в тумане. Она просмотрела уже отпечатанную статью о Даниеле Онеле. Сделала пару деловых звонков.

Потом вышла, чтобы побродить по Гайд-парку.

Клео совсем забыла об ужине у Стеллы. Впрочем, как и о договоренности встретиться с Майком и поговорить. Когда он появился в отеле, пришлось взять его с собой. Все же он был ее мужем, к тому же мать ничего не знала об их размолвке.

Так они оказались здесь, и Клео почувствовала себя в западне. Это были единственные родные люди, но если с ними она больше никогда не увидится, то мало потеряет. Почему нужно любить кого-то только за то, что этот человек — твоя мать?

Сколько Клео себя помнила, Стелла заставляла ее чувствовать себя уродливой, ненужной и глупой. «У тебя молодая мама! — говорили школьные друзья с завистью и недоумением. — А какая красивая!» А почему бы и нет? Она проводила все время у массажистов и парикмахеров, у косметички или на отдыхе.

Когда мамы других детей бродили с ними по зоопарку или катались на лодке по озеру в Риджент-парке, мама Клео загорала на Ямайке.

— Не приводи друзей домой, — предупреждала Стелла. — Они так шумят, что я не могу отдохнуть.

Клео с трудом перенесла обед. Она была вынуждена признать, что радовалась присутствию Майка. Он использовал весь свой юмор и просто спас вечер. Стелле он нравился. За столом он все время говорил ей, какая она молодая, соблазнительная и шикарная.

Когда опять возникло предложение пойти в ресторан, Клео отказалась.

— Было очень приятно, — солгала она, — но я так устала!

— Нужно каждый день есть зерно и мед, — посоветовала Стелла. — Это дает много энергии и прекрасно влияет на кожу. — Она внимательно всмотрелась в лицо Клео. — Ты уже почти в том возрасте, дорогая, когда пора начинать заботиться о коже.

Как это говорила Джинни: доза спермы в день, и никаких визитов к врачу — не нужны никакие кремы!

— Доброй ночи, Стелла. — Клео поцеловала мать в щеку.

— Доброй ночи, дорогая, обязательно напиши мне, когда приедешь.

— Ты никогда не отвечаешь на мои письма.

— Я не нахожу времени, дорогуша. Но все же пиши, мне приятно знать о тебе.

* * *

В машине Майк спросил:

— В твой отель или мой?

— Я думаю, ты не поймешь, если я скажу, что я не в состоянии сегодня вести беседы.

— Конечно, нет.

— Хорошо, — Клео безнадежно пожала плечами, — к тебе.

Майк дал указания водителю. Ехали молча, погруженные в свои мысли.

К Майку возвращалась уверенность в себе. Его отель — это был хороший знак. Они поднимутся наверх, начнут разговаривать, а потом разденутся...

Он на самом деле больше не мог жить без нее. Ночь, проведенная в квартире Эрики, была похожа на кошмар. Как оказалось, сексуальные привычки Эрики были несколько странноваты даже для богатого и разнообразного вкуса Майка.

Он удрал рано утром, когда она еще спала.

Они молча поднялись в лифте, потом Клео сказала:

— Ничего не выйдет, Майк. Мы закончим тем, что будем орать друг на друга.

— Ты не права, — покачал он головой. — Можно все уладить, мы же делали это раньше.

— Мы всегда добивались взаимопонимания, когда речь шла только о нас двоих.

— Я только прошу дать мне возможность объяснить все.

Он открыл дверь в номер и впустил Клео.

Глава тридцать девятая

Маффин притворилась спящей, пока Джон не ушел из квартиры. Чертов подлец, вчера он заставил ее заниматься любовью, а ведь ей этого не хотелось.

Он ее вынудил. Это почти изнасилование.

Она договорилась встретиться с Маленьким Марти в отеле в семь.

— К этому времени все будет спокойно, — проинструктировал Марти. — Весь день я записываю пластинки, поэтому скажу Джексону, что устал, так что вечером он меня занимать не будет.

Маффин собрала кое-что из вещей. Она хотела уйти из квартиры задолго до того, как вернется Джон. Маффин планировала купить себе свадебный наряд. Белый цвет подойдет. Что-нибудь с оборками и девственное.

Она нарядилась, оделась, собрала вещи и написала короткую записку Джону: «Пошла к подруге. Позвоню завтра». Так он не будет беспокоиться. Стыдно, конечно, что она не может пригласить его к себе на свадьбу, но этого нельзя делать ни в коем случае.

Зазвонил телефон. Как раз когда она выходила из квартиры. Это была Лори.

— Приходи, пообедаем, — настаивала она. — У меня потрясающие новости.

— Какие? — спросила Маффин.

— Они слишком интересны, чтобы рассказывать о них по телефону, — похвасталась Лори. — Я хочу видеть твое лицо. Ты даже не поверишь! В два часа в «Карусели», согласна?

— Хорошо.

Обед с подругами — это то, что нужно. Он будет ей проверкой. Маффин буквально распирало от желания поделиться с кем-нибудь о Маленьком Марти Перле, но если она расскажет девушкам, ничего хорошего из этого не выйдет. Им доверять нельзя. Они побегут и доложат Джону, а тот попытается ее остановить, и все будет ужасно скучно. Кому же рассказать?

Маме. Она могла поделиться с мамой. Она могла заставить ее поклясться не разглашать секрет. Сгорая от нетерпения, Маффин взяла такси и поехала в Уимблдон.

— Два визита за последние дни, — заметила мать. — Сегодня же не мой день рождения.

— Я знаю, мам. Ты когда-нибудь слышала о Маленьком Марти Перле?

Мать вытерла натруженные руки о передник.

— Посмотри в комнате близнецов. Фотографии Маленького Марти Перла на всех стенах.

— Неужели? Вот как здорово! Мама, ты только не падай в обморок, я выхожу за него замуж.

— То же собирается сделать и Джози, но я сказала, что ей придется подождать шестнадцати.

— Мама, я серьезно. Я выхожу за него замуж, мы тайно женимся завтра утром. Мы встретились в фотостудии, он очаровательный, и мы полюбили друг друга.

Мать Маффин тяжело опустилась на стул.

— А как же Джон? — спросила она. — Ты же помолвлена с Джоном?

— Он не против, — легко солгала Маффин. — Он все понимает. Он же совсем не хотел на мне жениться.

— Ну... все так неожиданно. Почему завтра? Ты не беременна?

Маффин захохотала.

— Конечно, нет, мама. Не глупи.

— Я всегда мечтала, чтобы у тебя была прекрасная свадьба, цветы, а Джози и Пэнни будут подружками. Прием в городской мэрии, все наши родственники. Тетя Анна, дядя Дик...

— Мам! Тебе что, больше нечего сказать?

— Это шок, дорогая. Я разочарована. Мне так хотелось, чтобы церемония была красивой, обязательно в церкви.

— О! Мам!

— Я все понимаю, но мне очень жаль. И твоего отца это тоже расстроит. Мы оба гордимся тобой и были бы...

— Хорошо, мам, — перебила Маффин, — нет нужды продолжать. Может быть, у тебя изменится мнение, когда ты приедешь навестить меня и Марти в наш дом — в Голливуде.

— У него есть дом в Голливуде?

— Полагаю, что да. Если и нет, то мы его купим. Большой дом с бассейном. У нас будут две машины и куча маленьких умных собачек. И мне больше не придется раздеваться для фотографий. Представь себе это!

— В газете «Сан» сегодня твоя фотография. Волосы просто прекрасны. Хочешь посмотреть?

Маффин так и не явилась к обеду в «Карусель». Она была разочарована тем, как мать отреагировала на новость, и, уйдя из дому, отправилась покупать свадебный наряд. Она нашла то, что хотела: покрытое рюшами и оборками длинное белое платье. Вставка сверху сильно просвечивалась, кроме того, прилагалась соответствующая шаль.

— Вы Маффин? — спросила продавщица.

— Да, — кивнула Маффин.

— Я думала, что такие знаменитости получают одежду бесплатно.

Настроение Маффин улучшилось. Приятно, когда тебя считают знаменитостью.

* * *

— Ну? — поинтересовался Джексон, дружески ущипнув Марти. — Это был настоящий подарок или нет?

— Спасибо, Джексон, — лениво сказал Марти.

— Я же сказал, что в будущем обо всем позабочусь, — подмигнул он. — Сначала я сам проверил товар. Горячая штучка. Думаю, это пойдет тебе на пользу. Хочешь ее еще раз сегодня?

— Нет, — поспешно ответил Марти. — Сегодня я хочу поспать. Не буди меня завтра рано. Я чувствую себя усталым, будто не в своей тарелке.

— Не привык еще, — засмеялся Джексон. — Нет привычки съедать горячую булочку перед сном, а?

— Думаю, что так.

— Понимаю. Я закажу разговор на двенадцать. Мы должны посетить фабрику, которая выпускает твои пластинки. Потом фотографии, запись шоу для детей на телевидении.

Ничего тяжелого.

— Тогда увидимся утром, — сказал Марти. Он посмотрел на часы: половина седьмого.

— Если ты так хочешь, малыш. Между прочим, сегодня все прошло хорошо.

— Майку так не показалось.

— У Майка личные проблемы. Можешь довериться мне. Все идет так, как мы желаем.

«Я очень надеюсь, — думал Марти. — Надеюсь, что скоро появится Маффин. Что мы все сделаем и нас не поймают. Что к завтрашнему вечеру я буду женат».

— Спокойной ночи, малыш, — сказал Джексон.

— Спокойной ночи, Джексон, — ответил Марти. «Когда я буду женат, — думал он, — ты уже никогда не назовешь меня малышом. Я буду пить, ругаться и таскаться за женщинами так же, как это делают все женатые мужчины, которых я знаю».

— Ты уверен, что ничего больше не нужно?

— Ничего, — ответил Марти.

— Тогда увидимся утром.

Глава сороковая

Невозможно передать шок, который испытал Майк, увидев Эрику, спокойно расположившуюся в его номере.

Клео немедленно ушла.

— Когда-нибудь в другой раз, — бросила она ему, — примерно через годик-другой.

Он спорил, но все было бесполезно. Майк дал ей уйти, а сам вернулся в комнату, где спокойно сидела Эрика.

— Какого черта ты здесь делаешь? — взорвался он. — Вставай! Выметайся! Пошла к черту!

Эрика положила журнал и пожалала плечами.

— Я думала, ты будешь рад. Надеялась сделать тебе сюрприз.

— Ты его и сделала. Поссорила меня с женой окончательно. Одевайся и пошла вон!

— А если я не хочу уходить?

— Тогда я заставлю тебя это сделать!

— Попробуй!

— Прекрати. Неужели ты не можешь понять, что тебя не хотят? Убирайся отсюда! Быстро!

— Ты хотел меня прошлой ночью.

— И получил то, что хотел. Больше желания нет, собирайся и проваливай.

Майк был вне себя. Все стремительно рушилось в его жизни. С тех пор как Клео обнаружила его со Сьюзен, потянулась чередой неприятностей. Теперь еще и это. Клео его никогда не простит. Это последняя капля.

Эрика встала, развязанное полотенце упало к ее ногам. Медленно подняв руки, она стала мягко поглаживать соски, пока они не набухли.

Майк наблюдал за ней.

— Не хочешь присоединиться? — выдохнула Эрика.

— Нет, — отрезал он, не в силах отвести взгляд.

Руки опустились к животу, любовно поглаживая тело.

— Иди ко мне, — сказала Эрика и медленно развела ноги.

Майк не двигался.

Она наклонялась все ниже к полу, все шире раздвигала ноги, наконец начала стонать. Движения стали быстрыми.

— Пожалуйста, — молила она.

Майк не мог оставаться безучастным: близость Эрики сломала остатки его сопротивления. Пошло все к черту! Он расстегнул брюки, подошел к ней и грубо взял...

— Этого ты хотела? — бросил он неприязненно, когда все было кончено.

— Да, — прошептала она.

— Хорошо. Теперь одевайся и убирайся.

Ему было стыдно за себя. Что за наваждение? Позволить так легко обвести себя! А что, если бы Клео передумала и вернулась? Господи! Он и в правду дерьмо. Наверное, Клео права, что оставила его. Видимо, он никогда не изменится. Да он и не хотел меняться.

Майк отвернулся, пока Эрика одевалась.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушла? — спросила она.

Он не ответил. И даже не обернулся, когда хлопнула дверь.

* * *

Клео мучили сомнения: не был ли поступок Майка преднамеренным? Вопрос, в чей отель они поедут, задал он. Наверняка знал, что в его номере будет девушка. Зачем же было везти ее туда? Как будто ему хотелось быть пойманным.

Конечно, жутко неприятно, что Майк вторично устроил ей гадость, но, по крайней мере, это избавило ее от его долгого и болезненного разговора. Между ними все кончено. За вежливыми формальными переговорами последует быстрый развод. Она даже готова слетать в Рено, если это ускорит ход событий.

Все навалилось на нее сразу. И смерть Доминик, и окончательный разрыв с Майком.

Лежа в постели, Клео обнаружила, что вообще не может спать. Мысли так и мельтешили в голове. Чем энергичнее она пыталась уснуть, тем сомнительней был результат.

Утром Клео позвонила и договорилась с Поло Массерини о встрече, затем заказала билет на следующий рейс в Рим. Чувствовала Клео себя ужасно, но отменять встречу не стала, надеясь, что она быстро закончится.

Звонил Майк, но Клео не стала с ним разговаривать. Она даже не расстроилась, скорее почувствовала разочарование. Когда-то она любила его. Теперь осталась лишь жалость.

Под впечатлением момента она позвонила Даниелу Онелу.

— Я уже закончила материал.

— Неужели? — равнодушно спросил Даниел.

— Да. Думаю, вам понравится. Если хотите, могу завезти вам его по дороге в аэропорт.

— Вы уезжаете в Америку?

— Нет, в Рим. Нужно взять интервью у Поло Массерини.

— Я вам сочувствую.

— Так вы хотите почитать о себе?

— Конечно. Я смогу внести правки?

— Нет, никаких изменений. Оригинал уже отослан в Нью-Йорк.

— Тогда не стоит и смотреть. Я только разозлюсь.

— О. — Клео судорожно глотнула. — Значит, не завозить статью?

— Спасибо за предложение, милая, не стоит. Допустим, что статья мне не понравится, а я буду бессилён что-либо изменить. Бездействие не в моем характере.

— Думаю, вам понравится.

— Конечно, кому как не вам так думать. Вы же автор статьи.

— Ну хорошо, — она сделала паузу, — я пошлю вам экземпляр журнала, когда статья выйдет.

— Очень мило с вашей стороны.

Действительно, очень мило. Почему он отказался от встречи? И зачем ей видеть его?

Слишком рано делать ставку на какого-то другого мужчину. К тому же Даниел Онел уже был связан с женщиной, да и виделись они лишь однажды.

И тем не менее в нем что-то было... Вот именно, что-то...

Глава сорок первая

Маффин никогда не умела нормально писать. Огромные детские каракули разозлили Джона так же, как и содержание записки. Иногда ему казалось, что он живет с шестилетней девочкой, которой не под силу правильно написать даже слово «друг».

Он дважды прочитал записку, скомкал ее в раздражении и бросил в унитаз.

Джон запланировал особенный вечер. Купил бутылку шампанского, огромный букет розовых роз, которые Маффин так любила, и два билета на самолет — через три дня Джон и Маффин должны были улететь на Барбадос.

А теперь все испорчено. Ночевка с подругой! Неужели она считает его дураком? Прячется с каким-то парнем, и если одну ночь еще можно простить, то уже две — ни в коем случае.

Он пытался угадать, кто бы это мог быть.

Недавно она работала с Дэйвом Райлом. Этот парень — настоящий дьявол с женщинами. Что, если Дэйв Райл решил развлечься с Маффин?..

Хорошо бы разузнать у кого-нибудь правду.

Обычно Эрика знала обо всем, что происходило. Джон набрал ее номер, но ответа не было. Затем решительно позвонил Дэйву Райлу и задал ему несколько невнятных вопросов о новом фотоаппарате, появившемся в магазинах. В конце концов Джон как бы между прочим спросил:

— Кстати, Мафф у тебя?

Дэйв двусмысленно хохотнул.

— К сожалению, Пышка здесь не бывает. А ты что, потерял ее?

— Нет, — поспешил ответить Джон. — Она опаздывает. Я думал, что она могла зайти к тебе в студию посмотреть негативы фотографий, которые ты сделал на прошлой неделе. Она что-то такое говорила.

— Если она появится, сынок, я скажу ей, что ты ее ждешь.

— Спасибо, Дэйв. — Джон положил трубку и представил себе Маффин и Дэйва голыми в постели.

Он вновь попытался набрать телефон Эрики. Тщетно: ее еще не было.

Джон уже не просто злился. Он был в ярости. Когда хихикающая Маффин появится завтра утром, он поставит ей условие: больше никаких парней. И никаких поблажек. А если ей это не понравится... В самом деле, что будет, если ей это не понравится?

* * *

Рано утром, когда они еще лежали в постели, Маффин прижалась к Марти и сказала:

— Мне не следовало проводить с тобой эту ночь.

— Почему?

— Потому что сегодня я — невеста, и нам положено спать врозь.

— Мы бы много потеряли, если бы последовали этому обычаю, — усмехнулся Марти.

— Да! — согласилась Маффин. — Ты прав!

Спать им больше не хотелось. Маффин встала и приступила к долгому и тщательному

ритуалу подготовки к торжеству. Она приняла ванну, вымыла волосы. Пока они сохли, начала накладывать косметику — в те дни, когда Маффин хотела выглядеть особенно хорошо, она тратила на это занятие не меньше часа. Затем накрутила волосы на термобигуди.

Все это время Марти внимательно изучал красные прыщики на своем лбу. В конце концов он решил, что лучше всего будет полностью покрыть лицо крем-пудрой.

Интересно, а нельзя ли привести в порядок волосы с помощью бигудей Маффин? Бурно проведенная ночь сделала из его прически черт знает что. Марти обратился за помощью к Маффин, и она с удовольствием накрутила ему волосы.

— Знаешь, — сказала Маффин, — я однажды попыталась накрасить Джону ресницы. Он дико разозлился, пришел в ярость. Я думаю, что мужчинам надо пользоваться косметикой, это так здорово. Может, накрасить тебе ресницы?

— Не сегодня, — быстро ответил Марти.

— Ну конечно, не сегодня, глупыш. Может быть, во время медового месяца? Кстати, где мы проведем наш медовый месяц?

Маффин не знала, что планы Марти не простирались далее церемонии бракосочетания. Мысль о медовом месяце вообще не приходила ему в голову. Они поженятся и по возвращении в отель поручат всем заняться Джексону: он всегда все организовывал для Марти. Конечно, Джексон разозлится, но помешать им уже не сможет.

— Не знаю, — неопределенно ответил Марти, — мне нужно закончить турне.

— Ладно, — согласилась Маффин, — мы отложим наш медовый месяц. Как насчет отдыха на Гавайях?

— Здорово.

— По телевизору Гавайи выглядят такими потрясающими. Представь: пятая серия фильма «Гавайи», Стив Макгаррет и другие парни в лодке. Иди сюда, я сниму бигуди.

Из предосторожности они вышли из отеля черным ходом: Марти в белом кожаном костюме, завитой и накрученный, и Маффин, хорошенькая накрашенная кукла в длинном шелковом с оборками платье. Они держались за руки и от страха дрожали.

Уже подъезжая к мэрии, Маффин вспомнила о том, что они забыли привести двух свидетелей.

— Можно пригласить двух человек с улицы, — предложил Марти.

— Мне бы этого не хотелось, — скорчила гримаску Маффин.

— Ну так что же делать? — беспомощно спросил Марти.

Его била нервная дрожь. О Господи! Что скажет Джексон? Ему ужасно хотелось поскорее со всем разделаться.

— Я знаю, что делать, — нашла Маффин. — Я позвоню двум подружкам.

— Они смогут добраться сюда очень быстро?

— Я объясню, что дело не терпит отлагательств.

В мэрии Марти и Маффин встретила высокая худая женщина, которая провела их в маленькую комнату с телефоном.

Маффин позвонила Камико. В отличие от других фотомоделей, она заслуживала доверие и на нее можно было положиться. Камико пообещала быть через пятнадцать минут. Маффин гадала, кому позвонить еще: Эрике или Лори. Конечно, обе суки, но помешать ей они все равно не смогут.

В конце концов решила позвонить Лори. Ничего не объясняя, Маффин попросила ее

немедленно приехать и никому об этом не болтать.

Марти курил сигарету за сигаретой.

— Я не знала, что ты куришь, — удивилась Маффин.

— Джексон не разрешает мне. Это вредит голосовым связкам. Ты дозвонишься до подружек?

— Они уже в дороге.

Высокая худая женщина молча пялилась на них вот уже несколько минут. Неожиданно она заявила:

— Репортеры вскоре будут здесь. Вы хотите, чтобы их впустили?

— Какие репортеры? — с тревогой спросил Марти.

— Из газет.

— О, черт! А они откуда узнали?

— Понятия не имею, — сказала женщина, стараясь не смотреть Марти в глаза.

Марти вскочил.

— Мы не можем ждать твоих друзей, Маффин. Джексон будет здесь с минуты на минуту.

— Но нам необходимы два свидетеля.

— Она может быть одним, — он показал на высокую женщину, — не так ли?

— Нет, я обязана встречать людей, отвечать на телефонные звонки. Я работаю здесь.

Мэр не разрешит мне.

— А доносить прессе он разрешает?

— Не понимаю, о чем вы.

— Да, конечно...

В этот момент появилась Камико.

— Почему такая спешка? — спросила она. — Я не завтракала и даже не накрасилась.

— Кам, — с облегчением обняла ее Маффин, — я выхожу замуж.

— А где Джон?

— Не за Джона, а за Марти. Познакомься. Это Маленький Марти Перл.

Камико с недоумением покачала головой.

— Не знаю... Вчера за обедом Лори говорила, что она и...

— Лори будет здесь с минуты на минуту, — прервала ее Маффин.

— Лори?! — переспросил Марти, сильно покраснев.

— Английские девушки такие свободные, — сказала Камико. — В Японии...

— Зачем было приглашать Лори? — разозлился Марти.

— А почему бы и нет? — огрызнулась Маффин.

— Она же подружка Джексона.

— Я ничего не сказала ей.

— Глупо было приглашать ее.

— У меня не было другого выхода, Марти.

Ворвалась Лори, одетая в чересчур короткое джинсовое платье.

— Эй, улицы полны фоторепортеров. — Она приподняла солнечные очки. — Марти! А ты что здесь делаешь? Господи! Мне нужно в туалет. Маффин, малышка, что происходит?

— Мы женимся! — с торжествующей улыбкой на устах заявила Маффин. — Марти и я!

— Что-о-о-о?

— Пошли, — поспешно сказал Марти, — покончим со всем этим и выберемся отсюда.

— Я провожу вас, — предложила высокая худая женщина.

— Я так нервничаю, — воскликнула Маффин.

Лори покачала головой.

— Мне кажется, что я сплю. Это не может быть правдой.

— Лори, — спросила Камико, — вчера за обедом ты сказала, что вы с...

— Ш-ш! Мы на свадьбе, Кам! Не будем омрачать ее сплетнями.

Всей компанией они направились в комнату, где должно было состояться бракосочетание. Появился служащий мэрии и сразу же приступил к официальной церемонии. Марти забыл купить обручальное кольцо, поэтому Камико сняла свое обручальное кольцо, и он надел его на палец Маффин.

Через пятнадцать минут все было кончено.

— Не могу в это поверить, — шептала Лори. — Жаль, что меня не предупредили. Я бы по такому случаю принарядилась получше.

— Мы женаты! — закричала Маффин, как только они вышли из комнаты. — Я миссис Марти Перл.

Она тискала Марти, который, казалось, находился в сомнамбулическом состоянии.

— Пошли на квартиру и отпразднуем!

— На какую квартиру?

— Ко мне.

— А как же Джон? Он что, не возражает?

— О, черт! Я и забыла о Джоне. Он ничего не знает.

— Не знает?! В таком случае, малышка, я иду домой.

— Мне тоже нужно идти, — присоединилась Камико.

— Хорошо, — Маффин не стала их задерживать, — поехали в «Дорчестер», Марти. Вот будет здорово. Я всегда мечтала там позавтракать.

На улице их окружили фоторепортеры.

— Ура! — ликовала Маффин. — Я чувствую себя настоящей знаменитостью.

Глава сорок вторая

— Вы не против, если я закурю? — спросил толстый мужчина, который сидел рядом с Клео.

Клео улыбнулась: как она и предполагала, толстяк пытается завязать знакомство.

Он понял ее улыбку как знак особого расположения.

— Я не очень люблю летать, — сознался он.

— Вам вообще, кажется, не очень повезло в этой жизни, — неожиданно брякнула Клео.

— Что вы сказали? — Толстяк не верил своим ушам.

— Вам следует сесть на диету, — заметила Клео, — слишком много холестерина. В вашем возрасте и с вашей комплекцией недалеко и до инфаркта.

Сильно покраснев, толстяк промямлил:

— Извините.

И ретировался в конец салона, где можно было поболтать со стюардессой, не опасаясь, что тебя оскорбят.

Клео зевнула. Еще утром она чувствовала себя кошмарно. И вот сейчас, впервые за много дней — новый прилив сил. Она ощущала себя свободной и бодрой. Неужели так бывает со всеми, кто собирается разводиться? Кто знает? Да пошло все к черту! Сейчас ей хорошо — и это главное.

Известная английская поп-группа летела в том же самолете, в поисках какого-нибудь занятия певцы бродили по салону и всем мешали. Среди них выделялся стройный юноша с длинными черными кудрями и зовущим взглядом зеленых глаз. Клео улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

Забавно пофлиртовать с младенцем! Окажись на ее месте Джинни, она соблазнила бы его без всяких угрызений совести. Он выглядит лет на двадцать, не больше.

— Закуришь? — спросил он, цинично окидывая ее оценивающим взглядом.

— Здесь?

— Зачем же здесь? Можно забраться в туалет. А там ты получишь больше, чем сигарету. — Он многозначительно подмигнул.

Интрижка в самолете! Та самая ситуация, которую всегда мечтал проиграть Майк. Но Клео не собиралась заниматься любовью с незнакомым мальчиком. Хотя предложение его было весьма заманчивым.

— Нет, благодарю. — И она улыбнулась, показывая, что не сердится.

— Нет так нет, — пожал плечами юноша. — Я думал, что у нас могло быть неплохое приключение.

Явно разочарованный, он удалился.

Да, такое вполне возможно. Если бы на месте этого мальчика был Даниел Онел, Клео наверняка не отказала бы себе в удовольствии. Хотя вряд ли Даниел занимается любовью в самолетах.

В римском аэропорту ждала машина, которая отвезла ее в отель. Пресс-секретарь Поло Массерини встретил Клео в вестибюле и подтвердил, что их встреча состоится, как и договаривались, в четыре часа.

Ходили слухи, что Поло Массерини — чрезвычайно тщеславный и себялюбивый, что, впрочем, не было помехой его карьере. Вообще-то Клео уже наскучило брать интервью у

актеров. Они были слишком пресной пищей для ее привыкшего к остренькому желудка. Она испытывала чувство голода по политическим деятелям. Рамо, Батч, Сэмми, Даниел, Поло. Многие женщины, наверное, отдали бы все за одну лишь встречу с кем-нибудь из этих мужчин. Но для Клео они — обыкновенные люди, которые благодаря своей внешности и обаянию достигли славы. Гораздо больший интерес вызывал у нее человек, который проложил себе путь наверх благодаря нестандартному мышлению.

И все-таки ей не на что жаловаться. Особенно теперь, когда Даниел Онел помог ей понять, что Майк не самый интересный и привлекательный человек. А если хорошенько подумать, то Майк уже давно перестал быть таковым.

* * *

Поло Массерини предстал перед Клео таким, каким она его себе и представляла. Сорокалетний высокий блондин с пронзительным взглядом голубых глаз. Его мягкий итальянский акцент напомнил Клео вкус молочного шоколада.

Он поцеловал Клео руку, заказал ей перно с молоком — его любимый напиток — и пустился рассказывать о том, какой он умный, красивый и сексапильный мужчина. Одна и та же песня в сотнях вариаций.

Боже, как он ее утомил! Журналист, берущий интервью, обязан изображать если не глубокую симпатию, то хотя бы живой интерес к собеседнику. Клео не могла себя заставить улыбнуться, откровенно зевала, а когда кассета закончилась, даже не потрудилась перевернуть ее.

Все-таки ее работа — довольно тяжелый способ зарабатывать деньги. Одна беседа с Массерини могла утомить кого угодно. Пора отдохнуть от всех этих актеров.

Через два часа приехала жена Поло. Крупная, с тяжелой походкой, она больше походила на мать, нежели на жену. Ему не хотелось уходить, последовала короткая громкая перепалка на итальянском.

Клео старалась ничего не замечать. Фактически интервью она не взяла: ничего заслуживающего внимания в рассказах Поло не было.

А что, если дело в ней самой? Может, она теряет квалификацию?

Супруги Массерини удалились, и Клео какое-то время провожала взглядом их белый «роллс-ройс», сидя в котором Поло выглядел, как зверек в клетке.

— Он потрясающий человек, — стремясь поддержать Поло, сказал его пресс-секретарь.

— И так любит поговорить, — заметила Клео.

— Но все, что он говорит, очень интересно.

— Конечно.

— Хорошее получилось интервью?

— Думаю, материала более чем достаточно.

— Да, чуть не забыл. Вам просили передать, что синьор Кауфман приедет в отель к шести. Он надеется поужинать с вами.

* * *

Они сидели в уличном ресторане.

— Вот уж не думал, что женщина, которая собирается разводиться, захочет провести ночь в Риме в одиночестве.

— Ты очень заботлив.

— Не слишком. Я просто давно мечтал съесть порцию хорошего спагетти.

— Как ты нашел меня?

— Пришлось навести справки.

— А как же фильм? Тебе было легко уехать?

— У меня два свободных дня. Я ничего не сказал, а то бы они устроили... Мы вернемся утром. Боже, какое хорошее вино! А теперь расскажи мне об этом зануде Массерини. Он все такое же дерьмо, как и прежде?

— Наверное. Посмотрим правде в глаза: актер есть актер. Думаю, интервью прошло отвратительно.

— Не оскорбляй профессию, называя Массерини актером. Он — итальянское ничтожество.

— Видно, он тебе сильно нравится.

— Мне нравишься ты. — Батч внимательно посмотрел на Клео. — Что ты на это скажешь?

— А что я должна сказать?

— Ну, может быть, нам стоит попробовать вместе устроить свою жизнь?

— То есть?

— Представь: дом в Малибу и только ты и я.

— Но мы почти не знаем друг друга.

— Ерунда! Не будь старомодной! Я думаю, у нас может получиться. А потом, что мы теряем?

— Ты, кажется, говорил, что у тебя есть девушка?

— Она всего лишь подружка, ничего серьезного. А с тобой мне бы хотелось сыграть в серьезную игру.

— Я еще не успела выбраться из одного брака, Батч!

— Я помогу. На этой неделе заканчиваю фильм, а потом мы можем лететь в Лос-Анджелес. И никаких обязательств. Мы будем вместе, пока это будет приносить нам удовольствие.

Клео вдруг рассмеялась.

— Это так внезапно.

Батч улыбнулся.

— Для журналистки ты слишком наивна. Доедай спагетти и пошли на дискотеку.

С Батчем Клео чувствовала себя в безопасности. Это был мужчина, отношения с которым вряд ли могли быть серьезными и к чему-нибудь обязывать, и, что самое важное, он был абсолютно честен.

Позднее, лежа в постели, Клео обдумала его предложение. Несколько недель, а может быть, месяцев в Малибу пойдут ей на пользу. В Калифорнии она встретится с юристом и решит вопрос о разводе. Можно будет какое-то время не работать и расслабиться. А что ей, в самом деле, терять?

С Батчем легко. Кроме того, он отличный любовник, а это тоже немаловажно. Теперь, после разрыва с Майком, Клео хотела чувствовать себя нужной кому-то и желанной. Батч

поможет ей в этом.

Утром она сказала:

— Ладно. Давай попытаемся, мистер Кауфман.

— Вот и хорошо. Попробуем, а там время покажет, что нам делать.

— Да, время покажет.

Глава сорок третья

На улице Марти и Маффин встретила огромная толпа. Откуда появились все эти люди? Они сбегались отовсюду, орали, свистели, фотографы щелкали затворами, что-то кричали. Какая-то девушка схватила Марти за руку, он оттолкнул ее. Где его машина? Где Джексон?

И тут до него дошло: не будет машины, не будет Джексона.

Маффин беззаботно позировала фотографам, ничуть не беспокоясь по поводу царившей вокруг неразберихи.

Марти затолкал ее назад в мэрию и захлопнул дверь. Он задыхался и обливался потом.

— Случилось что-нибудь? — спросила Маффин недовольно.

— Эти толпы, они опасны.

— До чего же ты глуп!

— Вызовите нам такси, — попросил Марти служащую. — Здесь есть черный ход?

— Зачем черный ход? Я люблю, когда меня фотографируют, — закуражилась Маффин.

Марти не ответил. У него болел живот: в моменты стресса давал о себе знать легкий гастрит. Обычно мать носила таблетки, сейчас они, наверное, у Джексона.

Приехало такси. Их вывели черным ходом, но вездесущие фоторепортеры собрались и там.

— Как здорово! — воскликнула Маффин.

— У меня болит живот, — пожаловался Марти.

За их машиной следили, и перед входом в «Дорчестер» газетчики сделали еще несколько фотографий.

— Я хочу плотно позавтракать, — заявила Маффин. — Яйца, бекон, сосиски и шампанское.

— Меня тошнит.

* * *

Пробуждение после очередного перепоя никогда не было легким для Джексона. В этот раз ему было особенно плохо. Чувствовал он себя хуже некуда, а впереди был напряженный рабочий день и миллион проблем, которые надо решать.

Ближайшая — избавиться от Эрики. Они случайно встретились прошлым вечером, и Джексон, руководствуясь правилом «никогда не упускай предоставившейся возможности», пригласил ее выпить у себя в номере. Естественно, после того как они «уговорили» бутылку хорошего бренди, вечер закончился в постели. Эрика была маньячкой! И притом опасной! В настоящий момент Джексон мечтал только об одном: поскорее выпроводить Эрику из своего номера и больше никогда с ней не встречаться.

Он потихонечку выскользнул из постели, схватил одежду и закрылся в ванной. Все болело. Нет, с такими женщинами лучше не связываться! Она вела себя так, как будто мужчины у нее не было долгие годы. Джексон быстро оделся. Потребуется ли Эрика деньги, как это сделала Лори? Собственно говоря, это она ему должна заплатить. За причиненный моральный и физический ущерб.

У постели зазвонил телефон, и прежде чем Джексон успел подойти, Эрика протянула

худую руку и сняла трубку.

— Да?

Джексон выхватил у нее аппарат.

— Алло, Джексон слушает, — гаркнул он и тут же пожалел, что оказался у телефона.

* * *

Джон так и не сомкнул глаз. Всю ночь он предавался горьким размышлениям, и утро застало его с воспаленными от бессонницы глазами. Пора было собираться на работу, но одуревший от ночного бдения Джон решил позвонить и отменить все назначенные на сегодня встречи.

Неожиданно зазвонил телефон.

— Джон, мне кажется, с тобой обошлись нехорошо.

Ну так он и знал!

Это была Лори.

— Джон. — Она помолчала. — Я думаю, ты должен это знать.

— О чем ты? — без особого любопытства поинтересовался Джон. Эта Лори — такая надоедливая!

— Джон, я такой же друг тебе, как и Маффин.

— Что дальше? — Вот дрянь! Наверняка собирается сообщить какую-нибудь гадость. — Ты имеешь в виду Дэйва Райла?

— Кого?

— Ладно. Что ты хочешь мне сказать?

Лори соболезнующе вздохнула.

— Маффин и Маленький Марти Перл только что поженились.

— Не глупи. — Все-таки Лори — отвратительная девица. — Она что, с тобой? Вы решили меня разыграть?

— Джон, это правда. Я была свидетелем у них на свадьбе.

— Ты серьезно?

— Конечно. Как я могу шутить такими вещами. Я думаю, это...

— Где они? — нетерпеливо оборвал Джон.

— Полагаю, они завтракают в «Дорчестере». Я не пошла. Я...

— А Джексон с ними?

— Он ничего не знает. Дело в том, что никто ничего не знает. Ты...

Джон повесил трубку. Маффин! Маленькая грязная сука! Как она могла так поступить с ним?! После всего, что он для нее сделал!

Он позвонил Джексону. Ему ответил женский голос. Это была Эрика.

— Он выскочил из дому как сумасшедший, — пропела она. — А что случилось?

Но Джон уже выбежал из своей квартиры.

* * *

Живот у Марти болел все сильнее. И когда в ресторане появился возбужденный,

запыхавшийся Джексон, Марти даже обрадовался: наконец-то прибыли его таблетки.

— Ах ты, маленький сукин сын! — криво улыбнулся Джексон, придвигая стул и помахивая рукой паре репортеров, которые уселись за соседним столом. — Я же сказал: когда у тебя зачесется, беги ко мне. Ко мне, а не к маленькой Мисс Золотые Сиськи.

— У меня болит живот, — пожаловался Марти, — дай мне таблетку.

— Я сейчас затолкаю эти чертовы таблетки в твою проклятую задницу! Что за дурацкие выходки? Ты что, хочешь вылететь с работы?

— Доброе утро, — вмешалась в разговор Маффин. — Вы что, сегодня встали с левой ноги?

— Заткнись, маленькая потаскуха. Ты соображаешь, что ты наделала?

— Мне нужны мои таблетки, — ныл Марти. Ему уже порядком все надоело.

— Не оскорбляйте меня, — запротестовала Маффин. — Марти, ты слышал, как он обозвал меня?

— Где твой приятель? — не обращая внимания на ее вопли, спросил Джексон. — Он об этом знает?

Маффин заскулила.

Джексон схватился за голову.

— Господи! Двое глупых детей! Что на вас нашло?

— Мы любим друг друга, — заявила Маффин.

— Сейчас я оплачу счет, мы втроем потихонечку выйдем отсюда, и, когда доберемся до отеля, я лично сломаю тебе шею, Марти.

Марти понуро повесил голову. Он теперь — женатый мужчина. Но Джексону на это, кажется, наплевать.

* * *

Эрика лениво потянулась к телефону и набрала номер Майка Джеймса.

— Я в отеле, — сказала она, когда Майк поднял трубку.

— Ну и что?

— А то, что я могла бы нанести тебе визит.

— Разве в этом есть необходимость?

— Да или нет?

Майк замолчал. Минут пятнадцать назад он пытался поговорить с Клео, но она бросила трубку.

— Как хочешь.

— Я всегда хочу.

* * *

Джон перехватил их, когда они садились в машину.

— Давай присоединяйся, — потащил его Джексон. — Ты можешь избить ее, пока я буду душить его.

— Прекратите грубить! — Маффин чувствовала себя менее уверенно, чем накануне, с

Марти в постели.

Джон залез в машину.

— У меня болит живот! — стонал Марти.

— Наслаждайся этим, сынок! — сказал Джексон. — Сейчас это наименьшая из твоих проблем.

— Не сходи с ума, — ласково улыбаясь Джону, сказала Маффин. — Ты ведь никогда не хотел на мне жениться.

Хотеть-то не хотел. Но женился бы. Хотя бы для того, чтобы приумножить свой капитал.

— У меня созрел план, — сказал Джексон.

— Какой? — с надеждой глядя на Джексона, спросил Джон. Он чувствовал себя как рыба, вытщенная из воды.

— Единственный выход — это аннулировать брак, — победно оглядывая всю компанию, заявил Джексон.

— Но... — начала Маффин.

— Никаких «но», — рубанул рукой воздух Джексон, сразу отвергая всякие возражения. — Брак должен быть расторгнут немедленно. Так, Марти?

— Ладно, — согласился несчастный Марти. — А сейчас ты мне дашь таблетки?

Глава сорок четвертая

Майк Джеймс прошел регистрацию около стойки «Пан-Америкэн» и подал клерку два билета до Нью-Йорка.

Он был рад вернуться домой.

Господи! Только бы за «феррари» хорошо смотрели.

Рядом с ним стояла Эрика. Она выглядела довольно элегантно в нежно-зеленом костюме-миди. Ее гладкие светлые волосы блестели. Она собиралась сниматься в телевизионной рекламе в Америке: нужна была аристократического типа блондинка, и Эрика оказалась подходящей кандидатурой.

Было решено ехать вместе. Майк даже предложил Эрике остановиться в его квартире, и она поспешила согласиться.

«Какого черта, — думал Майк. — Клео все равно не вернется, поэтому буду наслаждаться жизнью. Покажу Эрике Нью-Йорк. Сам покажусь с ней. Все-таки новое лицо».

Днем раньше он проводил Маленького Марти Перла, Джексона и вновь присоединившуюся к ним миссис Эмму Перл в европейское турне. Миссис Перл снова получила возможность пичкать Марти таблетками и жаловаться Джексону на дурное питание. Майк от души посмеялся тому, как быстро все вернулось на круги своя.

И все-таки, какая сука Клео! Ему следовало понять это давным-давно! Эгоистичная, холодная, злая интриганка. Черт бы ее подрал! В мизинце Эрики больше достоинств, чем у нее. Черт с тобой, Клео Джеймс! Подумать только: убежала с таким ловеласом, как Батч Кауфман. Черт с тобой!

* * *

В этот же день Маффин и Джон улетали в Лос-Анджелес.

Маффин приехала в аэропорт в прозрачной блузке «под крестьянку» и вылинялых джинсах, заправленных в сапоги на высоком каблуке. Сапоги были раскрашены в цвета американского флага.

— Привет, Маффин, — кричали ей фотографы. — Повернись-ка в профиль. Прекрасно, дорогуша!

Джон занимался багажом и документами: визами, паспортами, билетами и прочим. Он выглядел усталым. Что и говорить: неделя была тяжелой. Счастье еще, что рядом оказался Джексон. Тогда, в тот злополучный день, он быстро сориентировался и взял ситуацию в свои руки.

— Ты же не хочешь, чтобы эти двое остались вместе? — поинтересовался он у Джона, отведя его в сторону.

— Ни в коем случае, — заявил Джон.

— Тогда не беспокойся. Я все поставлю на свои места.

И он сдержал слово. Нажал на какие-то тайные рычаги, дернул невидимые нити — и смехотворный брак двух недотеп был аннулирован. Марти при этом почувствовал облегчение, а Маффин не отказала себе в удовольствии разыграть оскорбленное девичье достоинство.

— Так что же на самом деле произошло между тобой и Маленьким Марти Перлом? — услышал Джон вопрос, который кто-то из репортеров задал Маффин.

Маффин улыбнулась, и на ее щеках заиграли ямочки.

— Я же миллион раз говорила, что это была шутка, глупая шутка, которая не удалась.

Она повернулась и обняла Джона.

— Вот мой мужчина. Единственный и на всю жизнь. Мы скоро поженимся, не так ли, дорогой?

Джон высвободился.

— Конечно. — Он бросил на репортера, задавшего вопрос, недовольный взгляд. — Но сначала сделаем снимки для календаря.

— Скажите, брак с Маленьким Марти расторгнут юридически? — допытывался настырный репортер.

— Он никогда и не был оформлен, — твердо заявил Джон. — Его аннулировали за несколько часов. Послушайте, ребята, мы говорим об этом уже целую неделю. Может быть, хватит?

И, показывая, что разговор окончен, Джон повернулся к репортерам спиной. При этом он грубо дернул Маффин за руку.

— Ты делаешь мне больно, — взвизгнула Маффин. — Я не твоя собственность.

— Зато контракт на календарь — моя собственность. Заткнись и пошли.

— Свинья! — пробормотала Маффин.

— Прекрати, Мафф, мне надоели твои детские выходки. Не я женился на тебе и тут же бросил. Радуйся, что тебя спасли от этого убудочного подростка так быстро.

— Вонючка!

— Послушай, мы едем в Голливуд. Все подготовлено и оплачено Джексоном. Мы будем жить в прекрасном доме, сделаем потрясающие снимки, потом поедем на Барбадос. Чего тебе еще надо? Расслабься и получай удовольствие. Мы прекрасно проведем время.

— Знаешь что? — протянула Маффин и быстро закончила: — Пошел ты к черту! — Промычав еще что-то неразборчиво, она показала Джону язык.

В этот день, казалось, все американские и английские звезды собрались в аэропорту. Не успела Маффин отпозировать фоторепортерам, как на смену ей появился Батч Кауфман в сопровождении Клео. Репортеры набросились на Батча, а Клео подошла к газетному киоску. На глаза ей попала газета с фотографией Шеп Стоуна, обнимавшего очаровательную женщину. Внизу была подпись: «Шеп Стоун, тридцати девяти лет, приветствует свою жену, танцовщицу Мэри Лу, двадцати двух лет, которая приехала сегодня из Флориды».

Мэри Лу явно пребывала в добром здравии. Восьмимесячная беременность, выкидыш и прочее — все оказалось чистойшей выдумкой Шеп. Ловко же он обдурил ее!

Клео вздохнула. Ради собственной выгоды люди готовы пойти на самую гнусную ложь. Она вспомнила похороны Доминик: Шеп Стоун даже не прислал цветов.

В продаже был и последний номер «Имиджа», Клео купила два экземпляра. «Чего я боюсь больше всего?» — было напечатано на обложке. Рассел открыл серию интервью ее материалом о Батче. Статья начиналась так: «Если вам нравится первый американский ловелас...»

А нравится ли он ей? Клео задумалась.

— Эй, малыш, — к ней направлялся Батч. — Не хочешь со мной сфотографироваться? Все парни спрашивали меня, кто эта очаровательная дама, с такими длинными ногами?

Потом, к счастью, приехал Даниел Онел, и они повернули свои объективы на него. Ты вовремя сбежала.

— Даниел Онел здесь?

— Да. Летит тем же рейсом. Он остановится в отеле «Бeverли-Хиллз» на пару недель. Я пригласил его заходить к нам. Ты не против?

— Нет, я не против. — Она обернулась: сквозь толпу фоторепортеров пробирался Даниел со своей датской принцессой, которая с удовольствием позировала.

Клео улыбнулась. Возможно, Лос-Анджелес окажется чем-то большим, чем она ожидала.

Даниел вдруг увидел ее, их взгляды встретились, и это мгновение решило все.

— Пойдем, малышка, — услышала она голос Батча, — пора в самолет.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.